

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде

СБОРНИК СТАТЕЙ

Составитель В.В. Каберник

Москва
Издательство «МГИМО-Университет»
2018

УДК 327
ББК 66.4(0), 304
П83

**Противодействие идеологии терроризма в образовательной
П83 сфере и молодежной среде : сборник статей / сост. В.В. Каберник ;
Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос.
Федерации. — Москва : МГИМО-Университет, 2018. — 191, [1] с.**

ISBN 978-5-9228-2021-9

Сборник статей подготовлен по материалам Всероссийского форума «Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде», проходившего в Москве 24–25 сентября 2018 г. В нем затрагиваются важнейшие вопросы, раскрывающие источники и причины распространения радикальной идеологии. Авторы наряду с глубокой аналитической проработкой проблемы предлагают новые подходы и методы, а также высказывают свои рекомендации, нацеленные на повышение эффективности организации работы органов исполнительной власти, образовательных организаций, правоохранительных структур, институтов гражданского общества по предупреждению и пресечению проявлений идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде.

УДК 327
ББК 66.4(0), 304

ISBN 978-5-9228-2021-9

© МГИМО МИД России, 2018
© Каберник В.В., составление

СОДЕРЖАНИЕ

Микаелян А.М.

Общероссийская гражданская идентичность
как инструмент профилактики экстремизма 5

Магин В.А.

Противодействие идеологии экстремизма средствами формирования
российской гражданской и цивилизационной идентичности
в полиэтнической студенческой среде 12

Горюнов А.П.

О необходимости учета религиозного фактора при проведении
адресной профилактической работы 21

Сахарова Л.Г.

Воспитание культуры межнационального и межрелигиозного
общения у обучающихся медицинских вузов как направление
профилактики экстремизма и терроризма 32

Халадов Х.С., Гадаев В.Ю.

Молодежный религиозный терроризм: особенности проявления
и преодоления 47

Эрлих О.В., Попова А.В.

Потенциал взаимодействия семьи и школы в сфере
предупреждения экстремистских проявлений
в поведении подростков 61

Муслимова М.Ш.

Потенциал русской классической литературы
в формировании антитеррористической идеологии
в молодежной среде 71

Яхьяев М.Я.

К вопросу о психологических основаниях террористической
направленности личности 80

Солондаев В.К.

Клинико-психологический подход к формированию
антитеррористического сознания 88

<i>Пьянкова С.Д.</i> О некоторых сценариях противодействия организации пропаганды террористических организаций	96
<i>Татаринцев А.Н.</i> Оценка предрасположенности личности к противоправному поведению и экстремизму и организация индивидуальной профилактической работы	112
<i>Иерусалимцева О.В.</i> Выявление в образовательных организациях обучающихся, попавших под воздействие идеологии терроризма и экстремизма с помощью технологии «Профайлинг».....	122
<i>Ларин Н.Ю.</i> Международный опыт профилактики экстремизма в молодежной среде	130
<i>Лебедев М.О., Соловьева Д.В., Нерядихина Н.С.</i> Психолого–педагогическая поддержка подростков — участников волонтерского движения в решении комплексных задач профилактики	146
<i>Щекотин Е.В.</i> Стратегии поведения сообществ правых радикалов в социальной сети ВКонтакте	163
<i>Каберник В.В., Тимофеева О.В.</i> Подходы к эффективному контролю интернет-пространства в учебных заведениях с целью минимизации влияния негативного контента.....	175

Общероссийская гражданская идентичность как инструмент профилактики экстремизма

Микаелян Айказ Маисович

*ведущий консультант отдела по взаимодействию с диаспорами, землячествами и некоммерческими организациями Управления по укреплению общенационального единства и профилактике экстремизма на национальной и религиозной почве
Федерального агентства по делам национальностей*

Общая численность населения России составляет 146 млн человек. На территории нашей страны проживают представители более 193 национальностей, создающих культурное и языковое многообразие нашей страны.

Укрепление единства российской нации — одно из приоритетных направлений национальной политики Российской Федерации, целью которой является достижение общенационального согласия, взаимопонимания среди народов России и социальной стабильности в обществе.

В последние годы, с усилением миграционных процессов, мы все чаще наблюдаем проявление различных форм нетерпимости, экстремизма и ксенофобии.

Этнорелигиозная напряженность является главным катализатором экстремистских идей, и это давно перестало быть сугубо внутривнутриполитической проблемой, поскольку данный фактор используется в качестве ключевого инструмента для дестабилизации политической системы государства внешними силами. Экстремизм же, в свою очередь, является всего лишь результатом низкого уровня гражданской идентичности и идеологического единства нации.

Для существования, развития и укрепления единства любой цивилизации необходимо наличие идеологических скреп и ориентиров, так

называемой миссии. Для страны это подобно цели в жизни человека, без которой невозможно гармоничное развитие его личности. Культурный код определяет идеологические ориентиры государства, а также цивилизационное предназначение его народа.

Идеологические ориентиры государства являются не только внешним выражением характера для всего мира, но и выступают главным инструментом единения людей, культур, мнений в одной стране. Такое приобщение индивида к общенародным ценностям является алгоритмом поведения для каждого гражданина. Идеиная идентификация личности — один из основных механизмов формирования гражданской идентичности.

Идентичность (лат. *identitas*, англ. *identity*) — свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным и другим группам, или отождествление себя с тем или иным человеком, как воплощением присущих этим группам или общностям свойств. Идентичность призвана удовлетворить базовую потребность человека в безопасности через общность с тем социальным союзом, где эта потребность будет обеспечена максимально.

Человек как социальное существо обладает многоуровневой идентичностью и состоит в социальных союзах с окружающими согласно общности интересов. Эти социальные союзы могут быть временные и постоянные, большие и маленькие, этнические, религиозные, территориальные, профессиональные и т.д. Нахождение в этих социальных сообществах формирует наше самосознание, в котором отражается чувство сопричастности к этим союзам. В некоторых из них мы всю жизнь состоим, а некоторые меняем по мере изменения наших интересов. Идентичность призвана обеспечить базовую потребность человека в

безопасности через общность с тем или иным социальным союзом, где эта потребность будет обеспечена максимально.

Ряд социальных союзов, в которых мы обязательно состоим, формируют все наше мировоззрение и развитие личности.

Семейная идентичность — принадлежность к семье, фамилии, роду. Естественная форма идентичности определяется с рождения и является наиболее крепкой формой социальных связей. Субъект взаимодействия — родственник.

Региональная идентичность — принадлежность к определенной территории, малой родине, республике, края, города и т.д. Форма идентичности определяется как местом рождения и проживания, так и исторической родиной народа. Обычно вдали от малой родины проявляется различными формами земляческих связей. Субъект взаимодействия — земляк.

Религиозная идентичность — принадлежность к определенной религии (далее конфессии или течению). Форма идентичности определяется как с рождения в виде традиционной формы идентичности в народе, либо приобретается личностью в ходе определения ею собственных идеологических взглядов. Субъект взаимодействия — единоведец.

Этническая идентичность — принадлежность к этнической группе, национальности. Естественная форма идентичности определяется с рождения и является одной из наиболее устойчивых форм социальных связей. Субъект взаимодействия — сородич.

Гражданская идентичность — чувство общности и сопричастности к гражданской нации и государству. Самая крупная форма социального союза в государстве, которая основывается на приоритете закона и права, историко-культурной общности народов России, формируя

чувство сопричастности личности к гражданской нации, государству и ее идеологическим ориентирам. Основным инструментом формирования гражданского единства нации и этноконфессионального согласия в государстве. Субъект взаимодействия — соотечественник.

Иерархия приоритетов того или иного вида идентичности также может отличаться в обществе: для кого-то важнее этническое самосознание, для кого-то — региональное и т.д., в зависимости от того, в какой социальной группе человек себя чувствует наиболее безопасно и комфортно.

Первичной и наиболее предпочтительной, с точки зрения развития гражданского общества и единства нации, является гражданская идентичность, под которой понимается чувство общности и сопричастности к гражданской нации и государству. Она основывается на приоритете закона и права, историко-культурной общности народов России, способствует гармонизации межнационального мира и согласия. Так, во времена СССР житель страны идентифицировал себя в первую очередь как гражданин Советского Союза, и только потом с родной республикой и национальностью.

В структуру гражданской идентичности входят:

- понимание личности себя как составной части общества и государства;
- патриотизм, как наполняющий гражданскую идентичность ценностным содержанием, любви к родине и уважению к соотечественникам.

Патриотизм является идеологическим фундаментом для формирования гражданской идентичности. Воспитание патриотизма — одна из основных задач, которую должны ставить перед собой все, кто работает в сфере образования. Главным инструментом этого воспитания

является не просто эфемерное чувство любви к своей Родине, а именно конкретная сопричастность к процессам, происходящим в нашей стране. Потому как истинно своим молодежь чувствует только то, в создании чего имеет или чувствует свою личную сопричастность. Если даже не в самом создании, хотя бы информационном сопровождении процесса. Поэтому, проводя любую работу по формированию гражданской идентичности, молодежь нужно рассматривать не только объектом воздействия, но и субъектом, реализующим задачи. Патриотизм не просто прилагательное, выражающее наше отношение к родине, патриотизм — глагол, призывающий жить по совести, во благо Отечества.

Низкий уровень гражданской идентичности создает благоприятную почву для распространения экстремистской идеологии. Экстремизм — это идеологическое явление, основанное на радикальных политических, религиозных, национальных и иных взглядах. Чаще всего мы сталкиваемся с религиозным или этническим экстремизмом. Противостоять экстремизму как идеологическому явлению эффективнее всего именно идеологической профилактикой и контрпропагандой, нежели силовым противодействием. Использование силового противодействия без необходимого идеологического обоснования в некоторых случаях вызывает обратную реакцию и может стать катализатором радикализации приверженцев экстремистских взглядов.

Радикальным инструментом воплощения в жизнь экстремистских идей является терроризм. Терроризм — асоциальное, преступное явление, имеющее четко определенную цель вызвать страх у большинства населения для дальнейшего продвижения своих интересов. Теракты могут совершаться как по религиозным, этническим, так и по иным мотивам. Терроризм как преступное явление не имеет четкой идеологической

привязки, и потому правильнее говорить не о профилактике терроризма, а о противодействии (в том числе оперативном) и предотвращении.

Противодействие терроризму осуществляется правоохранительными органами нашей страны с использованием силовых мер, в то время как профилактика экстремизма представляет собой образовательно-просветительский процесс, позволяющий людям получать знания, с помощью которых они могут распознавать экстремистские идеи и противостоять их влиянию. Силовое воздействие чаще всего происходит или непосредственно во время противоправного действия или же постфактум, уже после совершения преступления. Даже оперативная работа, которая дает возможность предотвратить преступление, подразумевает дальнейшее противодействие возможному правонарушению.

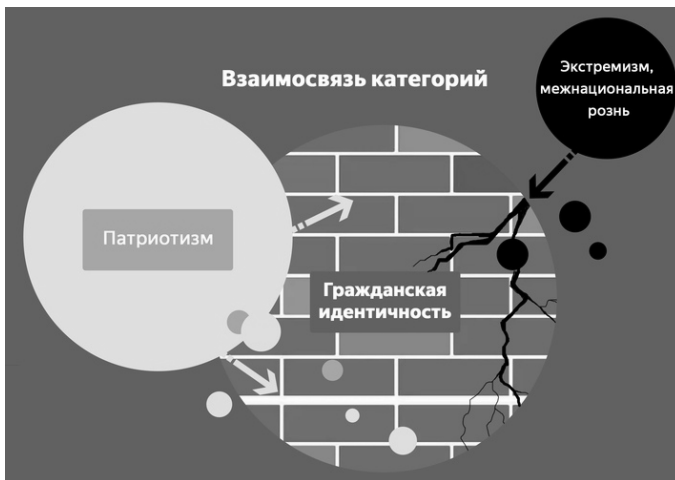
Профилактика же через образование формирует мировоззрение и набор ценностей, которые не позволяют человеку совершать преступления. Образовательные организации могут и обязаны заниматься профилактикой, но не противодействием — на это у них нет ни полномочий, ни навыков. Институты гражданского общества и СМИ также играют важную роль, и могут заниматься исключительно профилактикой. Противодействовать могут только силовики в рамках своих полномочий, или же отдельная личность проявляет активную гражданскую позицию, оказавшись в ситуации террористической опасности.

Так как экстремизм является результатом низкого уровня гражданской идентичности, то в работе с молодежью необходимо в первую очередь реализовывать комплекс мер по укреплению гражданской идентичности через воспитание патриотизма и чувство сопричастности к процессам, происходящим в стране. Большое внимание при проведении профилактической работы должно уделяться интернет-пространству, так

как Всемирная паутина в XXI веке стала для экстремистов основным средством распространения своей радикальной идеологии.

Взаимосвязь категорий

Гражданская идентичность — технология формирования общности и единства народа, принадлежность к государству

Патриотизм — основной инструмент и базис, формирующий гражданскую идентичность и единство нации

Экстремизм — технология ксенофобии, самый сильный инструмент ослабления гражданской идентичности и разрушения единства нации

Противодействие идеологии экстремизма средствами формирования российской гражданской и цивилизационной идентичности в полиэтничной студенческой среде

Магин Владимир Алексеевич

проректор по воспитательной работе

Северо-Кавказского федерального университета,

доктор педагогических наук, профессор

В условиях сохранения в российском обществе угроз экстремистской и террористической направленности именно молодежь становится основной «группой риска», а задача профилактики экстремистских настроений в молодежной среде остается чрезвычайно важной.

Единство России как поликультурной и поликонфессиональной страны и единение россиян как единого многонационального народа с общей историей, с тысячелетним уникальным цивилизационным ресурсом в полной мере отвечает цивилизационным традициям и менталитету нашего народа.

Северный Кавказ — уникальный и сложный регион Российской Федерации. С позиции достижения на Северном Кавказе целей социально-политической стабильности, на наш взгляд, идея единой российской гражданской нации и цивилизационной общности способна противостоять стереотипам его этнической изолированности и анклавности.

Следует принимать во внимание, что на сегодняшний день в субъектах Северо-Кавказского федерального округа молодежь составляет более 30% от общего числа населения, что выше среднего показателя по России (25,8%).

Доля населения студенческого возраста в Северо-Кавказском федеральном округе также значительно выше (18%), чем в России (14%). А

численность студенчества составляет около 13% от общей численности молодежи — самый низкий показатель по стране.

В связи с этим напрашивается тревожный вывод о том, что незначительная часть молодых людей в СКФО проходит социокультурную адаптацию в вузах, получает профессию, имеет больше шансов найти достойную работу и повысить уровень своего благосостояния, отличается бóльшей гражданской зрелостью и уровнем правовой культуры (это при условии, что каждый студент вуза проходит успешно такую социокультурную адаптацию!)

Исходя из понимания, что именно студенческая молодежь — стратегический ресурс общества, очень важно чутко следить за ее настроениями, устремлениями, желаниями.

В последние 5 лет Северо-Кавказский федеральный университет стал ведущей площадкой для межкультурного диалога в полиэтническом социуме региона и ближнего зарубежья, значимым фактором снижения этнокультурного напряжения, оптимизации межэтнического и межконфессионального общения, укрепления роли русского языка и русской культуры, формирования у выпускников общероссийской идентичности, гражданского патриотизма и правовой культуры.

Задача формирования нового типа представителей национальной интеллигенции на Северном Кавказе, нового типа управленческих элит — носителей российской гражданской и цивилизационной идентичностей, потребовали от университетского сообщества разработки соответствующих прикладных гуманитарных и социальных технологий, которые позволяют точно определять параметры, механизмы, методики воспитательного воздействия на личность молодого человека с учетом особенностей российской (гражданской и цивилизационной), этнической (этноконфессиональной) и региональной идентичностей.

В образовательной и внеучебной воспитательной деятельности Северо-Кавказского федерального университета, в котором обучается более 25 тысяч студентов 89 национальностей и народностей из 81 субъекта Российской Федерации, теме формирования российской гражданской и цивилизационной идентичности уделяется особое внимание. В организации этой деятельности упор идет на результаты фундаментальных и прикладных научных исследований ученых с учетом особенностей этнической и региональной идентичности личности молодого человека, на которые опирается российская идентичность как высший, главный уровень самоидентификации гражданина России.

В университете реализуется образовательный проект «Формирование российской идентичности и правовой культуры студенческой молодежи в полиэтничном регионе». Основным механизмом реализации этого образовательного проекта является разработка и включение в учебный процесс курсов, тематика которых определена в соответствии с одним из приоритетных направлений развития науки, технологий и техники, определенных Президентом Российской Федерации, — «Безопасность и противодействие терроризму» (Указ Президента РФ от 07.07.2011 N 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации»).

Для студентов университета разработано более 100 курсов, которые составили основу междисциплинарного образовательного модуля «Безопасность и противодействие экстремизму, национализму и терроризму». Содержание этих курсов, применяемые преподавателями методики, форматы тренингов, практических занятий, дискуссий позволяют формировать компетенции, обеспечивающие способность и готовность молодого человека правильно оценивать ситуацию в мире, в

стране, на Кавказе, готовность противостоять проявлениям национального, религиозного и политического экстремизма, различного рода вербовщикам в социальных сетях. Безусловно, освоение студентами дисциплин этого модуля влияет и на формирование многих других социально значимых личностных качеств — культуры межнационального и межконфессионального общения, правовой культуры, культуры социальной ответственности и т.д. С 2017 года в учебное расписание включены образовательные курсы, разработанные в рамках реализации Комплексного плана основных мероприятий по профилактике проявлений национального, религиозного и политического экстремизма в образовательной среде Северо-Кавказского федерального университета. Это — «Основы противодействия терроризму», «Идеологическое противостояние терроризму». Главной целью данных курсов является формирование в сознании студентов антитеррористической идеологии, обучение их знаниям и навыкам, необходимым для обеспечения личной и общественной безопасности.

Актуальность внедрения в учебный процесс курсов, направленных на профилактику экстремизма, формирование антитеррористической идеологии, очевидна. Во-первых, задача университетов по профилактике экстремистских настроений в молодежной среде все еще остается чрезвычайно актуальной и важной. Во-вторых, уровень знаний студентов по основным проблемам, связанным с феноменами экстремизма и терроризма, явно недостаточен. В-третьих, студенты, как правило, проявляют весьма высокую заинтересованность в изучении проблем и вопросов антитеррористического содержания, формирования антитеррористической идеологии. Использование в полной мере потенциала дисциплин, разработанных в рамках образовательного проекта «Формирование российской идентичности и правовой культуры

студенческой молодежи в полиэтничном регионе» и дисциплин, направленных на формирование знаний, умений, способности и готовности противодействовать терроризму, способствует эффективной реализации комплекса мер по профилактике проявлений национального, религиозного и политического экстремизма в студенческой среде Северо-Кавказского федерального университета.

В последние годы Северо-Кавказский федеральный университет реализовывал Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации в различных формах на всех направлениях деятельности, в том числе:

- организация ежегодного молодежного фестиваля культур народов Северного Кавказа «СКФО: Дом дружбы», в рамках которого проходит межрегиональный форум «Традиционные духовно-нравственные и культурные ценности народов Северного Кавказа как цивилизационная основа для укрепления единства российской гражданской нации»;
- ежегодное проведение Ставропольского форума Всемирного Русского Народного Собора;
- проведение семинаров, «круглых столов», конференций, лекций с участием представителей органов исполнительной и представительной властей России, СКФО, Ставропольского края, руководителей национально-культурных объединений в Ставропольском крае;
- проведение курсов повышения квалификации государственных и муниципальных служащих;
- проведение государственного тестирования иностранных граждан по русскому языку;

- участие в социологических опросах и мониторинге сообщений СМИ и сети «Интернет» с целью выявления и оперативного реагирования на информацию экстремисткой направленности;
- экспозиционно-выставочная деятельность по направлению межэтнического общения, популяризации народной культуры, по формированию общероссийской гражданской идентичности и мн. др.

В мае 2018 года методическим центром по формированию российской идентичности и профилактике экстремизма СКФУ было проведено социологическое исследование среди 2,7 тысяч студентов всех направлений подготовки бакалавриата и специалитета, магистратуры и аспирантуры, главной целью которого было выявление особенностей процесса формирования этнической и гражданской идентичности в студенческой среде, а также оценка эффективности работы, направленной на формирование российской идентичности у студентов СКФУ. Проведённый опрос проводился в рамках реализации стратегического проекта «Российская гражданская и цивилизационная идентичность».

При изучении мнения студенческой аудитории о гражданской самоидентификации, о феномене терроризма, о патриотизме, межэтнических отношениях и моральных и общегражданских ценностях студентам были заданы вопросы.

«О какой из перечисленных групп Вы можете сказать «это — мы»?»

Граждане России	Жители Северного Кавказа	Представители русской культуры	Люди, придерживающиеся тех же обычаев и традиций	Жители своего края, республики
72,17%	30,21%	28,9%	24,06%	23,83%

В ответах на вопрос «Что для Вас значит быть россиянином?» обнаружены положительные тенденции в формировании общегражданской российской идентичности в студенческой среде СКФУ.

Иметь российское гражданство	Жить на территории России	Чувствовать гордость за российские победы (в спорте, культуре и т.д.)
48,04%	42,67%	42,07%

Также можно утверждать, что у студентов СКФУ формируется общегражданская идентичность, основанная на национальной гордости, исторической памяти и патриотизме.

	Полностью согласен	В основном согласен	В основном не согласен	Полностью не согласен	Затрудняюсь ответить
Патриотизм — это чувство гордости достижениями и культурными особенностями своей страны	48%	39%	6%	3%	3%
Патриотизм-это любовь к государству	41%	39%	9%	6%	5%
Патриотизм — это любовь к своей родине, стране, народу, привязанность к месту своего рождения, к месту жительства	59%	30%	5%	3%	3%
Патриотизм — это особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям.	43%	38%	9%	4%	6%
Патриотизм — это любовь к своему этносу, народу	37%	36%	13	7	8
Патриотизм — это нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к родине и готовность пожертвовать своими интересами ради неё	45%	34%	9%	5%	7%

Большая часть студентов, вне зависимости от их национальности и вероисповедания, руководствуются в своем поведении, прежде всего, едиными для всех нормами морали.

Нормы морали	Законы Российской Федерации	Религиозные нормы	Обычаи и традиции моего народа	Обычаи и нравы своего круга, компании	Другое
53, 89%	24,09%	7,7%	7,59%	4,83%	1,89%

Результаты исследования позволяют говорить о том, что в СКФУ правильно задан вектор формирования российской общегражданской и цивилизационной идентичности.

Очевидно, что отечественная система образования не только не может оставаться в стороне от реализации государственной политики в этой сфере, но более всех других социальных институтов призвана решать следующие задачи:

- осознание национальной системы ценностей через историческую преемственность поколений;
- формирование общероссийской гражданской и цивилизационной идентичностей с опорой на региональную и этническую идентичность;
- сохранение и развитие языков и культур всех народов Российской Федерации; осмысление исторических, духовно-нравственных скреп, объединяющих Россию, всех ее граждан в единую культурную цивилизационную общность;
- формирование уважительного отношения к традициям и культуре всех народов;
- усиление позиций русского языка как общегосударственного, формирующего единое образовательное, культурное пространство, консолидирующего нас в единую гражданскую нацию;

- подготовка молодёжи к жизни в условиях полиэтничности, поликонфессиональности, поликультурности.

Успешное решение этих задач позволит реально противодействовать идеологии экстремизма и влиять на укрепление национального единства страны.

О необходимости учета религиозного фактора при проведении адресной профилактической работы

Горюнов Александр Павлович

консультант отдела профилактики экстремизма и терроризма департамента региональной безопасности Ярославской области, сотрудник аппарата антитеррористической комиссии в Ярославской области, преподаватель кафедры физической культуры и безопасности жизнедеятельности «Института развития образования» Ярославской области

Если кратко аргументировать необходимость учета религиозного фактора при проведении адресной профилактической работы, то достаточно, на мой взгляд, процитировать уже отмененную Доктрину информационной безопасности Российской Федерации¹, в которой, в числе наибольшей опасности в сфере духовной жизни выделена такая угроза информационной безопасности Российской Федерации, как *«возможность нарушения общественной стабильности, нанесение вреда здоровью и жизни граждан вследствие деятельности религиозных объединений, проповедующих религиозный фундаментализм, а также тоталитарных религиозных сект»*.

В утвержденной Указом Президента России от 05.12.2016 № 646 Доктрине информационной безопасности Российской Федерации также указывается на широкое использование террористическими и экстремистскими организациями информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых

¹ Утратила силу на основании Указа Президента РФ от 05.12.2016 № 646 [Электронный ресурс] режим доступа <http://docs.cntd.ru/document/901770877>

сторонников². Не отстают от террористов и спецслужбы иностранных государств, используя для подрыва суверенитета и нарушения территориальной целостности других государств в том числе и религиозные организации.³

В качестве второго аргумента я бы привел цитату из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 07.12.2017 № 2793-О⁴, в котором сказано, что *«...в современных условиях осуществление террористической и экстремистской деятельности, прежде всего вербовка новых членов террористических и экстремистских организаций, нередко камуфлируется под миссионерскую деятельность»*.

Как показывает практика, на современном этапе специалисты, занимающиеся профилактикой распространения идеологии терроризма среди студентов и молодежи, не в должной мере представляют степень влияния религиозного фактора на менталитет человека и, как следствие, на его поступки.

На прошедшем в марте текущего года заседании Совета по вопросам религиозных объединений при мэрии города Ярославля⁵ представитель одного из высших учебных заведений с горечью отметил, что у современных студентов очень сильно развито религиозное мировосприятие, что затрудняет использование профессорско-

² п. 13 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] режим доступа <http://docs.cntd.ru/document/420384668>

³ п. 12 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] режим доступа <http://docs.cntd.ru/document/420384668>

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы религиозной организации «Религиозная христианская организация «Армия спасения» в городе Владивостоке» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 17 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. [Электронный ресурс] режим доступа <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision305725.pdf>

⁵ <https://city-yaroslavl.ru/events/55970/>

преподавательским составом доводов, которые имели эффект еще 10 лет назад.

Участвуя в деятельности межведомственной рабочей группы по профилактике терроризма и экстремизма при антитеррористической комиссии Ярославской области, в состав которой в том числе входят представители организаций высшего профессионального образования и специалисты в сфере реализации молодежной политики, нередко приходится слышать устоявшийся тезис «церковь отделена от государства», а значит религиозный аспект в работе со студенчеством и молодежью как бы не обязательный, следовательно, профилактику распространения идеологии терроризма необходимо осуществлять через укрепление межнационального согласия, патриотическое воспитание и пропаганду общечеловеческих ценностей.

Это, безусловно, очень важные направления работы, но не всегда достаточные.

Используемый против России исламский фактор отнюдь не является современным изобретением. Макс фон Оппенгейм, длительное время занимавший пост атташе немецкого генерального консульства в Каире⁶, является ведущим разработчиком плана использования лозунга «священной войны» против Великобритании, Франции и России.

«В октябре 1914 г. Оппенгейм составил «Записку о революционизации исламских областей наших врагов». В ней он предлагал разжечь пламя джихада во всех частях огромного мусульманского мира —

⁶ 1896 год — назначен атташе при немецком Генеральном консульстве в Каире; 1910 год — назначен министром-резидентом в Каире.

*от Индии, через Афганистан и Персию, российскую Среднюю Азию и Кавказ до французской Северной Африки».*⁷

Уже в ноябре 1914 года Хейри-эфенди, глава мусульманского духовенства Османской империи, провозгласил фетвы с призывом к священной войне против стран Антанты, а турецкий султан Мехмед V Решад торжественно провозгласил джихад в интересах Германской империи и Австро-Венгрии.

Во Второй мировой войне военно-политическое руководство Германии использовало религиозный фактор для раскола населения на оккупированных территориях СССР. Циркуляром Главного управления имперской безопасности о религиозной политике на Востоке от 01.09.1941 «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза» были определены следующие основные направления работы оккупационных властей⁸:

- поддерживать религиозные движения как враждебные большевизму;
- дробить их на мелкие течения во избежание консолидации для борьбы с Германией;
- не допускать контактов лидеров разных конфессий;
- использовать религиозные организации для помощи немецкой администрации.

В ответ на использование Германией исламского фактора против СССР, 15–17 мая 1942 года в Уфе прошел съезд мусульманского духовенства со всего Советского Союза, по итогам которого было принято «Обращение представителей мусульманского духовенства к верующим по

⁷ Шерстюков С. А. «Арабский вопрос» во внешней политике Третьего рейха монография/ под науч. ред. О. Ю. Курныкина. - Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2014, стр. 23

⁸ Васильева О.Ю. «Свои или чужие: к вопросу о религиозной жизни на временно оккупированной территории» [Электронный ресурс] режим доступа <http://www.pravoslavie.ru/5209.html>

поводу немецко-фашистской агрессии» в котором дано религиозное обоснование борьбы советских мусульман против нацизма: *«Немецко-фашистские захватчики, не объявляя войны, вероломно напали на Советский Союз, освободивший угнетённые нации, давший равноправие всем народам Союза, поднявший высоко науку и культуру страны, всегда проводивший самую миролюбивую политику. Великий Аллах в Коране говорит: «Сражайтесь с теми, которые сражаются с вами, но не будьте зачинщиками, ибо Бог не любит несправедливых» (сура «аль-Бакара», аят 186). «Истребляйте их, где ни застигнете; изгоняйте их, откуда они вас изгнали; мятежи и искушение губительнее убийства» (сура «аль-Бакара», аят 187). Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) говорит: «Любовь к Родине и защита её есть долг религии. Помощь воину, идущему на фронт, вооружением равносильна участию в сражении. Даже мирный труд мужчин и женщин, занявших должность ушедших на фронт воинов, равносильны участию в бою».*⁹

Современная история России и независимых государств, образованных после распада СССР, неразрывно связана с попытками использования религиозного фактора для дестабилизации обстановки в обществе и необходимостью использования межрелигиозного диалога для обеспечения безопасности как простых граждан, так и целостности нашего Отечества.

Вспомним 1993 год. Духовные лидеры Азербайджана шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-заде и Армении патриарх-католикос Вазген I в совместном коммюнике выступили против попыток придания карабахскому конфликту религиозной составляющей: *«Обсудив проблемы, угрожающие нашим народам и нам, мы сочли необходимым в первую очередь подчеркнуть, что, несмотря на некоторые попытки*

⁹ <http://an-nur.ru/news/1539-2016-02-25-10-32-56.html>

*охарактеризовать конфликт, в результате которого льется невинная кровь, как христианско-мусульманское столкновение, этот конфликт не является религиозным. Армянские христиане и азербайджанские мусульмане жили и будут жить в мире, уважении и добрососедских отношениях».*¹⁰

Муфтий Чечни Мухаммад-Хуссейн Алсабеков, от которого в 1994 году Джохар Дудаев потребовал объявить джихад России, и патриарх Алексей II в совместном заявлении указали на отсутствие в разразившемся кризисе каких-либо межрелигиозных предпосылок. *«Мы самым решительным образом отвергаем самую мысль о возможности перерастания конфликта вокруг Чечни в христианско-мусульманское противостояние. Истинные последователи двух религий желают только мира. Использование святых для христиан и мусульман символов и понятий в целях разжигания вражды и провоцирования межрелигиозных столкновений есть грех и беззаконие перед лицом Всевышнего».*¹¹

Несмотря миротворческую деятельность духовных лидеров, противникам России удалось привлечь к разжиганию и участию в конфликте, зародившемся под лозунгами борьбы за независимость чеченского народа, многонациональный состав наемников, приехавших в Чечню для «защиты мусульман» и построения независимого «шариатского государства».

¹⁰ Силантьев Р.А. Исламо-христианский диалог в новейший период. Вопросы философии, № 9, 2010. 0,5 п.л. [Электронный ресурс] режим доступа http://vphil.ru/index.php?id=199&option=com_content&task=view, http://pnu.edu.ru/media/filer_public/79/bd/79bd1f65-cbb9-46e8-a28a-17830432f4dc/silantiev_ichdialog_new.pdf

¹¹ Силантьев Р.А. Исламо-христианский диалог в новейший период. Вопросы философии, № 9, 2010. 0,5 п.л. [Электронный ресурс] режим доступа http://vphil.ru/index.php?id=199&option=com_content&task=view, http://pnu.edu.ru/media/filer_public/79/bd/79bd1f65-cbb9-46e8-a28a-17830432f4dc/silantiev_ichdialog_new.pdf

Через события «арабской весны» и сорванная Россией попытка построения иблисского государства «ИГИЛ»¹², убедительно свидетельствует об огромном потенциале использования религиозного фактора для дестабилизации обстановки внутри страны, свержением действующей власти и распространения террора на огромных территориях¹³.

В совокупности с определением веры (иман) в исламе и классификацией единобожия международные террористические организации исламистского толка привлекают на свою сторону представителей различных национальностей используя теологическую концепцию «шариатского государства», объединенную с понятием «халифат», пропагандируя, что жизнь вне шариатского государства является *«ширком¹⁴ и безбожием или выходом из ислама»*.¹⁵

В отличие от суннитских, шиитские террористические организации обоснование терроризма строят на интерпретации концепции махдизма, согласно которой необходимо сформировать специальную разрушительную среду насилия, которая необходима для возвращения Имама Махди, *«так как он вернется только тогда, когда все будет очень плохо и не останется никакой другой надежды»*.¹⁶

¹² ИГИЛ, ИГ, «Исламское государство»: здесь и далее — организация, запрещенная на территории Российской Федерации — *прим.ред.*

¹³ Фетва «О неотъемлемых признаках отличия истинного Ислама от заблуждений» [Электронный ресурс] режим доступа <http://cdum.ru/gallery/documents/fetva.php>

¹⁴ «Ширк» — язычество, политеизм (араб.) — *прим.ред.*

¹⁵ Шагавиев Д.А. Теологические концепции как фактор формирования личности религиозного радикала. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции по профилактике экстремизма. 2017 Издательство: Издательство «Мир Печати» (Уфа), стр 69.

¹⁶ Ахмедова К.Б. Религиозный фактор в политическом контексте противодействия терроризму. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук, Ростов-на-Дону, 2014, стр. 63.

Анализ информации, поступающей в аппарат антитеррористической комиссии в Ярославской области, показывает, что распространению идеологии терроризма в студенческой среде способствуют именно теологические аргументы необходимости построения «шариатского государства», в том числе:

- высказывания со стороны отдельных авторитетных студентов, прибывших из стран СНГ центрально-азиатского региона, симпатий к деятельности международных террористических организаций¹⁷ как к защитникам ислама;
- героизация соотечественников, вступивших в ряды МТО для вооруженной защиты идей халифата и построения шариатского государства, обсуждение возможности последовать их примеру;
- распространение информации о войне России против мусульман, в ходе которой убивают, в том числе с использованием химического оружия, мирных жителей в Сирии.

Наибольшую активность в такой пропаганде проявляют молодые люди, прибывающие из стран Центральной Азии для обучения в ярославских вузах, преобладающее большинство которых составляют граждане Таджикистана.¹⁸

Говоря о вопросах противодействия идеологии терроризма в студенческой среде, хочется обратить внимание на трудовых мигрантов из Таджикистана. По данным Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан, 85% граждан этой страны, воюющих на стороне МТО ИГИЛ, *«являются трудовыми мигрантами и попали в поле зрения*

¹⁷ Далее — МТО.

¹⁸ По состоянию на 1 сентября 2013 — 2017 г.г., в ВУЗах на территории Ярославской области обучалось 1 289 граждан Таджикистана.

вербовщиков ИГИЛ, находясь в Российской Федерации»¹⁹, при этом «граждане стран Центральной Азии и России составляют третью по численности группу иностранных боевиков в ИГИЛ после выходцев из Западной Европы и Ближнего Востока».²⁰

Помимо террористической идеологии, основанной на исламских религиозных течениях, не стоит забывать о роли сект христианского толка²¹ в государственном перевороте на Украине и последующего за ним террора: *«В Киеве на Майдане до 80% сержантского и офицерского состава (организаторов) были членами протестантских церквей Украины, а также группы молодых «харизматов» из России. Все они прошли специальную подготовку в закрытых лагерях на территории Польши и Украины».²²*

Давая оценку событиям, произошедшим на Украине в 2014 году, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН Р.Н. Лункин допустил возможность трактовать заявление начальствующего епископа Российского объединенного Союза христиан веры евангельской (пятидесятников)²³ С.В. Ряховского в связи с ситуацией на Украине и трагедией в Одессе (6 мая 2014 года) как *«признание того, что Россия является оккупантом по отношению к украинским землям».²⁴*

¹⁹ Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам — членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях. М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017, стр. 18.

²⁰ Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам — членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях. М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017, стр. 17.

²¹ Так называемые протестанты или неопротестанты.

²² Кривошеев С.А. Украинские сектанты на Майдане. [Электронный ресурс] режим доступа <http://www.proza.ru/2014/02/21/1558>

²³ Далее — РОСХВЕ.

²⁴ Лункин Р.Н. «Российские протестанты и Украина: испытание патриотизмом» [Электронный ресурс] режим доступа http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition63/02-Lunkin-about-Russian-protestants-and-Ukrain.htm

На этом фоне видится, мягко говоря, странным «благословение» единоверцев Ряховского скрывать свою принадлежность к данному религиозному течению, о чем он в марте 2016 года заявил в интервью «МК.RU»: *«Я благословил целый ряд наших прихожан, глубоко верующих, воцерковленных людей, чтобы они, скажем так, не бравировали своей принадлежностью к евангельской церкви. Как правило, это люди, занимающие определенные позиции в структурах власти: как на региональном, так и на федеральном уровне. Чиновники, депутаты, политики. Не стану скрывать, что прихожане нашей конфессии работают сегодня во всех ветвях власти»*.²⁵

Остается непонятным, почему руководитель централизованной религиозной организации, утверждая, что *«нет примеров в истории России, чтобы протестанты стояли во главе переворота»*²⁶ и говоря о неприемлемости революций в любом виде, призывает своих единоверцев переходить на нелегальное положение.

Может быть потому, что «духовные корни» современного российского пятидесятничества, в том числе, лежат в учениях еретических течений, деятельность которых в различные периоды времени была направлена, в лучшем случае на противопоставление действующей власти, а зачастую на развал российского государства, в сегодняшнем понимании данного процесса. Вот как об этом пишет в статье «Обретение себя. Пути формирования новой идентичности» руководитель отдела богословия РОСХВЕ, пастор Михаил Дубровский: *«Мы видим себя в движении стригольников, нестяжателей, новгородско-московских реформаторов,*

²⁵ Слово пастора. Сергей Ряховский: «Не стану скрывать, что прихожане нашей конфессии работают сегодня во всех ветвях власти». «МК.RU» [Электронный ресурс] режим доступа <http://www.mk.ru/politics/2016/03/17/slovo-pastora.html>

²⁶ Слово пастора. Сергей Ряховский: «Не стану скрывать, что прихожане нашей конфессии работают сегодня во всех ветвях власти». «МК.RU» [Электронный ресурс] режим доступа <http://www.mk.ru/politics/2016/03/17/slovo-pastora.html>

*духоборов и молокан. И даже раньше — когда христианская вера распространялась по территории Киевской Руси, еще не будучи «освященной» благословением государственной власти. Одним словом, мы чувствуем свое родство всем, для кого вера была личным выбором, а не выражением лояльности кесарю».*²⁷

Основываясь на информации из открытых источников и поступающих в антитеррористическую комиссию в Ярославской области материалах из правоохранительных органов, можно сделать обоснованный вывод, что террористические организации и правительства ряда иностранных государств для достижения политических целей продолжают активно использовать религиозную составляющую с целью дестабилизации обстановки в России и в других странах. С учетом складывающихся тенденций по усилению религиозности населения России и стран СНГ, при проведении профилактической работы, направленной на противодействие распространения идеологии терроризма, будет возрастать актуальность исследования религиозного фактора в политическом поле.

В свою очередь, при проведении профилактических мероприятий среди верующих студентов и молодежи, для предупреждения манипулирования религиозной идентичностью необходимо основные усилия сосредоточить на следующих направлениях:

- обличение несоответствия «религиозного имиджа» руководителя террористической организации канонам религиозного течения;
- вскрытие истинных политических целей и путей их достижения, замаскированных теологическим обоснованием.

²⁷ Дубровский М. «Обретение себя. Пути формирования новой идентичности» [Электронный ресурс] режим доступа https://www.academia.edu/13098537/Обретение_себя_пути_формирования_новой_идентичности

Воспитание культуры межнационального и межрелигиозного общения у обучающихся медицинских вузов как направление профилактики экстремизма и терроризма

Сахарова Людмила Геннадьевна

*начальник управления по воспитательной и социальной работе,
заведующая кафедрой гуманитарных и социальных наук
Кировского государственного медицинского университета,
кандидат исторических наук, доцент*

В начале XXI века перед высшими учебными заведениями, в том числе медицинскими, ставится педагогическая задача организации профилактики экстремизма и терроризма в среде обучающихся.

Профилактика экстремизма и терроризма у обучающихся в вузах является одним из значимых направлений воспитания специалистов, в процессе формирования их профессиональной компетентности. Федеральные государственные стандарты высшего медицинского образования («3+», 2016 г.) утверждают необходимость решения этой сложной педагогической задачи. В частности, в стандарт по специальности 31.05.01 «Лечебное дело» (уровень специалитета) включена общекультурная компетенция (ОК-8), в соответствии с которой выпускник медицинского вуза должен обладать «готовностью к работе в коллективе, толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия» [1]. Формирование общекультурных компетенций также является важной составляющей процесса формирования профессиональной компетентности будущего врача.

Под профессиональной компетентностью многие ученые понимают обладание профессиональными умениями и навыками либо умение быстро и грамотно выполнять свои профессиональные обязанности [2]. В данной

статье предлагается анализ педагогических основ профилактики экстремизма и терроризма в среде обучающихся.

Мы рассмотрим один из аспектов профилактики данных негативных явлений, а именно развитие культуры межрелигиозного и межнационального общения. Одной из главных причин экстремистских проявлений и терроризма являются конфликтные ситуации на национальной и религиозной почве.

В настоящее время медицинский работник, особенно врач, должен обладать определенными качествами, позволяющими ему эффективно взаимодействовать в профессиональном плане с коллегами, клиентами и пациентами, отличающимися различными социокультурными характеристиками, в том числе национальными и религиозно-культурными особенностями поведения. Национальные традиции и религия, по-прежнему играют важную роль, определяя особенности поведения и общения людей, их потребности и интересы [3], [4], [5].

Исключением не является и поведение людей в сфере отношений «врач-пациент». На современном этапе развития здравоохранения в Российской Федерации, врач, руководствуясь законодательством, должен обеспечить оказание медицинской помощи с учетом следующих обязательных норм:

- «с учетом его физического состояния и с соблюдением по возможности культурных и религиозных традиций пациента» [7].
- «государство обеспечивает гражданам охрану здоровья независимо от пола, расы, возраста, национальности, языка, наличия заболеваний, состояний, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и от других обстоятельств» [6].

- участвует в обеспечении допуска «к нему священнослужителя, а в случае нахождения пациента на лечении в стационарных условиях — на предоставление условий для отправления религиозных обрядов, проведение которых возможно в стационарных условиях, в том числе на предоставление отдельного помещения, если это не нарушает внутренний распорядок медицинской организации» [6].

Таким образом, перед системой высшего образования возникает важная задача подготовки студентов, обладающих высоким уровнем культуры межнационального и межрелигиозного общения, способностью предупреждать конфликты на национальной и религиозной почве, объединять свои усилия и усилия других для укрепления бесконфликтных межрелигиозных отношений. Готовность педагогов к организации развития культуры межрелигиозного общения во многом определяет его успех.

В отечественной педагогике необходимость решения данной проблемы обоснована в контексте идей развития у детей и молодежи толерантности (Р.М. Айрапетян, Р.В. Безюлева, Р.Р. Валитова, Г.Н. Волков, М.Г. Герасимова, Б.С. Гершунский, В.И. Глебкин, Е.А. Губарева, А.А. Гусейнов, Г.Д. Дмитриев, Г.В. Долганова, М.А. Захарищева, М.Ю. Зеленков, М.Н. Кузьмин, В.С. Кукушин, В.А. Лекторский, О.Ю. Межина, А.В. Мудрик, З.Г. Нигматов, Г.У. Солдатова, Ф.Ф. Харисов, Л.А. Шайгерова, О.Д. Шарова, Г.М. Шеламова и др.) и в трудах специалистов по поликультурному воспитанию (С.К. Бондырева, В.П. Борисенков, Н.В. Боговик, М.Н. Борытко, В.А. Бурмистрова, И.Б. Гриншпун, О.В. Гукаленко, Ю.С. Давыдов, А.Я. Данилюк, Г.Ж. Даутова, Ф.Н. Козырев, Д.В. Колесов, З.А. Кочергина, С.В. Медведко, М.М. Мчелдова, З.Г. Нигматов, Н.Н. Поташинская, Л.Л. Супрунова и др.).

Однако на сегодняшний день существует противоречие между потребностью общества в выпускниках, имеющих высокий уровень культуры межнационального и межрелигиозного общения, и отсутствием в российских медицинских вузах целостных концепций формирования культуры межнационального и межрелигиозного общения у обучающихся в рамках учебной и внеучебной деятельности, недостаточной разработанностью в педагогике высшей школы методики решения этой сложной педагогической проблемы.

Большинство обучающихся медицинского вуза уже в период практики на первом курсе обучения сталкиваются с необходимостью проявления знаний и умений в сфере межнационального и межрелигиозного общения в условиях медицинских учреждений. Этот факт подтверждает и проведенное исследование среди студентов младших и старших курсов специальностей «Лечебное дело» и «Педиатрия» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Кировский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации. Его суть заключалась в следующем: каждый участник исследования должен был ответить на ряд вопросов анкеты, предполагавших как выбор одного ответа, так и формулирование ответа в свободной форме. На основе результатов исследования были сделаны следующие выводы:

1. Обучающиеся младших курсов наблюдали в медицинских заведениях исполнение религиозных обрядов представителями различных религий (посещение врача в сопровождении родственников женщинами, обряд крещения, использование элементов одежды национально-религиозного плана и др.).
2. Обучающиеся старших курсов сталкивались в ходе практики с ситуациями, требующими демонстрации определенных знаний и

умений (вопросы со стороны пациентов о пользе молитвы в процессе лечения, возможности использования услуг целителей). Студенты отмечают важность наличия религиоведческих и правовых знаний и умения аргументировано объяснить пациенту в условиях медицинского учреждения содержание его прав и обязанностей.

3. Обучающиеся, проучившиеся в вузе более трех лет и сталкивающиеся в своей учебной деятельности с конфликтными ситуациями на национальной и религиозной почве, хотели бы в дальнейшем на занятиях и во внеучебной деятельности получить навыки общения в поликультурной среде, в частности, развить навыки культуры межрелигиозного общения как в культурно-бытовом, так и в правовом планах.

Воспитание культуры межнационального и межрелигиозного общения в процессе воспитания профессиональной компетентности должно обеспечить:

- готовность и способность студентов к овладению комплексом знаний о национальных культурах и мире религиозного и содержания культуры межнационального и межрелигиозного общения;
- готовность к развитию, самосовершенствованию, самооценке, пониманию смысла своей жизни, индивидуально ответственному поведению в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений;
- готовность и способность к реализации творческого потенциала в духовной и предметно-продуктивной деятельности, социальной и профессиональной мобильности на основе моральных норм;

- формирование морали как осознанной личностью необходимости определённого поведения в поликонфессиональной среде, основанного на принятых в обществе представлениях о добре и зле, должном и недопустимом;
- развитие совести как нравственного самосознания личности, способности формулировать собственные нравственные обязательства в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений, осуществлять нравственный самоконтроль, требовать от себя выполнения моральных норм, давать нравственную самооценку своим и чужим поступкам;
- готовность и способность выражать и отстаивать свою общественную позицию, критически оценивать собственные намерения, мысли и поступки в сфере межличностного общения;
- способность к самостоятельным поступкам и действиям, совершаемым на основе морального выбора, принятию ответственности за их результаты, целеустремлённость и настойчивость в достижении результата;
- осознание ценности других людей, ценности человеческой жизни, нетерпимость к действиям и влияниям, представляющим угрозу жизни, физическому и нравственному здоровью и духовной безопасности личности, умение им противодействовать.

Основными элементами структуры профессиональной подготовки выпускника любой специальности и направления подготовки являются: профессиональная и личная мотивация (мотивы, потребности, мировоззрение, ценностные ориентации, умения делать выбор форм, методов, средств профессиональной деятельности), профессиональные навыки (опыт), мотивационно-ценностная ориентация (склонности, установки, направленность личности) [7]. Таким образом, воспитание

культуры межнационального и межрелигиозного общения у современных студентов как части их профессиональной подготовки будет ориентировано на развитие четырех основных элементов профессиональной деятельности: мотивационно-ценностного, эмоционально-волевого, когнитивного и поведенческого.

Мотивационно-ценностный компонент включает социальные мотивы и гуманистические ценности (отзывчивость, ответственность, культуру межнационального и межрелигиозного общения). Его формирование в учебной деятельности осуществляется на основе ознакомления обучающихся с требованиями, предъявляемыми к подготовке студентов медицинского вуза («должны осуществлять оказание медицинской помощи с учетом культурно-религиозных особенностей пациента»), содержанием современного законодательства Российской Федерации (соблюдение религиозных прав пациента).

Как в правовой, светской, так и в религиозной сферах практически совпадают требования к определению содержания моральных качеств, которыми должен обладать врач. В «Клятве врача» Российской Федерации говорится: «Быть всегда готовым оказать медицинскую помощь, хранить врачебную тайну, внимательно и заботливо относиться к пациенту, действовать исключительно в его интересах независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [6]. Идентичны требования к поведению и качествам врача «Исламской хартии об этике в медицине и здравоохранении»: «Врач должен заботиться обо всех своих пациентах, не дискриминируя их по материальному состоянию, личному отношению врача к пациенту, религиозным убеждениям и

расовому происхождению, политической ориентации, полу, национальности и цвету кожи» [8].

Эмоционально-волевой компонент отражает наличие эмпатии и саморегуляции у будущего врача. Он проявляется уже в практической деятельности, прежде всего в общении с представителями различных культур и конфессий в условиях медицинского учреждения. Актуализировать эмоциональную сферу — значит создать обстоятельства, при которых обостряется восприятие нравственно-ценной идеи или поступка. К числу таких методов эмоционального стимулирования ряд современных исследователей относит педагогические средства, актуализирующие эмоциональную сферу личности, «внешние эмоционально-ценностные побудители, воздействующие, прежде всего, на чувства и вызывающие у воспитуемых адекватный эмоциональный отклик, нравственное сопереживание» [9].

Данный компонент включает умение предотвратить конфликтную ситуацию, умение сформировать диалоговое взаимодействие со священнослужителем в плане спасения жизни и укрепления здоровья пациента, уметь проявить уважение к иной национальной и религиозной культуре и традициям и обеспечить при этом соблюдение правил деятельности медицинского учреждения. Созданию условий, способствующих развитию эмоционально-волевого компонента, а именно положительного эмоционального настроения у обучающихся, способствуют примеры из врачебной практики, представленные в художественных произведениях, философских трактатах. Как показывает опыт, это всегда вызывает эмоциональный отклик у обучающихся, а также желание процитировать их в общении с коллегами и пациентами.

Когнитивный компонент включает комплекс знаний о толерантных социальных и коммуникативных установках в профессиональной деятельности.

При этом «религиозно-мистические убеждения не должны быть препятствием в реализации опирающегося на исторически сложившиеся гуманистические ценности научного подхода в биомедицине и врачебной практике» [10].

В рамках реализации когнитивного компонента общегуманитарная подготовка — это главный блок, определяющий религиозоведческое образование и содержание воспитания культуры межнационального и межрелигиозного общения у студентов. Социально-гуманитарные дисциплины (философия, биоэтика, история Отечества, история и теория религии, политология, правоведение, социология и другие) в вузе направлены на повышение общекультурного уровня студентов и развитие общеобразовательных умений (духовно-нравственные и культурные основы, творчество). Они делают религию предметом научного религиозоведческого исследования наряду с другими сферами жизни общества-экономикой, правом, политикой и т.д. Религия рассматривается как составная часть культуры в ее связи и взаимодействии с другими областями жизни и деятельности человека [11].

Так, например, современная биоэтика дает установку на комплексное изучение правовых, светских моральных норм и религиозных правил и норм, которые регулируют взаимоотношения «врач-пациент», отношение к новым открытиям в области медицины (допустимость и пределы использования репродуктивных технологий, клонирование, донорство и пересадка органов, эвтанази). Приведем несколько примеров. В настоящее время обсуждается необходимость учета в медицинской практике содержания религиозных норм и правил, регулирующих

взаимоотношения «врач-пациент», в частности, в половозрастном плане. Например, в «Исламской хартии об этике в медицине и здравоохранении» содержится рекомендация: «Врач должен во время работы с больным показывать уважение к его вере, религии, традициям во время осмотра, диагностирования и лечения. Он должен избегать любых нарушений закона ислама: находиться наедине с противоположным полом, или рассматривать интимные части тела больного, если этого не предполагает осмотр, диагностирование и лечение; в присутствии третьего лица — только после получения разрешения от пациента [8].

В современных христианских и мусульманских религиозных документах регламентируется негативное отношение к абортам: «С древнейших времен Церковь рассматривает намеренное прерывание беременности (аборт) как тяжкий грех». Канонические правила приравнивают аборт к убийству <...> [12]. Клонирование человека способно извратить основы деторождения, кровного родства, материнства и отцовства.

Поведенческий компонент подразумевает образ действий будущего специалиста, ориентированный на диалоговую межрелигиозную коммуникацию. Эффективной формой работы в развитии навыков общения в сложном поликультурном пространстве медицинского учреждения является формирование навыков работы в команде, а ведущим педагогическим приемом использования данной формы работы — решение ситуационных задач по развитию культуры межрелигиозного общения. С другой стороны, навыки работы в команде являются универсальными и позволяют в будущей профессиональной деятельности врача эффективно взаимодействовать в условиях быстрой изменчивости организационных ситуаций.

Пример ситуационной задачи:

Внимательно изучите две точки зрения на лечение пациентов с неизлечимыми, смертельными заболеваниями, представленными в христианской этике и этике ислама.

- «Церковь остается верной к соблюдению заповеди Божией «не убивай», не может признать нравственно приемлемыми распространенные ныне в светском обществе попытки легализации так называемой эвтаназии, то есть намеренного умерщвления безнадежно больных людей (в том числе по их желанию) [12].
- «Врач обязан продолжать лечение больного с неизлечимыми, смертельными, летальными болезнями, поддерживать их и давать надежду в последние минуты жизни [8].

Вопросы:

1. Самостоятельно изучите точки зрения на проблему эвтаназии других религий (буддизма, иудаизма) и приведите примеры этических (иных) документов, отражающих позицию.
2. Разработайте в малых группах варианты памятки светского содержания против применения эвтаназии, опираясь на светские и религиозные подходы к проблеме.
3. Обсудите разработанные варианты памятки в учебной группе.
4. Приведите аргументы светского плана против применения эвтаназии.
5. Приведите аргументы светского плана, обуславливающие применение эвтаназии.

Формирование профессиональной компетентности врача в плане овладения высоким уровнем культуры межнационального общения требует создания определенных условий. На основе анализа практической деятельности медицинских вузов была обоснована совокупность

педагогических условий развития культуры межнационального и межрелигиозного общения.

В качестве первого условия определена организация деятельности студентов вуза, ориентированная на формирование рефлексивной позиции, которая способствует развитию у обучающихся умений анализировать свое поведение и деятельность.

Второе условие — это взаимодействие студентов, направленное на преодоление стереотипности мышления у молодежи в отношении представителей иных религиозных культур.

Третье условие — учет особенностей социально-культурной (религиозной) среды при разработке содержания учебных и воспитательных программ.

Четвертое условие — применение полученного опыта взаимодействия за пределами вуза, создание ситуаций в период практики, в которых студент может использовать полученные знания.

Пятое условие — владение педагогами высшей школы инновационными, эмоционально-насыщенными формами, методами и приемами воспитания культуры межрелигиозного общения у студентов медицинского вуза [3].

Благодаря формированию общекультурной компетенции у студентов медицинского вуза, направленной на овладение обучающимися «готовностью к работе в коллективе, умением толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия» [1], будущий врач также сможет совершенствовать общую коммуникативную культуру, а именно:

- осуществлять межличностные контакты;
- сознательно изучать и развивать собственные коммуникативные качества;

- владеть способами достижения взаимопонимания;
- уважать чужую точку зрения, быть терпимым к мнению других людей;
- сотрудничать на основе толерантных ценностей.

Таким образом, анализ проблемы воспитания культуры межнационального и межрелигиозного общения обучающихся медицинского вуза в процессе формирования профессиональной компетентности способствует профилактике экстремистских проявлений и терроризма, так как одной из главных причин этих негативных явлений являются конфликтные ситуации на национальной и религиозной почве.

Список использованной литературы

1. Федеральный государственный стандарт высшего образования по специальности 31.05.01 Лечебное дело (уровень специалитета). — 2016. [Federalnyy gosudarstvennyy standart vysshego obrazovaniya po spetsial'nosti 31.05.01 Lechebnoye delo (uroven spetsialiteta) — 2016. (In Russ)].

2. Пашкевич, М.С. Развитие навыков корпоративного взаимодействия у студентов в процессе формирования их профессиональной компетенции // Вестник Оренбургского университета. — 2010. — №9. — С. 184-188. [Pashkevich, M.S. Razvitiye navykov korporativnogo vzaimodeystviya u studentov v protsesse formirovaniya ikh professionalnoy kompetentsii. *Vestnik Orenburgskogo universiteta*. 2010; (9): 184-188 (In Russ)].

3. Сахаров, В.А., Сахарова, Л.Г. Формирование культуры межрелигиозного общения как важная составляющая подготовки студентов в современных условиях развития высшего образования в России // Almatater. Вестник высшей школы. — 2017. — №10. — С. 116.-117. [Sakharov, V.A., Sakharova, L.G. Formirovaniye kultury mezhreligioznogo obshcheniya kak vazhnaya sostavlyayushchaya podgotovki

studentov v sovremennykh usloviyakh razvitiya vysshego obrazovaniya v Rossii. *Alma mater. Vestnik vysshey shkoly*. 2017; (10): 116.-117 (In Russ)].

4. Сахаров, В.А., Сахарова, Л.Г. Духовно-нравственное воспитание в педагогике русского зарубежья (1 пол. XX в.) // *Elpis* — 2016. — № 18. — С. 107-113. [Sakharov, V.A., Sakharova, L.G. Dukhovno-nravstvennoye vospitaniye v pedagogike russkogo zarubezhia (1 pol. XX v.) // *Elpis*. 2016; (18): 107-113 (In Russ)].

5. Сахаров, В.А., Сахарова, Л.Г. Воспитание толерантности у студентов медицинского вуза как составляющая гуманизации современного медицинского образования // Гуманитарные технологии в сообразовании и социосфере: сб. науч. ст. / Отв. ред. О.И. Уланович. — Минск: Изд. центр БГУ, 2016. [Sakharov, V.A., Sakharova, L.G. Vospitaniye tolerantnosti u studentov meditsinskogo vuza kak sostavlyayushchaya gumanizatsii sovremennogo meditsinskogo obrazovaniya. In: Ulanovich O.I., editor. *Gumanitarnyye tekhnologii v soobrazovanii i sotsiosfere*: Minsk: Izd. tsentr BGU. 2016 (In Russ)].

6. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ, ст. 6, (ред. от 29.12.2017) [Federal Law «Ob osnovakh okhrany zdorovia grazhdan v Rossiyskoy Federatsii» N 323-FZ, st. 6. ot 21.11.2011 (In Russ)].

7. Педагогика. Учебное пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / Под ред. П.И. Пидкасистого. — М: Педагогическое общество России, 1998. [Pidkasisty, P.I., editor. *Pedagogika. Uchebnoye posobiye dlya studentov pedagogicheskikh vuzov i pedagogicheskikh kolledzhey*. Moscow: Pedagogicheskoye obshchestvo Rossii. 1998. (In Russ)].

8. Исламская хартия об этике в медицине и здравоохранении// Биоэтика. Учебное пособие. — Киров: Изд-во Кировский ГМУ Минздрава России, 2017. [Islamskaya khartiya ob etike v meditsine i zdravookhraneni. In:

Bioetika. Uchebnoye posobiye. Kirov: Izdatelstvo Kirovskiy GMU Minzdrava Rossii. 2017 (In Russ)].

9. Яновская, М.Г. Эмоциональный фактор в процессе формирования интеллигентности будущего специалиста. — Киров: изд-во ВятГГУ, 2008. [Yanovskaya, M.G. *Emotsionalnyy faktor v protsesse formirovaniya intelligentnosti budushchego spetsialista.* Kirov: VyatGGU. 2008. (In Russ)].

10. Михайлов, А.Е. Мировоззренческая подготовка будущего врача. — Вятский медицинский вестник. — 2017. — № 1. — С. 67-70. [Mihaylov, A.E. *Mirovozzrencheskaya podgotovka budushchego vracha.* *Vyatskiy medicinskiy vestnik.* 2017; (1): 67-70 (In Russ)].

11. Колодин, А.В. Религиоведческое и религиозное образование: сущность, специфика, проблемы реализации в государственных и муниципальных образовательных учреждениях Российской Федерации: Дис. ... канд. филос. наук. — М., 2007. [Kolodin, A.V. *Religiovedcheskoye i religioznoye obrazovaniye: sushchnost, spetsifika, problem realizatsii v gosudarstvennykh i munitsipalnykh obrazovatelnykh uchrezhdeniyakh Rossiyskoy Federatsii* [dissertation]. Moscow. 2007. (In Russ)].

12. Основы социальной концепции Русской православной церкви // История и теория религии. Учебное пособие / Сост. Л.Г. Сахарова. — Киров: Издательство Кировской ГМА Минздрава России. [Osnovy sotsialnoy kontseptsii Russkoy pravoslavnoy tserkvi. In: Sakharova L.G., editor. *Istoriya i teoriya religii. Uchebnoye posobiye.* Kirov: Izdatelstvo Kirovskoy GMA Minzdrava Rossii. (In Russ)].

Молодежный религиозный терроризм: особенности проявления и преодоления

Халадов Хож-Ахмед Султанович

*ректор Чеченского государственного педагогического университета,
кандидат философских наук*

Гадаев Ваха Юнусович

*заведующий кафедрой философии Чеченского государственного
педагогического университета,
кандидат философских наук*

Для духовной безопасности российского государства и общества в целом серьезную угрозу ныне представляет проблема религиозного терроризма, особенно его проявление под идеологией исламизма, носителем которой в основном выступает некоторая часть молодого поколения. Актуальность этой проблемы обусловлена, прежде всего, масштабами распространения данной идеологии, носители которой представляют серьезную угрозу нашему обществу, его культурно-духовному бытию. Особенно опасна эта идеология для субъектов Юга России, испытавших в недалеком прошлом удары террористов под религиозно-сепаратистскими знаменами, и их очаги здесь до сих пор продолжают тлеть и могут в кризисных условиях вновь возгореться. Проведенные в 2016г. на Северном Кавказе масштабные этносоциологические исследования показали, что последователи религиозного радикализма, ваххабизма и терроризма до сих пор существуют в данном регионе. Их наличие в своих субъектах признают молодые: кабардинцы и балкарцы — 66,2%, карачаевцы и черкесы — 46,6%, народы Дагестана — 82,1%, ингуши — 22,9%, осетины — 42,6%, чеченцы — 14,4% [4,262]. Периодически они напоминают себя своими зловещими террористическими акциями, например, в Кизлярском районе Дагестана (июль 2018г.) или нападение на православный храм Михаила

Архангела в г. Грозном (май 2018г.) Здесь следует сказать и о том, что северокавказский регион имеет свои особенности, важными из которых являются полиэтничность, поликонфессиональность и поликультурность. Однако на актуализацию обозначенной проблемы особо влияет то обстоятельство, что данный регион является еще и молодежным. Так, например, в Чеченской Республике по состоянию на 1-е января 2010 года молодежь до 35-ти лет включительно составляет 67,3%. [3,10].

В данной публикации ставится цель — рассмотреть некоторые особенности проявления и преодоления молодежного религиозного терроризма под идеологией исламизма.

В контексте этой цели реализуется задача: на основе опубликованных работ по данной проблеме раскрыть сущность понятия молодежный религиозный терроризм; выявить типологию салафизма (ваххабизма); рассмотреть проблемы противодействия идеологии молодежного религиозного терроризма в молодежной среде, в том числе среди студенчества.

Религиозный терроризм исследователями рассматривается обычно в контексте таких основных понятий, как радикализм, экстремизм, терроризм. Данные понятия достаточно полно рассмотрены в научной литературе [1]. Здесь мы лишь напомним, что крайний радикализм — это экстремизм, т.е. приверженность к абсолютно крайним взглядам и мерам при реализации поставленных целей (политический экстремизм, религиозный экстремизм и т. д.), а понятие «терроризм» может быть рассмотрено как крайняя практика реализации радикалистско-экстремистских целей террористическими методами (устрашение, физическое насилие, убийства, партизанская война).

Теперь о понятии молодежный религиозный терроризм. Как известно, в современном геополитическом пространстве под идеологией

исламизма в полную силу ныне функционирует идейно-политическое явление — религиозно политический экстремизм. Поскольку основными приверженцами этого явления выступает молодежь, то его можно назвать молодежным религиозно-политическим экстремизмом. Его сущностными характеристиками являются: а) преобладание в нем молодого поколения; б) установка на завоевание политической власти, насильственное изменение государственного строя и утверждение общественного устройства на нормах и принципах шариата; в) наличие принципов иррационального экстремизма, представляющих собой логически трудно объяснимые поведенческие акты, имеющие эмоционально-психопатические проявления, стремящие достичь мгновенных результатов, отклонение демократических, компромиссных решений; г) склонность молодых адептов к самовозбуждению, потере контроля над своими действиями, готовность на любые акции, а также нарушения традиционных норм общества, легкое верие в истинность предлагаемых идеологем, создание непогрешимого харизматического образа своих лидеров, а также образ идеального мироустройства в будущем и т.д. [2]. Исходя из названных характеристик можно сказать, что молодежный религиозный терроризм — это крайняя практика реализации молодежью религиозно-политических целей террористическими методами.

В научной литературе к приверженцам идеологии молодежного религиозного терроризма обычно относят последователей учения ваххабизма (религиозно-политического движения в исламе середины 18 в.), называя их: ваххабиты, умеренные ваххабиты, либеральные ваххабиты, радикальные ваххабиты, криминальные ваххабиты. Ныне принято их называть салафитами (приверженцы учения раннего ислама), да и сами они предпочитают позиционировать себя под этим понятием.

При рассмотрении проблемы салафизма на Северном Кавказе необходима его качественная характеристика. Как считают многие исследователи, нельзя всю молодежь, которая критически воспринимает местный суфизм и относит себя к салафитам, считать ваххабистами, экстремистами и террористами [5,300]. В этой связи нам представляется рационально, идеологически и политически приемлемой концепция «умеренного салафизма», которая в какой-то мере снизила накал страстей вокруг проблемы салафизма и позволила адептам этого направления безболезненно интегрироваться в социальное бытие многих стран не только Востока, но и Запада. Такая интеграция актуальна и на Северном Кавказе, особенно в отношении его молодого поколения, в том числе и самой студенческой молодежи.

Самым важным в концепции «умеренного салафизма» является смена приоритетов с теологических, религиозно-догматических, на социально-экономические и политические в жизнедеятельности салафитов. Не меняя стратегических целей (построение всемирного халифата, функционирующее на основе шариата) реально-практический «умеренный салафизм» допускает:

1. Ограниченное применение норм шариата в немусульманских странах и в светских государствах;
2. Легитимные формы и способы общественного самовыражения мусульман в соответствии с законодательством страны проживания;
3. Лояльное отношение к светским принципам государственно-политического устройства с переориентацией усилий уммы на проблемы нравственности, семейных ценностей, жизненно-бытовые вопросы и т.д.;

4. Социальное конструирование мусульманской уммы через легальные социальные проекты;
5. Установка на интеллектуализм и осмысление исламского прошлого современного мироустройства с научно-теоретических и методологических позиций [5, 300–301].

Как видно, «умеренный салафизм», ориентированный на жизнедеятельность в светском государстве, не нарушает законы секулярного общества, не стремится форсировать построение халифата, ибо это приведет к кровопролитию, что является большим грехом. Вот такого «умеренного салафизма», который ныне относят к мирному или «культурному исламу», придерживается, по нашему мнению, подавляющее большинство молодежи Северного Кавказа, обычно называемых нетрадиционно верующими мусульманами [5, 300-301].

От «умеренных салафитов» отличается другая группа салафитов, которая избирает легитимные формы самоутверждения, но в отличие от первой группы враждебно относится к государственному устройству, однако не склонна к немедленным насильственным практическим действиям, ограничиваясь вербальной активностью (полемика, острые споры, постоянные дискуссии среди слушателей по догматическим, научно-философским, политическим, социальным вопросам). Из этой группы салафитов (практически пассивных и вербально активных) может рекрутироваться третья группа салафитов, члены которой сами не участвуют в террористической деятельности, однако в скрытой, а порою и открытой форме пропагандируют экстремистские устремления и цели. Четвертую группу салафитов составляют салафиты-радикалы, отличающиеся активной нелояльностью к государству и секулярному общественному устройству, которые при возможности в соответствующих условиях, при любом удобном случае могут совершать террористические

действия. Социологические исследования, например, в Республике Дагестан показали, что из общего числа местных салафитов (примерно 30-40 тыс. человек) к первой группе «умеренных салафитов» относится около 70%, ко второй группе — 10-15 %, к третьей группе — около 10% и четвертой — не более 5% от общего их числа всех салафитов [5, 303].

На наш взгляд, такая дагестанская типология салафизма приемлема для молодых салафитов в Чеченской Республике, да и в других регионах Северного Кавказа. Среди студенческой молодежи, как нам представляется, радикальных салафитов, способных совершить террористические действия, составляет абсолютное меньшинство. Следует сказать, что приведенная типология салафизма условна, реальная картина представляет собой более сложную систему, которая динамично меняется в зависимости от целого набора условий и факторов.

Следует добавить, что северокавказская молодежь фактически подвержена воздействию четырех социальных норм: 1) нормы российского законодательства, 2) нормы мусульманского права — шариата, 3) нормы родовых (тайповых) отношений — адата, 4) нормы собственной молодежной субкультуры. Умеренные же салафиты, придерживающиеся шариата в собственной интерпретации и норм своей салафитской молодежной субкультуры, стараются не выходить за рамки норм российского законодательства, отвергая при этом адаты. Радикальные салафиты отвергают нормы адата, не приемлют российское законодательство, стараются действовать в пределах шариата в собственной редакции и салафитской субкультуры. Важно отметить и то обстоятельство, что в прошлом в духовной культуре, например, чеченцев мирно уживались адаты и шариат. Салафитский шариат нарушил мирное сосуществование этих двух важных духовных ценностей чеченцев.

Для успешного противодействия радикальному салафизму, молодежному религиозному терроризму знание их качественных характеристик весьма важно, но для повышения эффективности этого противодействия необходимо изучение идейного багажа адептов радикального салафизма, а также профессионально-аргументированная критика основных его положений с позиции логики суфийского вероучения, общепринятых исламских правовых норм и функционирующего светского законодательства. В этой связи следует отметить, что в идейной матрице салафитов-радикалов в их бескомпромиссно-жесткой вековой схватке со своими противниками, в том числе и с представителями северокавказского суфизма, важное место занимают религиозно-догматические, политико-правовые и другие концепции, которые получили определенное освещение в научной литературе.

В религиозно-догматических концепциях приоритетные позиции, как известно, занимают проблемы качества Аллаха (сифаты) и их соответствие его сущности, учение о Пророке Мухаммеде (с.а.с.), понимание природы Корана, проблемы культа святых в суфизме, отношение к национальным традициям, обычаям, культуре и искусству. В политико-правовых концепциях на передние места выдвигаются трактовки основ власти и права, взаимосвязь государства и индивида, методы политической борьбы, легитимность государственной власти, отношение к немусульманам, понятия шахида, джихада, проблемы современной геополитики, национально-освободительной борьбы за независимость, сепаратистские движения и т.д. Содержание представленного идейного багажа радикального салафизма и молодежного религиозного терроризма может меняться, но в своем сущностном ядре он содержит приведенные принципиальные его положения, что необходимо учитывать в

антитеррористических профилактических мероприятиях в молодежной и студенческой среде. Среди основных задач в этом направлении можно выделить следующие:

1. Признание реальностью наличие раскола среди российской мусульманской молодежи на приверженцев суфизма и салафизма и необходимости разрешения противоречий между ними только мирными средствами при безусловном соблюдении российского законодательства.
2. Проблема подготовки новой смены идеологических кадров из числа молодых светских ученых и профессиональных богословов-теологов, способных на основе глубоких знаний, твердых убеждений и непоколебимых мотивационных установок, оказывая теоретическую взаимопомощь, наиболее эффективно противодействовать идеологии молодежного религиозного терроризма. Ныне подготовка молодых идеологов актуальна, ибо ученые и богословы старшего поколения молодые салафиты воспринимают как продукт атеистической советской эпохи и поэтому менее восприимчивы к их высказываниям. Желательно создать необходимые условия для восстановления института мюршидов (учителей-наставников в суфизме), стимулировать появление нового поколения мюршидов для удовлетворения духовных потребностей молодых мюридов (последователей суфизма), что приведет к укреплению позиций суфизма на Северном Кавказе.
3. Учитывая всю серьезность угрозы молодежного терроризма, в том числе и под религиозными знаменами, предусмотреть подготовку в отдельных образовательных организациях профилей, ориентированных на деятельность в этом актуальном направлении.

Периодически проводить курсы повышения квалификации специалистов в области антитеррористической деятельности. Ориентировать их деятельность среди разных категорий молодежи: школьная, вузовская, работающая, армейская, молодежь правоохранительных структур и из числа интеллигенции и т.д.

4. Вооружение молодых идеологов соответствующей современным реалиям и созвучной духовным устремлениям молодежи эффективной идеологией. Поскольку мусульманская умма России, в том числе и Северного Кавказа, веками придерживается традиции тасаввуфа (суфизма), в качестве такой идеологии среди мусульман нашей страны могла бы выступить, например, суфийская идеология, которая вкупе с популярной среди россиян национально-патриотической идеологией могла эффективно противостоять идеологии молодежного религиозного терроризма, ибо, как пишет турецкий писатель Харун Яхья, «великодушие и толерантность проходит красной нитью в исламском суфизме» [3,233].
5. Разработать научно обоснованные рекомендации по противодействию идеологии выше названных конкретных категорий салафитов. В этой связи, в частности, можно предложить организаторам молодежного антитеррора следующие формы воздействия на разные категории салафитов для удержания их в рамках соблюдения установленных норм общественно-политической жизни: постоянное напоминание этих норм; приглашение к их соблюдению; призывы к выполнению данных норм; принуждение (особенно салафитов-радикалов) к соблюдению принятых государством правовых установок. В противодействии идеологии молодежного терроризма следует учитывать и рекомендации,

разработанные участниками многих всемирных исламских форумов, которые проходили в последнее время в Чеченской Республике.

Итак, из всего сказанного выше можно заключить, что в наше время в крайне обостренной форме протекают противоречия между суфизмом и салафизмом (неосалафизмом), которые наиболее болезненно проявляются в повседневной жизни северокавказских мусульман и чреваты непредсказуемыми драматическими последствиями. Речь идет не о каких-то второстепенных догматических перепалках между богословами, а о принципиальных расхождениях в вероучении и культовой практике мусульман. Салафиты обвиняют прошлых и настоящих последователей суфизма в неверии (куфр) и предлагают изменить суфийскую акыду на салафитскую, в противном случае предрекают неизбежное насилие. Кавказские суфисты убеждены в истинности тарикатов, что мусульманские горцы и в прошлом, и в настоящем, руководствуясь священным Кораном, Сунной Пророка (а.с.с.) и наставлениями своих святых наставников-устазов, многие века находились на верном пути к Аллаху и они не могут с него свернуть по настоянию новоявленных проповедников. И каждая из противоборствующих сторон не стремится к компромиссу, без которого могут последовать небывалые драматические события. Здравый смысл диктует компромисс, т.е. преодоление крайностей в противоборствующих религиозных системах («принцип васатыйа»): суфизм может в контексте новых реалий пересмотреть некоторые вульгаризированные элементы в своей догматике и культовой практике, а салафизм в значительной степени умерить свой пыл в установлении истины в последней инстанции и не травмировать весьма деликатную духовную сферу кавказских суфиев своими грубыми и необоснованными выпадами в адрес веками вымученной ими исламской святыни, которая сложилась в драматических исторических условиях в борьбе за землю

предков, за традиционные духовные ценности и верования, за свободу, за выживание в условиях депортации, за достойную жизнь и т. д.

Компромисс между суфизмом и салафизмом вполне возможен, ибо в самом Исламе заложен неисчерпаемый толерантно-миролюбивый и духовно-гуманистический потенциал. В свое время, стремясь преодолеть наметившуюся конфронтацию среди мусульман, основатель первого в исламе мазхаба Имам Абу-Ханифа выдвинул гуманистически-толерантный принцип «Ирджа», согласно которому субъектам полемики следовало бы при отсутствии достоверного знания воздерживаться от вынесения категоричного решения. Также следовало бы вердикт об истинности веры того или иного человека откладывать на Суд Аллаха, надеясь при этом на его милосердие. В современных условиях, когда актуальной стала проблема поиска путей единения различных мусульманских направлений, толков и идейных течений, в концепции «Ирджа» скрыт пока еще неоцененный потенциал. «Ирджа» мог бы выступить эффективным механизмом внутримусульманского диалога, примирения позиций суфизма и салафизма и важным фактором противодействия молодежному религиозному терроризму.

В заключение необходимо следующее добавление. В идеологии молодежного терроризма основное усилие направлено на осуждение существующих, с их точки зрения, греховных и антигуманных государственно-политических образований и провозглашение идеальной модели будущего общественно-политического устройства. В этой связи мы обязаны нашей мусульманской молодежи всеми доступными способами показать истинное величие России, которая является подлинной Родиной этой молодежи: бескрайние и уникальные природно-географические просторы, ее удивительно плодородные земли, несметные богатства на ее поверхности и в ее недрах. Но самое большое богатство

страны — многообразие ее народов, культур и регионов, органической частью которых является полиэтничный Северный Кавказ. Единство северокавказских народов — это не просто совокупность людей, этносов, народов, а уникальное этнокультурное древо, корни которого с древнейших времен органически срослись, непрерывно порождая живительные плоды добрососедских, братских отношений в социально-экономической, культурно-духовной, политико-правовой сферах.

Важным источником единства северокавказских народов является жизнеспособность и стойкость российской цивилизации, представляющая собой исторически сформировавшееся уникальное полиэтничное, поликультурное, поликонфессиональное образование, простирающееся на громадных просторах Европы и Азии и занимающее ведущие позиции в современном геополитическом пространстве. В этой цивилизации испокон веков живут представители разных этносов, культур, религий, образовавшие в течение многих веков совместной жизни в рамках российского государства уникальную социальную систему, которая на протяжении столетий успешно противостояла любым драматическим превращениям истории, каждый раз доказывая свою удивительную жизнеспособность. В этой системе доминирующее положение всегда занимал и ныне занимает русский народ со своей богатейшей самобытной культурой.

Особо следует сказать о взаимовлиянии русской культуры и культур мусульманских народов России. Их внутреннее взаимоотяготение и исторически устоявшееся приязненное отношение друг другу объясняется многими причинами, важной из которых, на наш взгляд, является следующая. Как известно, в формировании и развитии русской культуры огромное влияние оказало православное христианство, а на культуру российских мусульман — исламская религия. Исторически эти две

религиозные системы имели тесные связи и взаимовлияния как фундаментальные духовные опоры двух соседних великих империй-Халифата и Византии. Именно у колыбели рождающегося исламского мира стояла православная культура, вобравшая в себе богатейшее античное наследие и оказавшая глубокое влияние на мусульманскую культуру. Именно эти две духовно близкие мировые религии затем устремились далеко на север, чтобы стать духовным остовом культуры русичей, народов Поволжья, Северного Кавказа, выступить созидательной и благотворной основой их образа жизни. Эти две великие религиозные системы в принципе не могут строить свои отношения на негативной основе, ибо они совместно реализуют великую миссию: воплощают в жизнь наших братских народов жизнетворящие божественные заповеди. Поэтому между ними ни на каком этапе истории не было противостояний, взаимогонений, ни тем более войн. И сегодня, когда на духовную сферу нашего общества совершается социокультурная агрессия извне, русское православие и российский ислам вновь должны продемонстрировать былое единение и выступить единым фронтом в борьбе против любого религиозного радикализма, экстремизма, в том числе и против молодежного экстремизма.

Список использованной литературы

1. Акаев В.Х. Суфийская культура на Северном Кавказе. Грозный, 2011. Билалов М.И. Влияние ислама и суфизма на познавательную культуру//Исламоведение, 2012. № 3; Гаджиев Р.Г. Ваххабитский фактор в кавказской геополитике. Грозный, 2014; Ханбабаев К.М., Якубов М.Г. Религиозно-политический экстремизм в мире, России: сущность и опыт противодействия. Махачкала, 2008. Муслимов С.Ш. Религиозно-политический экстремизм газами дагестанцев. Махачкала, 2011.

2. Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Очерки теории и практики. — Махачкала. 1999.
3. Гадаев В.Ю. Молодое поколение Чеченской Республики: проблемы духовного развития. Грозный, 2011. —344 с.
4. Современное состояние исследований по религиозному экстремизму, основные направления исследований в мировой науке: социологический анализ/Х.В. Дзуцев [и др.]. — М.: ИСПИ РАН, 2016. — 467 с.
5. Яхьяев М.Я. Опыт осмысления радикализации салафизма в Республике Дагестан. //Мобилизация этнокультурного ресурса как важнейший фактор противодействия экстремизму и терроризму. Грозный, «Грозненский рабочий», 2017. 312 с.

Потенциал взаимодействия семьи и школы в сфере предупреждения экстремистских проявлений в поведении подростков

Эрлих Олег Валерьевич

заведующий кафедрой педагогики семьи

Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования,

кандидат педагогических наук

Попова Антонина Васильевна

преподаватель кафедры педагогики семьи

Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования

Обеспечение благополучного и безопасного детства выступает одним из основных национальных приоритетов в государственной политике Российской Федерации. Об усилении роли института семьи, повышении эффективности государственной поддержки семьи, развитии единой образовательной (воспитывающей) среды, а также о мерах по раннему выявлению и профилактике девиантного поведения несовершеннолетних говорится в Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 г.²⁸

Современное общество пребывает в состоянии серьезных трансформаций и характеризуется рядом проблемных аспектов, хронических социальных напряжений, оказывающих влияние на функционирование основных социальных институтов и подсистем.

В сложных условиях меняющегося общества всегда обостряется проблема отклоняющегося (девиантного) поведения, выступая (по Э.

²⁸ Распоряжение Правительства РФ от 22 марта 2017 г. № 520-р об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 г.

Дюркгейму) следствием аномии: кризиса нормативной системы, когда прежние социальные нормы утрачивают свое регулирующие значение, а новые либо находятся в стадии генезиса, либо еще не обладают достаточной силой, чтобы оказывать существенное влияние на систему социальных действий и взаимодействий общества.

В связи с этим, входящие во взрослую жизнь молодые люди, уже не слишком связанные с прошлыми ценностями, зачастую попадают в ценностный вакуум. Таким образом, по мнению политических психологов, в ценностном отношении современное поколение российской молодежи может быть охарактеризовано как маргинальное, а маргинализация влечет за собой противоречивость ценностного мира и поведения (как группового, так и индивидуального).

Одной из форм противоправного, девиантного поведения, выступает экстремизм. Распространение экстремизма в современной, в особенности молодежной, среде интенсифицируют мультикультурализм, свойственный для современного глобального социума, развитие информационных технологий, интенсивные миграционные потоки.

Ухудшение общей ситуации в социуме и увеличение числа детей и подростков, склонных к девиантному поведению (группа риска), остро ставят вопросы изменения стратегии и тактики социальной профилактики, психологической работы с подростками.

В работе с подростками, склонными к совершению правонарушений, необходим повсеместный переход к деятельности, основанной на принципах их социально-педагогической поддержки и защиты в соединении с широкой превентивной работой.

В научно-исследовательской литературе обычно описывают следующие факторы, способствующие развитию девиантного, в том числе экстремистского, поведения подростков: глобальные, влияющие на

специфику социализации современного ребенка; социально-экономические; особенности микросреды (семья как первичный институт социализации, образовательная организация, трудовой коллектив); индивидуально-личностные и возрастные особенности подростков.

С точки зрения приобщения к экстремистской деятельности наиболее опасным возрастом является подростковый. С точки зрения физиологии, он характеризуется резкими изменениями в организме — гормональной перестройкой, неравномерным созреванием участков головного мозга и, как следствие, перепадами настроения.

В психологическом плане подростковый возраст характеризуется развитием самосознания, обострением чувства справедливости, поиском смысла и ценности жизни, несформированностью нравственных норм. Именно в это время подросток озабочен желанием найти «свою» группу, собственную идентичность, которая формируется в том числе по схеме «мы» — «они». Также ему присуща повышенная активность, неустойчивая психика, легко подверженная внушению и манипулированию, обостренная чувствительность к несправедливости, отчуждению, отсутствию настоящего дела.

Психологи, занимающиеся проблемами политической социализации, отмечают, что именно для молодежи привлекательны жертвенность, героика, романтика риска, статусная значимость деятельности, возможность показать себя, доказать что-либо себе и другим и т.д. В политической психологии отмечается, что вероятность экстремистского поведения среди молодежи очень высока.

М.Е. Демаховская провела исследование взаимосвязи личностных особенностей, готовности применять насилие и факторов, приводящих к риску экстремистского поведения у подростков. В своей работе она сравнивала поведение подростков, живущих более полугода на улице, с

подростками, воспитывающимся дома. Было выявлено, что в обеих группах наблюдаются примерно одинаковые показатели готовности применять психологическое насилие и устойчивости в ситуациях агрессии извне.

Одним из вопросов в названном исследовании был следующий: «что заставляет вас применять насилие?». Обе группы испытуемых назвали следующее: гнев, обида, раздражение, чувство собственного бессилия, самозащита, страх, самоуважение, невозможность действовать иначе (здесь речь идет о субъективной оценке ситуации, в том числе об отсутствии или недостаточном развитии социальных навыков, неумении или нежелании вступить в диалог, искать компромисс и т.п.). Выяснилось, что ведущие мотивы применения насилия в двух группах имеют некоторые различия: невозможность действовать иначе назвали 39% детей, живущих дома и 22% детей, живущих на улице. Обиду в качестве основного мотива обозначили 36% детей, живущих дома и 26% детей, живущих на улице. Гнев, раздражение назвали 29% детей, живущих дома и 28% детей, живущих на улице. Другие мотивы применения насилия встречались достаточно редко. [5]

В современном российском обществе институт семьи, несомненно, переживает кризис — увеличивается количество неполных семей, социально неблагополучных семей, деформируется брачный выбор, увеличивается число разводов, разрушаются традиционные семейные устои и т.д.

Важным фактором девиантного и деликвентного поведения подростков Н.В. Федорова называет семейную депривацию. Автор выделяет следующие причины депривации: внешние (состав семьи, ее социоэкономический и культурный уровень, социальная изоляция семьи, асоциальная семья) и внутренние (эмоциональная незрелость и отклонения

характера у родителей, невротические и психотические расстройства родителей, умственная ретардация и дефект органов чувств у родителей, нежеланные дети) факторы семейной депривации.

Знание факторов возникновения деликвентного поведения подростков позволяет выстроить маршрут по его предотвращению. Наиболее эффективно профилактика отклоняющегося поведения подростков может осуществляться в рамках взаимодействия семьи и школы.

В 2017 г. кафедрой педагогики семьи СПб АППО было проведено исследование социально-психологических проблем современной петербургской семьи. Исследование было организовано с целью разработки эффективной системы поддержки семьи, как института первичной социализации ребенка, в нем приняли участие 3410 родителей из 16 районов города, общеобразовательных организаций и школ с углубленным изучением предметов²⁹.

Результаты проведенного исследования, специфика выявленных проблем показали, что в работе с семьей и родителями требуется оказание им адресной помощи по вопросам формирования эмоционального интеллекта, эмпатии, умения трудиться, формирования волевых качеств, предупреждения и коррекции агрессивности у ребенка. Отдельным направлением поддержки родителям выступает помощь им в понимании истоков и причин детской лживости, которая, в том числе, может отражать тревожность и страх ребенка быть строго наказанным за проступки, невыполнение требований родителей.

²⁹ Эрлих О.В. и др. Аналитическая справка «Социально-психологические проблемы современной петербургской семьи». — СПб, 2017 г.

* При создании инструментария использованы параметры ответственного родительства, приведенные в методическом пособии «Ответственное родительство: проблемы и пути решения», под ред. М.В. Логиновой, В.Ю. Смирновой» (Ответственное родительство: проблемы и пути решения: методические пособие /Под ред. М.В. Логиновой, В.Ю. Смирновой. — Кострома, 2012.).

Суммарно 27,5% петербургских родителей не уверены в том (ответы «не знаю»), или отрицают (ответы «скорее нет, чем да» и «нет»), что «воспитание ребенка — это их осознанное удовлетворение потребности в отцовстве и материнстве, в заботе о ребенке». Это свидетельствует о недостаточной или низкой степени сформированности ценностей ответственного родительства у более чем четверти респондентов.

В качестве психодиагностического инструментария в профилактической работе целесообразно использовать методику семантического дифференциала для анализа уровня детского благополучия/неблагополучия (семейный аспект), авторы О.В. Эрлих и Н.И. Цыганкова*. Методика предполагает последовательную оценку семи следующих индикаторов детского благополучия-неблагополучия в семейном аспекте: «Воспитательная функция», «Хозяйственно-бытовая функция», «Эмоциональная функция», «Функция духовного (культурного) общения», «Функция первичного контроля», «Коммуникативная функция», «Охранительная функция» с помощью противоположных пар эмоционально-оценочных характеристик (таб. 2).

Таблица 1.

Стимульный материал методики семантического дифференциала для анализа уровня детского благополучия/неблагополучия (семейный аспект), авторы О.В. Эрлих и Н.И. Цыганкова.

Факт отцовства и материнства, необходимость осознанного воспитания, не вызывают у родителей удовлетворенность, радость.	Воспитательная функция	Факт отцовства и материнства, необходимость осознанного воспитания детей вызывают у родителей удовлетворенность, радость.
---	------------------------	---

<p>Недостаточно удовлетворяются материальные потребности членов семьи (в пище, крове, одежде и т.д.), у несовершеннолетнего отсутствуют карманные деньги. Не финансируются дополнительные образовательные потребности несовершеннолетнего.</p>	<p>Хозяйственно-бытовая и экономическая функция</p>	<p>Удовлетворяются материальные потребности членов семьи (в пище, крове, одежде и т.д.), несовершеннолетнему выделяются карманные деньги. Финансируются дополнительные образовательные потребности несовершеннолетнего.</p>
<p>А. В семье не удовлетворяются потребности членов семьи в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите. В семье не наблюдается благоприятная эмоциональная атмосфера.</p>	<p>Эмоциональная функция</p>	<p>В семье удовлетворяются потребности членов семьи в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите. В семье наблюдается благоприятная эмоциональная атмосфера.</p>
<p>В. Родитель не в полной мере способен оказать эмоциональную поддержку несовершеннолетнему, не понимает его эмоциональное состояние, как результат несовершеннолетний не готов открыться родителю, обсудить с ним свои проблемы, рассказать ему о своих переживаниях.</p>	<p>Эмоциональная функция</p>	<p>Родитель способен оказать эмоциональную поддержку несовершеннолетнему, понимает его эмоциональное состояние, как результат несовершеннолетний готов открыться родителю, обсудить с ним свои проблемы, рассказать ему о своих переживаниях.</p>
<p>В семье отсутствуют или недостаточны духовная</p>	<p>Функция духовного</p>	<p>В семье существуют духовная общность и</p>

<p>общность и позитивная социальная направленность взглядов, ценностей, традиций. Не удовлетворяются потребности в совместном времяпровождении, проведении досуга.</p>	<p>(культурного) общения</p>	<p>позитивная социальная направленность взглядов, ценностей, традиций. Удовлетворяются потребности в совместном времяпровождении, проведении досуга.</p>
<p>Членами семьи не выполняются или нарушаются социальные нормы. В семье отсутствует сбалансированная система требований, запретов, поощрений, санкций. Родитель не выступает для несовершеннолетнего как пример, имеющий полноценный взрослый опыт взаимодействия с социальными институтами.</p>	<p>Функция первичного социального контроля</p>	<p>Членами семьи выполняются социальные нормы. В семье существует сбалансированная система требований, запретов, поощрений, санкций. Родитель выступает для несовершеннолетнего как пример, имеющий полноценный взрослый опыт взаимодействия с социальными институтами — опыт, которого у несовершеннолетнего нет.</p>
<p>Родитель нерегулярно общается с несовершеннолетним, не умеет установить и сохранить контакт с ним, не ориентируется в его эмоциональном состоянии. Не находится в курсе интересов и предпочтений несовершеннолетнего. Не готов делить с ним некоторые из его интересов, а также в разумных пределах влиять на них.</p>	<p>Коммуникативная функция</p>	<p>Родитель регулярно общается с несовершеннолетним, умеет установить и сохранить контакт, ориентируясь на его эмоциональное состояние. <u>Находится в курсе его интересов и предпочтений.</u> Готов делить с ним некоторые из его интересов, а также в разумных пределах влиять на них.</p>

Родитель не заботится о безопасности и здоровье несовершеннолетнего (физическом, психическом, социальном, духовном), несовершеннолетний находится без надзора родителей.	Охранительная функция	Родитель заботится о безопасности и здоровье ребенка (физическом, психическом, социальном, духовном), отсутствует безнадзорность несовершеннолетнего.
--	-----------------------	---

Перспективным и необходимым в рамках профилактики подростковых девиаций выступает сегодня создание системы социального партнерства между школой и семьей, установление постоянного, непрерывного взаимодействия, поиск новых эффективных форм и методов работы, направленных на предотвращение нарушения подростками общественных норм и морали.

Эффективная система социального партнерства семьи и школы предполагает реализацию следующих направлений деятельности:

– *Информирование семьи и родителей* об актуальных для них юридических, психолого-педагогических новациях, позволяющих им более компетентно реализовывать свои базовые функции по отношению к ребенку (например, об условиях прохождения обучающимися государственной итоговой аттестации, о возможностях в случае необходимости получения ребенком психолого-медико-социальной помощи, порядок регламентации и оформления отношений государственной и муниципальной образовательной организации и родителей (законных представителей) обучающихся, нуждающихся в длительном лечении, а также детей-инвалидов в части организации обучения по основным общеобразовательным программам на дому).

– *Просвещение родителей* по широкому кругу правовых и психолого-педагогических вопросов. В соответствии с содержанием современного законодательства, это — психолого-педагогическое консультирование не только обучающихся, но и «их родителей (законных представителей)», «осуществление связи с семьей...» для «выявления причин социальной дезадаптации детей и оказания помощи детям», «обучение» родителей несовершеннолетних обучающихся возможностям использования своего права «обжаловать в комиссию по урегулированию

споров между участниками образовательных отношений меры дисциплинарного взыскания и их применение к обучающемуся», как альтернатива стихийным конфликтам между родителями и педагогическим коллективом».

– *Вовлечение родителей в образовательную деятельность.* Формы такой работы, широко представленные в федеральных государственных стандартах различного уровня и весьма вариативны. Это участие родителей в организации и проведении совместных с детьми мероприятия — конкурсов, экскурсий, слетов, квестов, создание элементов родительского самоуправления — родительских ассоциаций, советов отцов (в СПб действует во всех районах города) и пр. Вовлечение родителей в школьные мероприятия различного уровня выступают формой социальной коммуникации, повышающей уровень доверия между родительским и педагогическим сообществом, что снижает риски возникновения стихийных конфликтов.

На основе получения родителями опыта участия в вышеназванных формах партнерства и взаимодействия, возможно их реальное (а не формальное, как зачастую это происходит сегодня) *участие в системе государственно-общественного управления* за счет осознанного вхождения в органы государственно-общественного управления: в попечительский, управляющие советы и пр.

В этом случае семья, родители смогут выступать в качестве реальных, а не номинальных субъектов партнерства во взаимодействии со школой в интересах ребенка.

Различные технологии профилактики отклоняющегося, в том числе экстремистского, поведения на основе социального партнерства образовательного учреждения и семьи апробированы и реализуются на кафедре педагогики семьи СПб АППО.

Потенциал русской классической литературы в формировании антитеррористической идеологии в молодежной среде

Муслимова Миясат Шейховна

проректор по научно-методической работе

Дагестанского института развития образования

Русская классическая литература, формируя духовно-нравственные основы личности человека, всегда обращалась к важнейшим смыслообразующим вопросам жизни человека, отражая актуальные проблемы своего времени и во многом предвосхищая их. Для нашего современного общества, столкнувшегося с вызовами терроризма и экстремизма, все большую остроту приобретают те произведения, в которых художественно ярко и глубоко раскрывается проблема воздействия идеи на человека, проблема манипуляции его сознанием, проблема соотношения веры и нравственности. С этой точки зрения произведения Ф.М. Достоевского приобретают особую актуальность.

29 января 1881 года умер Достоевский, а уже 2 февраля выдающийся русский юрист А.Ф. Кони выступил на общем собрании Петербургского юридического общества с докладом «Достоевский как криминалист». Это была одна из первых попыток посмотреть на творчество великого писателя-мыслителя с позиций юриспруденции, криминологии. «Я убаюкивать не мастер, — отвечал Достоевский на обвинения современников в жестокости таланта и во внимании к болезненным явлениям жизни, — <...> моя болезненность здоровее вашего здоровья. Другие я понятия имею о реализме действительности, чем наши реалисты и критики. Их реализмом сотой доли случившихся фактов не объяснишь. А мы нашим идеализмом пророчили даже факты». Искусство как предвидение будущего — принцип творчества писателя, все

более подтверждаемый временем. То, что философия, социология, психология открыли научно, Достоевский открыл художественно. Но искусство — не иллюстрация к научным положениям, а особое средство постижения человека и мира, способ влияния на них. Идеи вне человека живут у теоретиков, а в жизни нет идей вне человека. Его интересовало сочетание в одном человеке величайшего благородства и величайшей подлости, и нигде эта проблема не стояла так остро, как в явлении революционного подполья и появлении терроризма. Достоевский набавывал огромный материал по изучению преступления. Прежде всего, в сфере криминографии, включающей публицистические и художественные описания различных проявлений криминального сознания и поведения. Публицистическая криминография, в отличие от документальной, — промежуточный жанр между документалистикой и искусством. Подобно документалистике, она опирается на факты и исключает вымысел, с искусством ее роднит использование художественных приемов, экспрессия.

Во многих героях Достоевского жила жажда скорого подвига, утопическая мечта в один час все устроить. Они живут идеей загнать людей палкой во дворец запланированного ими всеобщего счастья. Они уверены, что в кратчайший срок люди могут переродиться, что именно они способны дать миру новый закон и имеют право на власть. Сможет ли человек без подсказки и команды решить, в чем его счастье? Или он должен слепо идти за тем, кто скажет: я знаю, где истина? Что дает идея человеку и что с ним делает, что делает человек с идеей? — узловые вопросы его романов. Потрясенный событиями нечаевского дела, он обращается к психологии террористов. Его интересовал человек беззакония как герой времени. Одну из причин небывалого роста преступности он видел в переходном состоянии общества, когда

происходит разложение традиционных социальных структур. Прежние предписания, имевшие глубокие культурно-исторические корни, уже не действовали, а пришедшие на смену еще не обрели силу, возросла степень непредсказуемости жизни. Социальная система впадала в то болезненное состояние, когда нарушения культурных, нравственных, юридических норм стали обыденными явлениями. В пореформенной России перед общественным сознанием возникло множество вопросов, но ни научная, ни художественная интеллигенция, ни учительство, ни духовенство не оказались способны к их осмыслению. «Остаются, стало быть, случайные ответы — по городам, на дорогах, на рынках, от прохожих, ответов будет много, и каждый ответ родит еще по три вопроса. В результате хаос, но хаос бы еще хорошо — скороспелые разрешения задач хуже хаоса», — писал Достоевский. Он анализировал разные факты, поднимаясь от частных случаев к глубоким обобщениям и выступая как писатель, издатель журналов «Время», «Эпоха», публицист-кримиограф.

Почему террор узурпирует идею свободы, почему идея свободы роковым образом поселяет с собой идею террора — эти вопросы под пером Достоевского, взятые из частного случая, процесса по делу Нечаева, приобрели универсальное значение в романе «Бесы». В 1871 году состоялся знаменитый нечаевский процесс. Сергей Нечаев дал имя серии политических процессов, вошедших в историю России. Выдавая себя за границу эмигрантом революционных кружков в России, а в России — заграничным эмигрантом, он получил обманом финансы у А. Герцена, создал тайное общество «Народная расправа» и вовлек в свои сети молодых людей, вербуя их при помощи шантажа, обмана, запугивания, скрепив подполье общим убийством. Когда студент Н. Иванов отказался подчиняться Нечаеву, последний убедил четырех членов кружка заманить его в парк ночью и убить. Это убийство легло в основу романа «Бесы»,

вызвавшего резкую критику со стороны революционеров. Они утверждали, что нечаевщина — преступное исключение в их среде. У истоков революции иллюзии говорили о благородстве мышления и непонимании реальности и логики развития собственных идей, которые потом подчиняют себе человека. Через пять лет в подполье началась реабилитация нечаевщины. В революционном мире разворачивался процесс нравственной адаптации к нечаевщине, неправые средства стали нормой. Политический монстр, нравственное чудовище, мистификатор, лжец и убийца превратился в страдальца-революционера, боровшегося против «поганого строя».

У радикалистов всех мастей есть общая черта: подталкивать историю в спину. Когда народники поняли, что пропаганда не дала желаемого эффекта и мгновенного результата, народ оказался не таким, каким должен быть по их представлениям — социалистических идей не понимал, от пропаганды не возгорался — террор стал их главным оружием. Трагический парадокс времени — оправдание убийства не только невежественными и преступными элементами, но и образованной, честной молодежью — оказался в центре внимания Достоевского.

В «Катехизисе Нечаева» изложены правила подполья, в них много сходного с принципами подполья современных боевиков. Человек — разменная монета в политической игре, капитал, который можно пустить в расход, но как надо выхолостить сознание людей, чтобы они почитали за счастье умереть за бесовщину и называли беса мессией! Самое страшное, когда в ряды желающих умереть и убить вербуются лучшие. «Дневник писателя», 1873 г.: «Я хотел поставить вопрос и в форме романа дать на него ответ: каким образом в нашем переходном современном обществе возможны не Нечаев, а нечаевы, каким образом может случиться, что эти нечаевы выбирают себе под конец нечаевцев?» Изобразив своего нечаева,

П. Верховенского, нравственным монстром, Достоевский предупреждает: «Да неужели вы вправду думаете, что прозелиты, которых мог бы набрать у нас какой-нибудь Нечаев, должны быть одни шалопаи? Не верю, не все; я сам старый «нечаевец», я тоже стоял на эшафоте, приговоренный к смертной казни, и уверяю вас, что стоял в компании людей образованных... Почему же вы знаете, что петрашевцы не могли бы стать на нечаевскую дорогу, если бы так обернулось дело? Конечно, тогда и представить это нельзя было. Не те были времена. Но позвольте мне про себя одного сказать: Нечаевым, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но нечаевцем, не ручаюсь, может. И мог бы... во дни моей юности».

Достоевский предсказал появление революционеров иного, чем Нечаев, склада, чистых сердцем, но делавших бесспорную мерзость. Предсказал появление людей большого террора в ближайшем будущем. Он доказывал, что вера — путь спасения от бесовщины, но не мог предполагать, что веру со временем люди могут использовать как идеологию убийства. Особое отношение к студенчеству, внимание за его духовной жизнью — отличительная черта Достоевского. Писатель с волнением следил за судьбой студенчества. В апреле 1878 года он писал московским студентам: «Молодежь попала в руки какой-то совершенно внешней политической руководящей партии, которой до молодежи никакого нет дела, которая употребляет ее как материал и Панургово стадо для своих внешних и особенных целей». Чем дальше, тем больше «чистые сердцем» действовали без колебаний. Право на убийство — «кровь по совести» — было нравственно санкционировано.

Достоевский раскрывает программу смуты подполья. Организация состояла из нескольких пятерок. Ни один из них не знал истинных масштабов организации. В основе ее построения лежат принцип блефа — легенда о едином центре и огромной сети, и принцип иерархического

централизма с диктатурой центра. Объединенная уставом и программой, она задумана как общество тотального интеллектуального послушания, как собрание единомыслящих. Чтобы не возникало инакомыслия, все члены должны «наблюдать и замечать друг за другом». Угадывая логику организации, Н. Ставрогин подсказывает главный пункт: «подговорите четырех членов кружка укокошить пятого под видом того, что он донесет. И тотчас вы их всех пролитой кровью свяжете. Рабами вашими станут, не посмеют бунтовать и отчетов спрашивать». Совместная преступная акция, общий грех злодейства — не только проверка на готовность, но и залог беспрекословного подчинения. Проба кровью — способ вхождения в мир бесов, и цемент отношений.

Страна, раздираемая бесами, стояла перед выбором судьбы; существовала угроза ее духовному существованию, налицо была опасность превращения страны в арену для дьявольского пира, а народа — в человеческое стадо, понуждаемое к «земному раю» с земными богами. Бесы хотели пить райский нектар из черепов убитых. Всякое подполье, всякая идея, претендующая на монопольность истины, — это идеология тоталитаризма и насилия, идеология уничтожения Бога и совести, — доказывает автор.

Самозванство как форма политического мышления, в которую отливалось всякое общественное недовольство в России, имело свою историю. Утверждающий свою ложь насилием самозванец сделает так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться ему. Никто не вкладывает столько усилий в компрометацию идеи, как тот, кто от ее имени определяет право на жизнь и смерть человека. Достоевский был убежден: здесь не только самозванство политическое и религиозное, это умаление Бога и признание его бессилия, богоотступничество. Бесы для Достоевского — политические авантюристы, самозванцы, предлагающие

политическую программу переделки мира без всяких гарантий своей состоятельности и объявляющие себя единственным носителем истины.

Достоевский впервые выделяет самообман преступного сознания и подвергает его художественному исследованию, раскрывает механизм его действия. Из «Дневника писателя»: *«Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям, надо еще непрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения»*. Идея хорошо помогает прятаться от совести. Вспомним героя романа «Подросток»: *«Главное в том, что имеешь всегда отговорку. Сколько я мучил мою мать, у меня идея, а то все мелочи, — вот что я как бы говорил себе. Идея утешала в позоре и ничтожестве; но и все мерзости мои тоже как бы прятались под идею; она, так сказать, все облегчала, но и все заволакивала передо мной»*.

Чтобы человек был глух и слеп ко всякой совести, надо лишить его связей с семьей, оторвать от родных. Секты часто прибегают к этому способу. «О, если бы я был один! И никто не любил бы меня, и сам бы я никого не любил!» — мучается Раскольников, борясь с совестью. Всю мощь своего творчества Достоевский положил на развенчание самой кровавой аксиомы убийц и заблудших: «цель оправдывает средства». Он доказал, что это обман или самообман: средство и есть цель в действии.

Сфера и пределы применения насилия к человеку в романе «Бесы» вызывают тревожные ощущения. Результаты насилия в романе выглядели преувеличенными для того времени, но этот почти апокалиптический ужас перед «тайной и авторитетом» механизмов подавления человека привел к кардинальному вопросу 20 века: есть ли то, чего нельзя сделать с человеком силой? «Я гражданин и человек, а не щепка», — кричал герой «Бесов», пережив насилие, но террористы и подвалы губчека в эпоху революции показали, что делает с человеком насилие, с человеком,

который его творит, и с человеком, над которым его творят. У тела и у души есть свой предел возможностей и испытаний. Человек не рассчитан на пытки. Но и душа человеческая уязвима. Нельзя рассчитывать на торжество гуманизма или бессмертие души в мире тотального зла. Нет сильных людей, есть слабый ток в установке над кроватью узника. XX век если не развеял, то нанес сильнейший удар по представлению о могуществе и неистребимости человеческого духа. Зло в массе своей способно подчинить себе человека до конца, как и боль. Неужели, чтобы выявить категорию сильнейших людей, надо их пропустить через пытки или позволить взять на себя право на убийство? Вопросы бесконечны, мир требует нового и полного осознания себя и человека в новых условиях через моральную гениальность. Меньшее — гибельно.

Для Достоевского истоки криминального разума — чудовищная шаткость понятий о добре и зле, невероятная путаница, которая позволяет оправдывать нигилизм, цинизм и полагать, будто преступления нет и преступники таковыми не являются. Из «Дневников писателя»: *«У человечества много накоплено веками нажитых правил гуманности... Правила-то есть, да люди-то к правилам не подготовлены вовсе».*

Вопросы оставленности молодежи — самые тревожные: *«Молодежь-то наша и страдает, и тоскует от отсутствия высших целей жизни. В семьях наших об высших целях жизни почти не упоминается... Наше юное поколение обречено само отыскивать себе идеалы и высший смысл жизни. Но это-то отъединение их, это-то оставление на собственные силы и ужасно. Это вопрос слишком значительный в теперешний миг нашей жизни. Наша молодежь так поставлена, что решительно нигде не находит никаких указаний на высший смысл жизни. От наших умных людей и вообще от руководителей своих она может заимствовать <...> скорее лишь взгляд сатирический,*

но ничего положительного, — то есть во что верить, что уважать, к чему стремиться, так необходимо молодежи, всего этого она жаждет и жаждала всегда». И еще о важном, его же устами: «Осмыслить и прочувствовать можно и верно и разом, но сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека. Тут дисциплина. Вот эту-то неустанную дисциплину над собой и отвергают иные наши современные мыслители: «слишком-де много было деспотизму, надо свободы», а свобода эта ведет огромное большинство лишь к лакейству перед чужой мыслью, ибо страх как любит человек все, что подается ему готовым. Мало того: мыслители провозглашают общие законы, то есть такие правила, что все вдруг сделаются счастливыми, безо всякой выделки, только бы эти правила наступили. Да если бы этот идеал и возможен был, то с недоделанными людьми не осуществились бы никакие правила, даже самые очевидные. Вот в этой-то неустанной дисциплине, непрерывной работе над самим собой и мог бы проявиться бы наш гражданин».

Искусство — не судебная инстанция. Но оно постигает смысл нравственных преступлений так, как это ни под силу никакому суду, оно привлекает таких свидетелей, каких нет и быть не может на обычном суде. У искусства нет полномочий определять судебное наказание. Но у него есть своя сила и свое полномочие — найти в человеке совесть и оставить его наедине с ней. У него есть только одна мера наказания, зато самая высшая — суд совести. И одна мера помилования: исполнение приговора она представляет самому человеку. Оно живет для того, чтобы пробить сердце, ибо пробить сердце — привить нравственность и жажду нравственности. Спасение начинается с преодоления самообмана.

К вопросу о психологических основаниях террористической направленности личности

Яхьяев Мухтар Яхьяевич

декан факультета психологии и философии

Дагестанского государственного университета,

доктор философских наук, профессор

Конечные основания террористической деятельности личности обнаруживаются в ситуации системного социально-экономического и политического кризиса. Именно критическая социальная ситуация ставит социальные группы и отдельные личности в экстремальное положение, из которого они не видят легитимных социально позитивных путей выхода, и которая провоцирует социальные субъекты к выбору террористических форм и средств удовлетворения своих целей и устремлений. Однако истоки и причины террористической направленности личности открываются не только во внешней социокультурной среде, но и внутри самого человека. Они в немалой степени определяются его психологическими особенностями, как врожденными, генетически обусловленными, так и социально культивированными.

Психологические основания терроризма, с одной стороны, производны от социально-экономических и политических факторов, с другой стороны, они способствуют усилению действия этих причин и непосредственно создают благоприятную почву для восприятия массовым сознанием террористских целей и установок. Иначе говоря, конечный синтез всех причин террористической деятельности осуществляется именно через психологические факторы. Большинство фанатично настроенных террористов, разбросанных по всему миру, совершенно не озадачиваются поисками какого-либо идеологического обоснования своей террористической деятельности. Многие из них и понятия не имеют о том,

что их поведение может иметь какое-то идейно-политическое обоснование и оправдание. По этой причине недостаточными оказываются попытки обосновать террористическую направленность субъекта исключительно социокультурной и идеологической детерминацией. Мировая практика нарастания терроризма показывает, что эта проблема не только социально-экономического и идейно-политического порядка, но и проблема психологического плана. Такая постановка вопроса крайне необходима и для понимания того, какую роль играют субъективные факторы личностно-психологического уровня в генерировании террористической мировоззренческой ориентации и линии поведения конкретного индивида.

Современный терроризм предстает перед нами как некая негативная способность, как личностный «талант», тяготеющий к противоположному от творчества полюсу, «талант» со знаком «минус». Истоки такой способности лежат и в природных свойствах субъекта, в особенностях его нервной системы, психики, эмоционально-чувственного склада. При этом надо принимать во внимание и то, что террористические наклонности даны субъекту лишь в задатках, которые могут проявиться или не проявиться в зависимости от того, в какой социокультурной среде происходит становление личности. Тот факт, что процессы социализации и индивидуализации человека осуществляются под влиянием внешних, социокультурных факторов и воздействием внутренних психофизических особенностей личности, должен быть учтен при объяснении природы терроризма.

Каковы же эмоциональные состояния террористически ориентированной личности? Как известно, в основе эмоциональных переживаний лежит взаимодействие личности и внешнего мира, опосредованное деятельностью человека. Рассматривая эмоциональный мир террориста в такой плоскости, мы видим расхождение между его

представлениями о правильном устройстве мира и реальной действительностью. Оно-то и ставит террориста с точки зрения процесса эмоционального переживания в критическую ситуацию стресса, фрустрации и конфликта. Терроризм предполагает практическую реализацию иллюзорных идей и целей, поэтому внешний мир социальной реальности для террориста всегда враждебен, является преградой в реализации его утопий. И это провоцирует стресс как неспецифическую реакцию организма на затруднения в реализации жизненных потребностей личности, вызываемые внешней средой. Одновременно террорист находится в ситуации психологической фрустрации, которая суть не что иное, как столкновение сильной мотивированности личности на достижение определенной цели с внешними препятствиями.

Более того, террорист в своей деятельности всегда соприкасается с другими людьми, не разделяющими его убеждений и препятствующими их реализации путем активного сопротивления или пассивного неприятия. И это становится причиной перманентной конфликтности террориста с людьми его окружающими. Сама ситуация конфликта террористом осознается и переживается в упрощенной и извращенной форме. Поэтому человек, не разделяющий его убеждений, рассматривается им не как равноправный партнер-оппонент, не как личность, а как особо сложное внешнее препятствие, подлежащее простому физическому устранению. Не случайно убийство противников или бегство от них являются двумя наиболее типичными способами поведения террористов в ситуации конфликта.

Объективно оценивая напряженную жизнедеятельность террористически направленной личности, мы видим, что ему никогда не удастся реально осуществить свои утопические реформаторские цели и позитивно реализовать свою базовую потребность. В то же время

террористу, как и любому другому человеку, нужно осознавать, что его цели реализованы, и что его деятельность успешна.

Психологически пережить факт неосуществимости собственных террористских иллюзий ему помогают два компенсаторных механизма нашей психики: 1) перенесение полной реализации потребностей и целей в будущее; 2) суррогатная компенсация, т.е. замещение адекватной исходному идеалу формы реализации террористской направленности формой, в которой эта направленность реализована в извращенном или искаженном виде. Террорист как человек с простым внутренним миром согласен на любой суррогат, хоть в какой-то мере удовлетворяющий его потребность.

Каковы по своему содержанию эмоциональные переживания террориста?

В общем, мы здесь найдем весь набор модальностей, проявляющихся в зависимости от конкретной ситуации, но доминируют такие феномены, как страх, отвращение, презрение, гнев, извращенная радость. Базовой эмоцией террориста является, очевидно, страх. Страх террориста вызван несоответствием действительности его представлениям и жгучим желанием такого соответствия, сопровождаемым предположением о том, что мир враждебен этим представлениям и люди будут агрессивно бороться против попыток навязать им террористские идеалы и изменить мир в соответствии с этими идеалами. Страх рождает эмоции презрения и отвращения, гнева по отношению к «нехорошей» действительности и людям, которые не разделяют идеалов террориста и сопротивляются им.

Так как террорист вынужден жить в ситуации всеобщего неприятия и враждебности (в которую он изначально сам себя ставит), все эти эмоции доминируют в его переживаниях. Но любая личность, даже террорист,

нуждается также и в положительных переживаниях, причем позитивных эмоций должно быть больше, чем негативных.

Откуда же черпает террорист позитивные эмоции? Как это ни парадоксально, он берет их в самих негативных эмоциях. Ненависть к миру приносит ему извращенную радость и наслаждение. Разрушительные негативные процессы в этом мире доставляют ему высшее наслаждение. Борьба с врагами и сами враги, кроме ненависти, вызывают еще и удовольствие, и, если бы они исчезли, исчезло бы извращенное удовольствие террориста. Это извращенная форма радости с перевернутой в отличие от психической нормы модальностью и извращенная амбивалентность эмоциональных состояний террориста. Только причиняя ущерб враждебному миру, нанося страдания врагам или, наконец, испытывая страдания в борьбе за террористскую идею, террорист удовлетворяет свою потребность в положительных эмоциях.

Итак, гамма эмоциональных переживаний террориста выстраивается в своеобразную генетическую последовательность: страх рождает отвращение и презрение, которые вызывают гнев, и через проявление в террористских действиях эти эмоции превращаются в извращенную радость и удовольствие террориста.

А каковы основные формы эмоциональных переживаний террориста?

В системе эмоциональных состояний террориста можно выделить четыре основных чувства: 1) любовь к своей идее, которой террорист слепо предан; 2) любовь к самому себе как правоверному носителю и исповеднику террористской идеи; 3) ненависть к людям, не разделяющим террористской идеи; 4) ненависть к действительному миру, противоречащему его террористским идеалам.

Эмоциональные переживания террориста имеют две парадоксальные особенности. Первая — чувства террориста являются безличными или бесчеловечными, ибо они в действительности направлены не на конкретных людей как личностей, а на лиц вообще, как носителей определенных социальных функций. В чувствах террориста личностный момент предельно минимизирован. Отсюда крайняя жесткость террориста, которому совершенно безразличны переживания других людей, и даже моменты своих собственных сугубо личностных переживаний он старается подавить в себе. Вторая — чувства террориста внутренне лицемерны и поэтому нарочито экзальтированы и демонстративны. Террористы как бы сами себя подогревают или «заводят» именно потому, что за демонстрацией сильных эмоций скрываются их внутренняя деструктивность и пустота как результат их безличности. Безличность эмоциональных переживаний разрушительно действует на психику самого террориста и лишь в малой степени компенсируется искусственной напряженностью и демонстративностью.

В лицемерности чувств террориста есть еще один момент — это более или менее сознательная маскировка своей действительной ненависти или, в лучшем случае, равнодушия и презрения ко всем людям демонстративной «любовью к людям», из которых террорист должен «изгнать бесов» ложных идеалов. Ради блага абстрактного человека вообще и ради блага заблудших конкретных людей, ставших врагами террористской идеи, ради спасения их душ террорист всегда готов причинять им страдания и даже уничтожать их физически. Здесь мы видим очередное проявление извращенной амбивалентности эмоциональной жизни террориста: превращение мнимой, демонстративной любви к людям в действительную и безграничную ненависть к ним.

Рассматривая эмоциональную жизнь террориста, мы не должны забывать и о различной ее интенсивности для разных членов террористского сообщества. Эмоциональные переживания вождей такого сообщества должны быть достаточно сильными, чтобы «увлечь», «зажечь», «заразить» рядовых членов, овладеть их психикой. Технические функционеры — организаторы террористского сообщества, как это ни парадоксально, могут вообще не испытывать специфических террористских эмоций, а лишь имитировать их. Во всяком случае, сила этих эмоций должна быть достаточно низкой, иначе они бы не смогли эффективно исполнять свои технически-организаторские функции. Для рядовых членов террористского сообщества сильные террористские эмоции являются эпизодическим кратковременным всплеском, спровоцированным либо вождями, либо чрезвычайными событиями. И это спасает их от угрозы серьезного психического отклонения, хотя в момент переживания террористского аффекта массы рядовых террористов временно становятся как бы психически ненормальными.

Для элиты террористского сообщества, состоящей из ближайших идейных соратников вождя, необходимы сильные террористские эмоциональные переживания, поскольку они играют роль передаточного звена эмоционально-идеологического воздействия террористского заряда идей и эмоций от вождя к рядовым террористам. Наконец, террористский теоретик-пророк, создатель террористской идеологии может не испытывать сильных эмоциональных чувств, поскольку они мешают систематическому теоретическому мышлению, но обязательно должен обладать набором сверхценных идей или мировоззренческих ценностей, направляющих его мысль.

Итак, террористское сознание не только не способно к адекватному пониманию действительности, но и даже не стремится к этому. Понимание

реального положения вещей ослабляет веру, расшатывает незыблемость принципов и установок, которых придерживается террорист. Поэтому терроризм рекрутирует своих сторонников, как из числа прекраснодушных идеалистов, так и в среде негодяев, склонных к преступлениям. Непонимание реального положения вещей, неумение отличать истину от заблуждения и преднамеренной лжи, неспособность видеть различия между подлинным объяснением сути вещей и мастерски выполненными ухищрениями ведет к растерянности перед жизнью, к внутренней опустошенности. Это и является питательной средой для формирования ложных идеалов и устремлений, возникновения нигилизма, цинизма, чувства вседозволенности. На фоне этого возникают извращенные формы удовлетворения потребностей в самовыражении, основанные на ложных идеалах.

Клинико-психологический подход к формированию антитеррористического сознания

Солондаев Владимир Константинович

доцент кафедры общей психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат психологических наук

Цель данной публикации — тезисная демонстрация возможностей, которые предоставляет клинико-психологический подход в сфере, условно обозначенной в заголовке как формирование антитеррористического сознания. Данное обозначение определялось названием научно-практической секции форума. На языке клинической психологии, как будет показано ниже, корректно ставить проблему первичной неспецифической позитивной профилактики терроризма.

Начнем с определения основной проблемы — проблемы терроризма. Действующая редакция УК РФ дает следующее определение террористического акта (Ст. 205): «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» [12]. Клиническая психология разделяет лечение и профилактику. Соответственно задачи воздействия на поведение человека, намеревающегося совершить террористический акт, могут быть описаны в клинической терминологии противоэпидемические (аналоги дезинфекции, карантина, ситуационной терапии и др.). Очевидно, что такие задачи выходят за границы предметного поля психологии. Профилактические задачи, напротив, явно входят в предметное поле

психологии и соответствуют основной теме форума: «противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде», но их формулировка требует уточнения. Также во многих случаях, как будет показано ниже, целесообразна постановка лечебных задач.

Вначале аргументируем целесообразность клинико-психологического подхода. Обыденно ясное представление об идеологии терроризма в научном плане — на уровне общего — оказывается столь же сложным, как понятие болезни. Философское определение политического терроризма и террора содержит отсылку к законодательству и добавляет к этому понятие насилия. Политический терроризм понимается как незаконное использование насилия, или угрозы насилия на негосударственном уровне для достижения политических или социальных целей [14]. Террор понимается как систематическое всеобъемлющее насилие [4]. А.А. Гусейнов показывает, что насилие является общественным отношением, в ходе которого одни люди с помощью внешнего принуждения подчиняют себе других. Насилие является актом сознательной воли, что вновь косвенно отсылает нас к уголовному законодательству и понятию вины, отличая насилие от других проявлений агрессивности человека. Насилие отличается от двух других типов властных отношений — патернализма и правового принуждения. Насилие, сопряженное с патернализмом и правовым принуждением, считается легитимным. В интересующем нас контексте важно, что насилие — способ поведения в предельных конфликтных ситуациях. В таких ситуациях то, что для одних людей является добром, другие считают злом и наоборот [3]. Как мы видим из определений терроризма, «идеология терроризма» может быть определена как «идеология насилия», поскольку терроризм определяется через законодательство и насилие. А идеологию философская энциклопедия определяет как систему концептуально

оформленных представлений и идей, выражающих интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики. При этом, в отличие от науки, идеология включает в себя не только знание о социально-политической жизни, но и ценностное отношение к политическим тенденциям и процессам [10]. То есть ни идеология, ни насилие (в данном контексте насилие — синоним террора) не являются, говоря клиническим языком, во всех случаях патологическим явлениями, но в определенном контексте и при определенных условиях несомненно могут и должны рассматриваться как своего рода патология или болезнь. К сожалению, общее научное и философское определение соответствующего контекста и условий в современных энциклопедиях не описано. По этой причине целесообразным представляется использование клинико-психологического подхода.

Клинико-психологический подход предлагает многократно и успешно проверенный способ действий для подобных ситуаций. Клинико-психологические решения находятся не на уровне общего, а на уровне единичного - для конкретных случаев. Так, например, современная медицина не дает ответа на вопрос об общей причине пневмонии (проблема полиэтиологичности), но обычно может оценить причину пневмонии у конкретного больного с достаточной для лечения точностью. Обобщение единичных случаев позволяет со временем стандартизировать диагностику и схемы лечения. Заметим, что основные противоэпидемические и профилактические мероприятия были разработаны и часто успешно применялись в медицинской практике задолго до открытия возбудителей и описания патофизиологических механизмов многих болезней.

В клинической психологии выделяются пять достаточно универсальных на наш взгляд групп критериев разделения нормы и

патологии: статистическая, идеальная, социальная, субъективная, функциональная норма [5]. Оценки по разным критериям в некоторых случаях вполне могут не совпадать. Тем не менее для каждого отдельного случая оценка «норма / патология» по системе критериев в целом будет возможна и более надежна, чем по любому одному критерию. Например, адресат идеологической обработки, проводимой террористической организацией вполне может считать свое состояние высокой нормой по субъективному критерию (4). В таком случае сработают остальные критерии. По статистическому (1) критерию навязываемые поведенческие ориентиры будут отличаться от принятых в соответствующей социокультурной группе. По идеальному (2) критерию для целевой установки на совершение террористического акта может быть предложено лишь квазирациональное обоснование, как мы видели из приведенных выше философских определений. Такого плана обоснования описаны на материале зависимости от психоактивных веществ [8]. По социальному критерию (3) формируемое поведение будет противоправным. По функциональному (5) критерию, как было показано еще А.Ф. Лазурским, саморазрушительное поведение, частым вариантом которого является террористический акт, является патологией.

В контексте нормы и патологии возникает вопрос: не является ли терроризм психическим расстройством? Ответ на данный вопрос определяется выбранной клинико-психологической методологией. С позиций синдромального подхода терроризм, по аналогии с суицидальным поведением, может рассматриваться как самостоятельная проблема, требующая профилактических и противоэпидемических мероприятий, то есть как болезнь. Оставляя в стороне многолетнюю дискуссию синдромального и нозологического подходов, скажем, что нозологический подход представляется нам более продуктивным в данном случае. С

позиций нозологического подхода терроризм в первую очередь должен рассматриваться как форма девиантного поведения, к которой предрасположены лица с соответствующим течением различных психических расстройств. Подчеркнем, что вопрос о психическом расстройстве не связан прямо с вопросом об ограниченной вменяемости. В судебно-экспертной практике глубоко разработана проблематика психических расстройств, не исключающих вменяемости.

Лишь в том случае, когда гипотеза о невыявленном психическом расстройстве как предпосылке поведенческой девиации в форме террористического акта не находит эмпирического подтверждения, можно говорить о самостоятельном клиническом феномене. Для сходных с терроризмом по ряду параметров феноменов О.Н. Кузнецовым и В.И. Лебедевым разработано весьма эвристичное на наш взгляд понятие псевдопсихопатологических феноменов [6]. Перспективы такой интерпретации подтверждаются исследованиями поведенческих девиаций, проведенных А.Н. Алехиным с сотрудниками [1, 2]. Столь же эвристичным в контексте обсуждаемой проблематики с нашей точки зрения является понятие социальной патопсихологии, разрабатываемое А.Ш. Тхостовым [11]. Социальная патопсихология, как и псевдопсихопатологические феномены, теоретически обоснована фундаментальным понятием реактивности [7], которое имеет и самостоятельную эвристичность, судя по результатам исследований [9, 13].

Далее кратко сформулируем основные практические рекомендации, основанные на клинико-психологическом подходе.

1. Целесообразно отделять «противоэпидемические» (условно) и лечебные (в строгом значении) мероприятия от профилактических, обеспечивая рабочее взаимодействие социальных субъектов,

реализующих данные мероприятия — правоохранительных органов, учреждений здравоохранения и образования.

2. Важным условием результативного взаимодействия социальных субъектов, преемственности «противоэпидемических» и лечебных мероприятий является дестигматизация в образовательной среде социальных субъектов, осуществляющих противоэпидемические и, при необходимости, лечебные мероприятия — правоохранительных органов и психиатрической службы здравоохранения.
3. С позиций клинико-психологического подхода наиболее безопасной представляется постановка задачи первичной позитивной профилактики — изучения психологических механизмов реактивности по отношению к идеологии терроризма и ее снижения в целевых группах. Действия по формированию антитеррористического сознания в логически строгом значении термина с высокой вероятностью могут сопровождаться опасными побочными эффектами, своего рода «вторичным инфицированием» — привлечением излишнего внимания молодежи к террористическим организациям.

Достаточно универсальным и результативным направлением первичной позитивной профилактики, судя по опыту ЯрГУ, является развитие широкого спектра внеучебной деятельности — спортивной, общественной, научной работы студентов.

В отношении внеучебной деятельности пока недостаточно изученными остаются вопросы, условно говоря, «оптимальной дозировки», «показаний и противопоказаний», а также психологических механизмов воздействия различных профилактических мероприятий, что определяет перспективы дальнейших исследований.

Список использованной литературы

1. Алехин А.Н., Осташева Е.И. Особенности формирования личности в подростковом возрасте как индикаторы качества образовательной среды // Психологическая наука и образование. 2013. № 6. С. 13–18.
2. Алехин А.Н., Осташева Е.И., Литвиненко О.А. Социокультурные аспекты формирования отношений личности // Universum: Вестник Герценовского университета. 2014. № 3–4. С. 130–135.
3. Гусейнов А.А. Насилие // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 14–16.
4. Кара-Мурза А.А. Террор // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 4. С. 56–57.
5. Клиническая психология / Под ред. Майнрада Перре, Урса Баумана. М., Спб.: Питер и др. 2002. 1312 с.
6. Кузнецов О.Н., Лебедев В.И. Психология и психопатология одиночества. М.: Медицина, 1972. 337 с.
7. Патологическая физиология / Под ред. А.Д. Адо и Л.М. Ишимовой. М.: Медицина. 1980. 520 с.
8. Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш., Лукомская М.И., Брюн Е.А., Деменко Е.Г., Аршинова В.В. Категоричность в оценках себя, других и ситуации у старшеклассников, употребляющих наркотические вещества // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 138–161.
9. Рочев В.П., Мозговая Л.А., Новожилова Т.П. Способ отбора лиц для работы с вредными и опасными факторами // Уральский медицинский журнал. 2010. № 3 (68). С. 146–150.
10. Семигин Г.Ю. Идеология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 81–83.

11. Тхостов А.Ш. Возможности и перспективы социальной патопсихологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 1. С. 36–50.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // <http://www.consultant.ru>

13. Шатыр Ю.А., Мулик И.Г., Улесикова И.В., Деларю В.В., Мулик А.Б. Систематизация факторов формирования социальных девиаций // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 3. С. 136–144.

14. Яшлавский А.В. Терроризм политический // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. — Т. 4. С. 57–58.

О некоторых сценариях противодействия организации пропаганды террористических организаций

Пьянкова Светлана Дмитриевна

доцент кафедры психогенетики

Московского государственного университета,

кандидат психологических наук

Многообразие террористических организаций и этическая ловушка терроризма

Террористические организации мира многообразны по сути и форме, представляя собой самые различные течения. В настоящий момент у всех на слуху радикальные исламские течения, преимущественно салафитского направления, из-за чего нередко складывается ложное ощущение того, что современный терроризм мотивирован в первую очередь религиозными противоречиями. На самом деле эта картина в первую очередь предопределяется повышенным вниманием мировых СМИ к проблеме радикального исламского терроризма, что вызвано, в частности, масштабом деятельности отдельных группировок Ближнего Востока, претендующих в том числе на квазигосударственный статус. Однако, несмотря на повышенное внимание СМИ только к отдельной ветви террористических группировок, перечень таких организаций многообразен и имеет выраженную национальную специфику, а также глобальные перечни, утверждаемые на уровне ООН.

Контртеррористическое управление Организации Объединенных Наций было учреждено совсем недавно, резолюцией 71/291 Генеральной Ассамблеи от 15 июня 2017 года. 21 июня 2017 года Владимир Иванович Воронков (Российская Федерация) был назначен заместителем

Генерального секретаря ООН, возглавляющим Контртеррористическое управление. На подразделение возложены пять основных функций³⁰:

1. направлять работу по выполнению антитеррористических мандатов Генеральной Ассамблеи, возлагаемых на меня разными подразделениями системы ООН;
2. улучшать координацию и обеспечивать согласованность действий 38 членов Целевой группы по осуществлению контртеррористических мероприятий в интересах сбалансированного осуществления четырех компонентов Глобальной контртеррористической стратегии ООН;
3. повышать эффективность помощи, оказываемой Организацией Объединенных Наций государствам-членам в деле укрепления их антитеррористического потенциала;
4. привлекать внимание к антитеррористической деятельности Организации Объединенных Наций, распространять информацию о ней и активизировать работу по мобилизации ресурсов на ее финансирование; и
5. обеспечивать, чтобы борьбе с терроризмом уделялось должное внимание в деятельности всей системы Организации Объединенных Наций и чтобы важная работа по предотвращению насильственного экстремизма неизменно следовала Стратегии.

Несмотря на создание соответствующей структуры в ООН, прогресс по формированию и расширению глобального списка террористических организаций следует определить как скромный. Из-за внешнеполитической конъюнктуры, в том числе прямого влияния отдельных государств, обладающих правом вето в ООН, на формирование подобных перечней, они формируются прежде всего как подмножество

³⁰ <http://www.un.org/ru/counterterrorism/>

санкционных списков ООН. В результате целый ряд организаций, признаваемых террористическими на территории РФ, не считаются таковыми на уровне ООН — вместо этого их могут классифицировать как «несистемную оппозицию». Одновременно с этим террористическими, или поддерживающими терроризм, могут признаваться легитимные государственные структуры, например, правительственные организации КНДР.

Таким образом, глобально признанные перечни террористических группировок формируются на основе международного консенсуса, и включают в себя только крайне радикальные течения, представляющие угрозу международной стабильности, то есть организации уже устоявшегося крупного масштаба, способные бросить вызов другим государствам как в отдельных регионах, так и на их собственной территории. Но если отбросить эту казуистику, и изучить национальные перечни групп, признанных террористическими, среди них можно выделить:

- Организации религиозной направленности;
- Националистические группировки;
- Сепаратистские группировки и организации национального неприсоединения;
- Крайне левые или крайне правые политически мотивированные группы, ведущие («революционную») борьбу вооруженными или иными незаконными методами;
- Тоталитарные секты.

Вне зависимости от идеологической платформы и изменяющейся оценки их деятельности — сегодня они могут быть признаны членами освободительного движения, а завтра объявлены непримиримыми террористами, — все эти организации объединяются по признаку

допустимости использования террористических методов, тактик или иных форм насилия в достижении политических, идеологических или религиозных целей. При этом идеологическая платформа террористических и экстремистских организаций может рассматривать террор и экстремистские проявления как временную, переходную форму борьбы за «правое дело», не выдвигая его в качестве основы своей идеологии.

Допустимость насилия как легитимного метода политического, идеологического или религиозного самоопределения представляет собой классическую форму «этической ловушки» для государственных акторов. Обладая монополией на насилие, государства склонны избирательно признавать или отвергать легитимность его использования отдельными группировками, действующими в русле продвигаемых национальных интересов, преимущественно вне национальных территорий — такой подход характерен для стран Запада. Группировки, которые в логике неприятия насилия как метода, должны бы были признаваться однозначно террористическими и экстремистскими, иногда являются полезными для продвижения политики смены неугодных режимов, формирования определенных течений в обществе и т.п. Поэтому в их отношении используются различные варианты оправдания их деятельности с привлечением различной аргументации от идей «национального освобождения» до поддержки самоопределения и «общечеловеческих ценностей» на различных уровнях. Примечательно, что такой подход к фреймированию подачи материала всегда является временным, и со временем изменяется, формируя лицемерную, политически мотивированную информационную повестку.

Эта уязвимость в идеологической позиции не могла быть не замечена самими террористическими организациями, которые используют

описанную этическую ловушку в ее инверсном прочтении как основу для оправдания своей деятельности. Рациональная часть нарратива террористических организаций практически всегда основана на послышке о том, что насилие является приемлемым методом достижения любой цели, что подкрепляется многочисленными историческими примерами. Для тех организаций, которые не ставят во главу угла собственно идеологию насилия как основную практику в осуществлении своей деятельности, — то есть не рассматривают террористические методы как неотъемлемую часть своей идеологической платформы, — насилие в пропаганде преподносится как временное зло, метод борьбы за движение к «более справедливому» обществу. «Временный» характер насилия на фоне лозунгов о справедливой борьбе способен примирить многих потребителей пропаганды экстремистских идеологий с его неизбежностью.

С рациональной точки зрения выход из описанной этической ловушки, связанной с границами легитимации насилия, всегда может быть оспорен. Полное неприятие насилия как метода является другой крайностью, которая делает человека, подвергаемого воздействию пропаганды, уязвимым для атак на его мужественность, способность защищать свои ценности и т.д. Особенно уязвима к таким конструкциям молодежь — при невозможности найти рациональный выход из этической дилеммы они склонны переходить на эмоциональное обсуждение проблемы, больше раскрываясь перед пропагандистом, демонстрируя ему иные уязвимости своей позиции, которые могут быть использованы в дальнейшем. При этом опытный пропагандист практически всегда может выгодным для него образом исказить рациональные аргументы, расшатывая позицию неопытного собеседника.

Несмотря на эффективность вовлечения собеседника в дискуссию, связанную с этическими ловушками, этот метод апеллирует к

рациональному рассмотрению проблематики, что резко снижает уязвимость личности, которая имеет выработанные, закреплённые установки и ценности в части определения применимости насилия. Иными словами, метод применим только против колеблющихся, готовых к «непредвзятому» обсуждению. Таким образом, индивиду для резкого снижения его уязвимости к обсуждению этической ловушки терроризма достаточно сформировать твердую систему представлений о границах допустимого насилия. При этом, как ни парадоксально, наиболее уязвимы те личности, которые отрицают насилие в большинстве известных им форм, поскольку считают свою позицию неуязвимой для обработки. И поэтому попытка выработать ненасильственную платформу как основу для противостояния пропаганде экстремизма и террористических методов — что продвигается в некоторых программах антитеррористических практик — формирует лишь иллюзорную, крайне хрупкую защиту от целенаправленного воздействия пропаганды путем эксплуатации этической ловушки.

Напротив, в интересах формирования четкого понимания допустимых границ использования насилия, эта тема должна с молодежью обсуждаться часто, в деталях, на конкретных, в том числе и этически сложных примерах. Только таким образом можно сформировать устойчивое и ценностно-подкрепленное восприятие феномена насилия в современном обществе. Одновременно, требуется подкрепление такого обсуждения разъяснением принципов оценки применимости насилия с точки зрения закона, в том числе и с использованием примеров из области международного права.

Однако апелляция к этическим ловушкам и рационального обсуждения допустимости насилия в современных методах пропаганды террористических организаций постепенно уходит на второй план. Их

место все чаще занимают более прямые методы, нацеленные на прямое воздействие на неосознанные реакции человека, в особенности человека с не сформировавшейся или ослабленной психикой.

Прямая пропаганда на примере методов, используемых ИГ

Террористическая организация «Исламское государство» примечательна для рассмотрения по многим причинам. За исключением того, что эта организация претендует на квазигосударственное построение своей деятельности, не характерное для большинства террористических группировок, ячейки которых обычно законспирированы, ИГ фактически выработало новые стандарты пропаганды экстремистской идеологии, основанные на глубоком знании не только практик медиавоздействия, но и индивидуальной человеческой психологии.

Основным каналом распространения пропаганды ИГ является интернет. Особое внимание при этом уделяется нецензурируемыми площадкам, в то время как время жизни пропагандистских материалов на общедоступных ресурсах типа YouTube недостаточно для оказания целенаправленного воздействия. Поэтому распространение пропагандистских материалов осуществляется через прямые ссылки на неконтролируемых ресурсах, не индексируемых поисковыми системами. В таком статусе обнаружение пропаганды в высокой степени затруднено, и она может существовать на протяжении достаточного времени, чтобы с ней успела ознакомиться широкая аудитория. Широко используется зеркалирование ресурсов, доступ по ссылкам, существующим в течение ограниченного времени. Получить ссылку на такой полужакрытый ресурс возможно только путем доверительной коммуникации, в частном общении, по приглашению. Несмотря на существование публичных «новостных агентств» ИГ, таких как Амак и Нашир, радио Баян, газета

Наба, — распространение информации с их стороны нередко преднамеренно ограничивается.

Данный трюк известен в современном маркетинге и использовался для продвижения своих продуктов, например, компанией Google. Ссылаясь на ограниченность ресурсов при вводе в эксплуатацию нового интернет-сервиса, компания организовала доступ к его предварительной версии строго по приглашениям. Изначально приглашения получали лишь отдельные журналисты, но каждый приглашенный имел возможность пригласить еще несколько своих друзей. Таким образом формировался искусственный спрос, ажиотаж вокруг продукта ограниченной доступности, использование которого создавало ощущение избранности и повышало подсознательную самооценку пользователя.

ИГ использует сходный подход для искусственного подогрева интереса к своим материалам. Изначально большинство из них распространяется в каналах Telegram с ограниченным доступом. Часть информационных сообщений реплицируются в другие публично доступные каналы с использованием интернет-ботов, без привлечения живых людей. Обычно это случайная выборка сообщений, нацеленная на создание дополнительного интереса к полной «правдивой» информации, которая якобы скрывается правительствами мира. Часть сообщений распространяется в переводе на наиболее широко распространенные языки мира, в то время как полный информационный поток распространяется только на арабском.

Обычный пользователь, движимый, возможно, невинным любопытством, может получать и распространять отдельные репосты информационных сообщений, которые были трансформированы таким образом, чтобы не содержать ссылки на оригинальный источник. Таким образом, он становится частью пропагандистской машины, часто не

подозревая о своей роли. Распространяемые им сообщения могут маскироваться под «не отредактированный, не цензурированный» материал одного из известных информационных агентств, либо распространяться «как есть», без указания на то, что изначально сообщение было частью целенаправленного и специально разработанного информационного пакета.

Таким образом, формируется сеть распространения пропаганды от человека к человеку, причем данной пропаганде придается налет эксклюзивности, иногда таинственности. Такая сеть очень эффективна несмотря на то, что в ней отсутствует публично доступный центр распространения информации, и по той же причине она хорошо защищена от возможной цензуры, будучи децентрализована по своей сути. Иногда подобную информацию используют и некритично распространяют также государственные информационные агентства, введенные в заблуждение неясностью ее происхождения.

Информация, распространяемая ИГ, в числе прочего, фокусируется на следующих темах, представляющих интерес для анализа как инновация в пропаганде:

- «Рыцари духа» — освещение повседневной жизни террористов-смертников, показывающее их с позитивной стороны, как людей, преданных идеалам борьбы, но при этом вполне доступных для общения, человеческих, разделяющих ценности семьи и своих сообществ. Такие репортажи часто завершаются возвышенной апелляцией к мученичеству как завершению жизненного пути, интервью с родственниками шахида, но с точки зрения пропаганды особый интерес представляет развернутость подачи сцен повседневной жизни террористов, что будет рассмотрено ниже;

- Героизм «солдат Ислама» — развернутые репортажи, подчеркивающие целеустремленность, стоицизм и самопожертвование боевиков, уделяющие особое внимание их личностям и быту. При этом такие репортажи в обязательном порядке содержат сцены сражений, часто перемежающие спокойное повествование. Нередко репортажи выходят сериями, посвящаются отдельным аспектам сражений, раскрывают особенности тактики, апеллируя к любителям военного дела;
- Массовые казни — отдельный вид репортажей, в жестоких подробностях демонстрирующий расправы над «неверными».

Демонстрация сцен повседневной жизни на территориях, контролируемых ИГ, поданная в идиллическом ключе, и раньше часто встречалась в пропаганде этой организации, но тогда она была ориентирована на рациональное восприятие, рекламируя достижения «государства» в справедливом распределении ресурсов, непримиримой борьбе с коррупцией и безбожием. Характерная трансформация подачи произошла только после крупных поражений ИГ на поле боя в Ираке и Сирии, в том числе нанесенного с участием российских вооруженных сил.

Описанные виды пропаганды, воздействующие на потребителя в комплексе, *нацелены на преднамеренное развитие Стокгольмского синдрома*, то есть комплекса сочувствия к террористам даже при отрицании их методов. Нельзя в точности сказать, был ли такой метод спроектирован пропагандистами ИГ преднамеренно, или был обнаружен случайно, но с момента битвы за Мосул он превалирует в материалах, распространяемых ИГ. До этого поражения (ИГ пропагандировала его как заранее спланированное тактическое отступление) материалы ИГ представляли собой сравнительно сухие сводки, перечисляющие имена

террористов-смертников, понесенные антитеррористическими силами потери.

Стокгольмский синдром как таковой — это бессознательная защитная связь жертвы и агрессора, которая отмечена в ситуациях с захватом заложников, и чаще всего развивается после казни одного из них. Синдром имеет тесную связь с психологическим механизмом идентификации жертвы с агрессором, описанным Анной Фрейд еще в 1936 г. Механизм психологической защиты основан на надежде жертвы, что агрессор проявит снисхождение при условии выполнения всех его требований. Поэтому личность, использующая такой механизм психологической защиты, старается продемонстрировать послушание, логически оправдать действия захватчика, вызвать его одобрение и покровительство.

В использованных пропагандистских материалах целью является гуманизация отношения к террористам, вызывающая подсознательную идентификацию с ними. На первой стадии воздействия психика человека дестабилизируется, вызывается сильный стресс. Эта стадия осуществляется демонстрацией сцен жестокости, казней заложников или пленников. У потребителя такой информации, воспитанного в гуманистической парадигме, с привитым осознанием высшей ценности человеческой жизни, демонстрируемые сцены насилия вызывают страх и подсознательную потребность в защите. Одновременно с этим, для личностей, демонстрирующих садистские наклонности, включая подавленные, воздействие вызывает возбуждение.

Вторая стадия воздействия, демонстрирующая сцены мирной жизни террористов смертников, нацелена на формирование притяжения, терпимости к ним как к «таким же людям». На фоне спровоцированного стресса подсознательно формируется представление о том, что потребность в

защите может быть удовлетворена не действиями вооруженных или антитеррористических сил — в кадрах пропаганды они попросту отсутствуют, либо представлены в обезличенном, агрессивном ключе, - а подчинением воле террористов, сочувствием к их методам и целям. При этом монтаж видеоматериалов, перемежающийся сценами боев, не позволяет выйти из стресса, сформировать спокойную и взвешенную оценку увиденного.

Вслед за этим жертва воздействия подсознательно формирует внутри себя аргументы в оправдание террористов, связанные либо с гуманизацией их «борьбы» и методов, либо с оправданием целей. При регулярном воздействии пропагандистских материалов такая внутренняя аргументация становится достаточно устойчивой, и жертва начинает считать ее рациональной. Начиная с этой стадии обработки, возможен переход к квазирациональной аргументации (в том числе с использованием этических ловушек, описанных выше) с прицелом на вербовку в свои ряды, хотя такой вариант развития является все же сравнительно редким при дистанционном воздействии, которое недостаточно целенаправленно для индивидуальной психологической обработки. Однако, если жертва вовлекается в приватное общение, попытка дальнейшей индивидуальной обработки обязательно будет предпринята.

Примечательно, что к подобным методам психологического воздействия в наибольшей степени уязвимы люди, воспитанные в традиции гуманизма, непротivления и ненасилия. Они просто не могут выработать в себе взвешенно агрессивную реакцию на насилие, предпочитая принять его и оправдать. Нормальной же моделью поведения в ответ на такое воздействие должна становиться ответная агрессия, неприятие, отвращение.

Противодействие описанным методам целенаправленного развития синдрома идентификации с агрессором должно строиться на нескольких уровнях одновременно. Во-первых, воздействие должно быть прервано на ранних стадиях, следует препятствовать развитию «любопытства» в отношении подобных материалов.

Во-вторых, потенциальные жертвы пропаганды могут резко снизить свою уязвимость, если они ознакомлены со стадиями и методами оказываемого воздействия. Иными словами, разбор конкретной ситуации психологической обработки с разъяснением ее стадий может сформировать привычку к анализу и распознаванию воздействий, осуществляемых на подсознание, либо хотя бы психологически мобилизовать человека, который подвергается психологической обработке. Это вызовет у него чувство осторожности и скептицизма в отношении применяемых методов, тем более что они осуществляются обычно не столько на тонких уровнях воздействия, сколько агрессивно и не завуалированно.

Наконец, в-третьих, формирование взвешенной позиции в отношении границ применимости насилия и его оправдания одновременно способствует и выработке схем подсознательной защиты от психологических воздействий, используемых в пропагандистских материалах. Эффективным методом психологической защиты является естественная агрессия в отношении лица, осуществляющего насилие. Проблемой является то, что психологическая обработка в рамках пропаганды не распознается жертвой как форма насилия, и эта реакция не запускается. Таким образом, важно привить молодежи понимание, что пропаганда экстремизма сама по себе является формой оказания агрессивного давления, попыткой подчинить их подсознание чужой воле.

Во взаимодействии с квалифицированными психологами возможна также выработка рефлекторных реакций на попытки оказания давления, включающие механизмы защитной агрессии на подсознательном уровне. Но такой способ, несмотря на его эффективность, не может рассматриваться как универсально применимый и рекомендованный для использования в обучении молодежи противостоянию пропаганде и другим формам психологического давления. В силу индивидуальных психологических особенностей в данном случае лекарство может оказаться страшнее болезни, формируя агрессивные реакция на разнообразные внешние раздражители, в том числе с риском стимуляции подавленной агрессии.

Заключение

Методы пропаганды, используемые современными террористами, не только многообразны, но и претендуют на ряд инноваций в области психологической обработки. Не придерживаясь сами системы гуманистических ценностей, они искусно используют уязвимости личности, воспитанной в традициях прогрессивного гуманизма — а именно к формированию такой личности стремится современная педагогика. Воздействие может осуществляться на подсознательном уровне, либо переходить на рациональный уровень, пытаясь подорвать этические установки личности. Кроме того, интерес к самим пропагандистским материалам подогревается с использованием методов современного вирусного маркетинга.

Противодействие таким изощренным видам воздействия является довольно сложной задачей, которая напрямую связана с формированием взвешенного понимания феномена насилия и его легитимности. Полное отрицание насилия делает человека — и в особенности молодежь — крайне уязвимым к используемому психологическому давлению, а

стимулирование агрессивных реакций на неприемлемые формы насилия, с другой стороны, создает риски выработки социально неприемлемых форм поведения.

Единственным методом формирования правильного отношения к насилию — а, следовательно, и к терроризму в целом — является разъяснение, разбор конкретных случаев. Такой подход при правильном применении формирует рациональное неприятие методов психологической обработки, понимание роли насилия в жизни, одновременно с отрицанием его как главным, простым и «естественным» методом разрешения проблем общества, что и пропагандируют террористические и экстремистские организации в качестве основы своей идеологии.

Список использованной литературы

1. Ofer Fridman, Vitaly Kabernik, James C. Pearce, editors: Hybrid Conflicts and Information Warfare: New Labels, Old Politics — London, Lynne Rienner Publishers, Inc., 2018.
2. McLuhan, M. Understanding Media: The Extensions of Man. — New York: Signet, 1964.
3. Ben-Yehuda, Nachman; Goode, Erich (1994). Moral panics: the social construction of deviance. Oxford: Blackwell.
4. Bandura, A. (1978). A social learning theory of aggression. *Journal of Communication*, 28 (3), 12–29.
5. Bandura, A. (1979). Psychological mechanisms of aggression. In M. von Cranach, K. Foppa.
6. Fowles, Jib (1999), *The Case for Television Violence*, Thousand Oaks: Sage.
7. Решетников М.М. Наброски к психологическому портрету террориста.

8. Асямов С. В. Стокгольмский синдром: история появления и содержание термина.

9. Психология взаимодействия террористов с заложниками. В кн: «Социальная психология толпы». Л.Г. Почебут, СПб., 2004.

Оценка предрасположенности личности к противоправному поведению и экстремизму и организация индивидуальной профилактической работы

Татаринцев Алексей Николаевич

директор центра исследований социальных девиаций

Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,

кандидат технических наук

Понимание сущности экстремизма и терроризма, поиск способов их преодоления и предупреждения предполагает анализ конкретных социальных и культурно-исторических условий, обстоятельств и процессов, в которых формируются и реализуются задатки экстремизма как идеологии и как типа поведения. Одним из таких условий выступают миграционные процессы в 20–21 вв., которые представляют примету глобализации и характеризуются рядом особенностей. Среди них можно выделить следующие: усиление миграционных потоков населения, изменение природы миграции, ставшей одним из факторов, определяющих социально-экономическое и культурное развитие практически любой страны; изменение мотивов и характера миграции и другие.

Характерной чертой современной российской реальности стало увеличение числа молодежи, покидающей территории своего постоянного проживания для получения профессионального образования в центрах макрорегионов России. Социализация оказавшейся в новом социальном пространстве молодежи происходит в социуме, где воспроизводится как социокультурное взаимообогащение, так и конфликты экстремистского характера, в том числе и между группами студентов-мигрантов и студентов — местных жителей.

Различные исследования показывают, что в течение суток подросток проводит от 4 до 9 часов в интернете, что в разы превышает время живого

общения, общения с родителями и даже времени, отведенного на обучение. 60% времени использование интернета происходит с мобильных устройств, а 50% всего времени проходит в социальных сетях, аудитория которых насчитывает десятки или даже сотни миллионов человек. Возникший на фоне этого термин «киберсоциализация» наиболее наглядно обозначает ведущую роль интернета в процессе социализации современного подростка. Интернет для него — это форма досуга, заменяющая очень многое: друзей, походы в кино и библиотеку, даже образование можно легко (а также куда нагляднее и интереснее) получить в режиме «online». Иметь заполненную страничку в социальных сетях стало нормой для детей с 7–8 лет. А информация, которая выкладывается на страницах, будет более достоверна и получена в большем объеме, чем при простом собеседовании с подростком.

Так как подростки имеют низкий социальный опыт, они зачастую не в состоянии отличить ложную информацию от достоверной, положительную от негативной. На начальном этапе увлечения подростка в интернет пространстве, ведущие к социальным девиациям, не отражаются на его поведении и внешнем виде. В процессе долговременного заражения негативной информацией при отсутствии должного педагогического контроля происходят изменения в мировоззрении подростка, которые проявляются и внешне. А впоследствии подросток начинает ретранслировать полученные из интернета деструктивные идеи на свое ближайшее окружение.

При построении траектории воспитательного воздействия педагог обязан учитывать жизнь подростка в сети.

Как фактор учета интересов и предрасположенности подростка к вхождению в деструктивные группы в интернет пространстве предлагается разработанная система общего мониторинга, выявления, воздействия и

профилактики девиантного поведения под названием «Паспорт социального здоровья учащегося».

Данная программа является разработкой специалистов Центра социальных девиаций ТГУ им. Г.Р. Державина. Паспорт социального здоровья и система в целом³¹ позволяют вовремя выявлять и грамотно реагировать на случаи нарушений, создавая индивидуальные воспитательные траектории. К сожалению, отечественная система правосудия направлена более на работу «по факту произошедшего», нежели на предупреждение и профилактику. Но именно грамотные воспитательные меры позволят нам создать общество с высоким уровнем правового сознания и тем самым снизить уровень преступности.

Студенческое сообщество в регионе формируется на фоне обострения проблем межкультурного и межнационального характера, усиления социального неравенства, что стимулирует конфликтные формы взаимодействия среди молодежи. Их предупреждение и преодоление требует солидарных действий на основе достоверной информации всех институтов социализации по выявлению интегральных детерминант, снижающих и исключаящих противостояния между группами. Это актуализирует востребованность научно-обоснованных моделей социологического сопровождения процесса управления гармонизацией отношений между студентами в образовательной среде поликультурного региона.

³¹ Волкова Е.А., Козлов А.С. К вопросу об оказании содействия в противодействии преступлениям и правонарушениям экстремистской направленности в сети «Internet» (из опыта работы НД «СПОП «Держава») // Формирование антитеррористической идеологии как фактора общественной безопасности на современном этапе развития при помощи институтов гражданского общества: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием (Тамбов, 16 декабря 2016г.) / м-во обр. и науки РФ [и др.]; редкол.: Т.М. Орцханова [и др.]. - Тамбов : Принт-Сервис, 2016. — 259 с.

Тем не менее, несмотря на наличие определенного числа общих психологических характеристик, нельзя создать единый психологический портрет террориста.³² Можно выделить два относительно явных психологических типа, часто встречающихся среди террористов: «Первые отличаются высоким интеллектом, уверенностью в себе, высокой самооценкой, стремлением к самоутверждению, вторые — не уверены в себе, неудачники со слабым «Я» и низкой самооценкой. Но как для первых, так и для вторых характерны высокая агрессивность, постоянная готовность защитить свое «Я», стремление самоутвердиться, чрезмерная поглощенность собой, незначительное внимание к чувствам и желаниям других людей, фанатизм. Для большинства террористов характерна тенденция к экстернализации, к поиску источников своих личных проблем вовне. Они проецируют низкооцениваемые составляющие своего «Я» на истеблшмент, который воспринимается как источник угрозы».

Членами неформальных молодежных организаций (группировок) экстремистско-националистической направленности обычно являются молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет, нередко — несовершеннолетние лица 14–18 лет. Именно возраст с 14 до 18 лет является наиболее оптимальным для впитывания радикальных националистических, ксенофобских и экстремистских идей. Учитывая то, что именно подростковая преступность формирует тот тип личности, который будет доминировать и развиваться в дальнейшем, этот факт вызывает особую озабоченность.

Можно пронаблюдать некоторые изменения в поведении, которые могут служить признаками вовлечения в террористическую организацию:

³² Формы и методы психопрофилактики экстремизма в молодежной среде // Правовые, психологические и образовательные средства противодействия экстремизму и терроризму в условиях глобализации: Методические рекомендации / Под общ. ред. Т.Ф. Масловой, Е.Л. Тиньковой, С.В. Бобрышова, Л.А. Трониной. — Ставрополь: ГБОУ ВО СГПИ, 2016. — 130 с.

- резкая смена интересов и круга знакомых или у ранее необщительного молодого человека или девушки внезапно появляется множество контактов и знакомств, «таинственность» и «загадочность», нежелание рассказывать о своих знакомых;
- проявление неприятия и осуждения к окружающим, агрессия против окружающих. Особенно такое поведение должно насторожить, если ранее подросток или молодой человек не проявлял явной вербальной или физической агрессии;
- проявление пренебрежительного отношения к близким людям и знакомым, двусмысленные угрозы в адрес окружающих о грядущих неприятных для них событиях, намеки на собственную исключительность и избранность;
- резкая смена жизненного мировоззрения и религии, проповедничество (учит жить окружающих) и кликушество (призывает кары на других людей, пытается предсказывать грядущие страшные события);
- наблюдаются некоторые признаки приема наркотических препаратов: сужение зрачка, потливость, резкое похудение, жесткая мимика лица (лицо-маска) и/или внушения, «зомбирования»: выдает четкие рекомендации-ответы по поводу образа жизни или решения проблем, говорит фразеологизмами, устойчивыми формулами, не меняя фраз и повторяя их многократно (выученность фраз).

В целом социально-психологические предпосылки установления террористического и экстремистского типов личности условно можно разделить на три группы: социально-психологические особенности макросреды; индивидуально-личностные особенности человека; склонности лица к террористической или экстремистской деятельности.

В настоящее время можно выделить пять основных психопрофилактических подходов к предупреждению проявлений экстремизма и противоправному поведению:

1. *Подход, основанный на распространении информации об экстремизме и организациях экстремистского толка.*

Данный подход является наиболее распространенным типом превентивных стратегий. Он базируется на предоставлении информации об экстремистских организациях и об опасности их религиозных, националистических, политических идей, приведении фактов о жизненных трудностях, ситуациях и мотивах членов данных организаций. В настоящее время этот метод частично комбинируется с другими типами интервенций, так как сам по себе он не является эффективным. Несмотря на то, что информационные программы способствуют повышению уровня знаний, они могут лишь дать толчок к отвращению, всякого рода нетерпимости. Чаще всего эти программы недостаточно интенсивны и непродолжительны.

2. *Подход, основанный на аффективном обучении.*

В основе этого подхода лежит теоретическое положение о том, что проявлять нетерпимость к «другим» начинают, прежде всего, люди с недостаточно развитой эмоциональной сферой, воспитанные в семьях, где существовал запрет на выражение эмоций. Аффективное (интенсивное эмоциональное) обучение базируется на понимании того, что нетерпимость чаще развивается у личностей с трудностями в определении и выражении эмоций, имеющих так называемые интерперсональные факторы риска: низкую самооценку, неразвитую способность к сопереживанию (эмпатию). В связи с этим у них не формируется умение накапливать собственный и чужой опыт переживаний, не развиваются навыки принятия решений в сложных стрессовых ситуациях.

3. Подход, основанный на влиянии социальных факторов.

Данный подход базируется на понимании того, что влияние сверстников и семьи играет важную роль, способствуя или препятствуя зарождению экстремистских идей. Наиболее популярными среди таких программ являются тренинги устойчивости к социальному давлению. Одним из важных подходов в такого рода программах является работа с молодежными лидерами — подростками, желающими пройти определенное обучение для того, чтобы в дальнейшем осуществлять профилактическую антиэкстремистскую деятельность в своей школе, в своем районе.

4. Подход, основанный на формировании жизненных навыков. В данном подходе центральным является понятие об изменении поведения, поэтому в нем используются преимущественно методы поведенческой модификации. Основу этого направления составляет теория социального научения Бандуры (Bandura A., 1969). В данном контексте проблемное поведение подростка рассматривается с точки зрения функциональных проблем и подразумевает помощь в достижении возрастных и личных целей. С этой точки зрения начальная фаза экстремистской деятельности может быть попыткой демонстрации взрослого поведения, т.е. формой отчуждения от родительской дисциплины, выражением социального протеста и вызовом по отношению к ценностям среды, она дает возможность стать участником субкультурального жизненного стиля. На основе данной позиции разрабатываются программы жизненных навыков, которые заключаются в повышении у подростков устойчивости к различным отрицательным социальным влияниям.

5. Подход, основанный на развитии деятельности, альтернативной экстремистской.

Этот подход предполагает необходимость развития альтернативных социальных программ для молодежи, в которых могли бы быть в социально нормативных рамках реализованы стремление к риску, поиск острых ощущений, повышенная поведенческая активность, столь свойственные молодым. Данное направление является попыткой развития специфической активности с целью уменьшить риск проявления экстремистской агрессии.

Основные направления, с которыми пришлось столкнуться на данный момент, это национализм, национал-социализм, религиозный экстремизм, футбольные фанатские объединения, и суицидальные настроения. Сотрудники Центра социальных девиаций ТГУ им. Г.Р. Державина прошли базовое обучение с сотрудниками соответствующих правоохранительных структур, и регулярно проводят встречи для обмена опытом.

На данный момент существует четыре различные версии индивидуальной профилактической работы.

- *Первая модель отработки:* общая сводная таблица по группе людей с указанием и демонстрацией выявленных девиаций.
- *Вторая модель отработки:* обработка конкретной страницы пользователя с указанием общих интересов и более подробным разбором выявленных девиаций.
- *Третья модель отработки:* полный анализ страницы пользователя, детальный разбор интересов, выявление круга общения.
- *Четвертая модель отработки:* полный анализ страницы педагогами и психологами с выдвижением гипотез, их научным обоснованием.

Стоит обратить внимание, что, так как в первых трёх случаях работа ведется специалистами Центра со специальной подготовкой, они имеют право лишь выдвигать версии о склонности или наличии той или

иной девиации, в отчётах демонстрировать материалы, находящиеся в свободном доступе и публикуемые самим объектом изучения, а также давать методические рекомендации по реагированию. Конечные выводы делаются исключительно специалистами с соответствующей психолого-педагогической подготовкой. Схема работы подразумевает наличие и плановое привлечение таких специалистов.

Работа по паспорту ведётся в строгой конфиденциальности, инициируется родителями и/или обучающей организацией, результаты в открытом доступе не публикуются. Однако организация оставляет за собой право сбора и публикации статистики.

Первичная постановка диагноза происходит с помощью первой модели паспорта.

Отрабатывается отдельная группа людей. В зависимости от выявленных материалов формируется список проблем, который в свою очередь делится по трем степеням:

- *Зелёный*: человек данной тематикой не интересуется;
- *Желтый*: человек интересуется тематикой поверхностно, возможно есть тенденция к совершению правонарушения либо преступления;
- *Красный*: человек серьёзно увлечен данной проблемой, требуется вмешательство специалистов, возможно уже совершено правонарушение либо преступление. В последнем случае материалы передаются в соответствующие правоохранительные органы. Как правило, это касается экстремизма, например, присутствует демонстрация нацистской символики.

Далее каждый конкретно выявленный «желтый» или «красный» случай подвергается анализу, на основании которого формируется сводная таблица и отчёт. По классу/группе/параллели формируется общая сводка отчётов, и материалы направляются к организации-заявителю.

По наиболее «популярным» в данной организации проблемам готовятся лекции и методические рекомендации для родителей и педагогов, а те, в свою очередь, уже частным образом воздействуют на детей. Это элемент общего воздействия.

Для желтого и красного случая предложен общий «каркас» реагирования: в случае выявления «желтого» составляется вторая модель паспорта, дальнейшая работа идёт силами родителей и кураторов при методической поддержке Центра, а в случае красного дополнительно создаётся профильная группа. В неё входят педагоги, психологи и иные специалисты, занимающиеся конкретной проблемой. Это необходимо для разработки и исполнения программы мер для конкретного человека. Центр в этом случае работает уже с третьей или четвертой моделями паспорта. Через некоторое время страница проверяется повторно и по результатам может проводиться повторная работа.

Таким образом, обеспечение безопасности образовательного учреждения является неотъемлемой частью его деятельности. В современных условиях эффективная защита образовательных учреждений от противоправных посягательств, в том числе террористической направленности, повышение устойчивости к чрезвычайным ситуациям, должна предусматривать интеграцию всех необходимых и достаточных средств организационно-правового, методического, информационного, аналитического, технического и программного обеспечения всех основных целевых и обеспечивающих процессов образовательных учреждений, физической защиты людей, зданий и сооружений, безопасности использования различного рода материальных и информационных ресурсов.

Выявление в образовательных организациях обучающихся, попавших под воздействие идеологии терроризма и экстремизма с помощью технологии «Профайлинг»

Иерусалимцева Ольга Васильевна

*старший преподаватель кафедры
физической культуры и безопасности жизнедеятельности
Института развития образования Ярославской области*

Профайлинг (англ. «profile») — это:

а) комплекс методов и методик выявления лжи на основе анализа наиболее информативных признаков, характеристик внешности и поведения человека.

б) метод распознавания лжи по внешности и поведению человека.

По мнению специалистов Международной академии исследования лжи «профайлинг» — это лучшая методика «чтения людей», основанная на технологиях спецслужб и позволяющая моментально считывать с человека его личностные характеристики, ценности, мотивы, убеждения и комплексы, а также достоверно прогнозировать его поведение.

Технология профайлинга начала применяться в конце 70-х годов 20 века авиакомпанией «Эль-Аль» (ElAl). Эта технология была ориентирована на выявление потенциально опасных пассажиров, на снижение вероятности появления возможных рисков, которые были связаны с авиаперевозками пассажиров и применялись по время предполётного досмотра с целью предотвращения террористических актов. Профайлеры пользовались небольшим набором базовых психологических паттернов (стереотипов поведения).

Позднее, в 1984 году данная методика была «смоделирована» в англоязычном варианте компанией ICTS и стала использоваться службами авиационной безопасности в большинстве европейских стран и США.

Компания «Пол Экман Групп» разработала ряд компьютерных программ, позволяющих считывать эмоциональные состояния человека. Специальные программы, созданные П. Экманом, стали активно применять не только в аэропортах США, но и в других структурах, занимающихся обеспечением безопасности государства.

Исследования крупнейшего специалиста в области психологии эмоций, межличностного общения, психологии и распознавания лжи Пола Экмана показали, что за столом переговоров и в общественной жизни мы получаем вербально лишь 10% информации. Оставшиеся 90% информации передаются невербальным путем — с помощью мимики, жестов и положения тела. По его мнению, наше подсознание способно улавливать эти сигналы, именно поэтому в тех случаях, когда переговоры ведутся по телефону, чаще выигрывает участник, опирающийся на наиболее сильные аргументы. Если переговоры ведутся в процессе личного общения, то результат не столь предсказуем, поскольку во многом зависит от того, что мы видим, а не только от того, что слышим.

Он писал, что «подсознательная способность считывать и трактовать невербальные сигналы обычно людьми не осознается и мало кто умеет делать это осознанно. Именно поэтому порой возникают сомнения в словах собеседника, объяснить которые невозможно. Да и сами люди очень редко осознают, что их позы, движения и жесты порой говорят совсем не то, что они пытаются сказать словами...» [3].

В разных источниках указывается на то, что невербальная информация составляет до 90% всей информации, которую дает человек. Но в общении обычно наоборот, 90% внимания человек уделяет вербальной информации, а 10% — невербальной. Если учесть, что лучше всего поддается сознательному контролю вербальная информация, то

становится понятным, почему люди так легко становятся жертвами обмана.

В России на технологию «Профайлинг» особое внимание было обращено после террористических актов 2004 года. Распоряжением начальника Федеральной службы по надзору в сфере транспорта было рекомендовано ввести группы профайлинга в службы авиационной безопасности [1].

В настоящее время технология «Профайлинг» уже имеет опыт применения на территории РФ на международных рейсах в таких аэропортах, как Пулково, Шереметьево, Домодедово, а также активно применяется и за рубежом в США, Израиле, других странах в ряде авиакомпаний для обеспечения безопасности в аэропортах.

Таким образом, технология «Профайлинг» является одним из способов обеспечения безопасности, так как позволяет предотвратить противоправное действие посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций путем выявления потенциально опасных лиц и ситуаций проводится по специальным технологиям, в основе которых лежит комплексный анализ таких значимых факторов как:

- внешность и поведение человека,
- его документы,
- вещи, находящиеся при нем,
- искренность-неискренность высказываний и др.

Со временем искусство разоблачения лжи вышло за пределы службы безопасности. В настоящее время профайлеры успешно применяют его в разных сферах деятельности, таких как [1]:

- бизнес-профайлинг — это сопровождение профайлером деловых переговоров;

- банковский профайлинг — наблюдение во время беседы с будущим заёмщиком банка;
- аудит-профайлинг — это эффективное дополнение к традиционной проверке бухгалтерских документов;
- страховой профайлинг — помогает страховым компаниям выявлять мошеннические схемы при оформлении страховки;
- профайлинг на транспорте выявляет пассажиров, способных учинить дебош, скрывающих у себя под одеждой оружие и т.д.;
- гостиничный профайлинг — как и транспортный направлен на профилактику преступлений, но уже в отелях;
- кадровый профайлинг — помогает рекрутеру распознать обман со стороны кандидата на должность;
- коммерческий профайлинг — это психологическое направление, занимающееся изучением и расшифровкой невербальных компонентов делового межличностного общения.

С помощью простых технологий профайлеры мгновенно могут оценить психотип человека: понять структуру его ценностей и мотивов, привычек и комплексов, жизненных установок и убеждений, целей и поведенческих стратегий по их достижению.

Под психотипом понимаются отличительные черты поведения человека, его отношение к жизни, событиям, реакция на раздражители формируют конкретный тип личности. Безусловно, все люди разные, но их мировосприятие и взаимодействие с окружающими определяется свойственным каждому психотипом. Психотипы не формируются воспитанием или образованностью, это различие заложено в человеке с самого начала и остаётся постоянным всю жизнь.

Итак, технология «Профайлинг» помогает определить психотип человека. Мы рассмотрим 7 психотипов: истероидный; эпилептоидный;

паранойяльный; шизоидный; гипертимный; эмотивный; депрессивно-печальный или тревожно-мнительный.

Специалистами Международной академией исследования лжи разработаны критерии, соответствующие тому или иному психотипу.

Таблица
Критерии психотипов личности

Психотип личности	Кредо / Базовая эмоция	Нервная система / Мимика	Психолингвистика	Тенденции
Истероидный	<i>Кредо</i> Главное в жизни это — «Я»! <i>Базовая эмоция</i> Сенсорная радость (удовольствие)	<i>Нервная система</i> Подвижная, быстрая, но слабая <i>Мимика</i> Соответствующая роли, изменчивая, переигрывает, динамичность; эпатирование (вызвать шок проявлением)	Говорит всегда о себе «Я», речь неструктурирована, тенденция речи: «Не замечай того!»	Заключается в создании и презентации широкой общественности иллюзорно благополучной модели мира, в которой центральное место занимает собственное «Я» истероида
Эпилептоидный	<i>Кредо</i> В мире все должно быть параллельно и перпендикулярно <i>Базовая эмоция</i> Гнев	<i>Нервная система</i> Малоподвижная (застывающая), энергетически ослабленная <i>Мимика</i> Сдержанная, отсутствующая; иронично агрессивная, наступательная внушает страх, провокационность	Разговор о действии, краткость. Тенденция речи: «Напади на это!»	Стремление контролировать информационные потоки (предметы и людей), подавление исходящих от них — в реальности или в потенциале — угрозы за счет установления жесткого, авторитарного формального порядка на занимаемой территории

Паранойальный	<p><i>Кредо</i> Главное — цель!</p> <p><i>Базовая эмоция</i> Презрение, отвращение</p>	<p><i>Нервная система</i> Сильная, но малоподвижная (вязкая, застревающая)</p> <p><i>Мимика</i> Стабильная, устойчивая; доминантно-наступательная без излишеств, повторяющаяся; привычная</p>	<p>Обобщенный язык, говорит о системах тенденциях; Критериальность в речи. Тенденция речи: «Обвини это!»</p>	<p>Настойчивая реализация масштабного, социально значимого замысла</p>
Шизоидный	<p><i>Кредо</i> Я-одиночка</p> <p><i>Базовая эмоция</i> Интерес, познание, исследование</p>	<p><i>Нервная система</i> Шизоидность — это мышление!</p> <p><i>Мимика</i> На их лицах зачастую возникают странные гримасы, никак не связанные, на взгляд стороннего наблюдателя, с актуальной ситуацией</p>	<p>Скатывание на вторичный признак. Отрицание — объяснить по-иному. Тенденция речи: «Объяснить это, задать вопросы»</p>	<p>Истинно оригинальный, нестандартный взгляд на мир, рождающий творчество</p>
Гипертимный	<p><i>Кредо</i> Я — жизнь и энергия</p> <p><i>Базовая эмоция</i> Удивление</p>	<p><i>Нервная система</i> Сильная, подвижная нервная система, с преобладанием процессов возбуждения</p> <p><i>Мимика</i> подвижная, яркая, позитивно-ориентированная, выраженная, быстро меняющаяся, живая</p>	<p>Всегда радость и во всем находим позитив Все отлично! Все клево! В стрессе: «Плачь об этом»</p>	<p>Стремление к широчайшему общению, к калейдоскопической событийности жизни, подкрепленное оптимистическим взглядом на происходящее в реальном мире</p>

Эмотивный	<p><i>Кредо</i> Главное - это счастье окружающих!</p> <p><i>Базовая эмоция</i> Радость</p>	<p><i>Нервная система</i> Слабая нервная система и особое функционирование коры головного мозга</p> <p><i>Мимика</i> грусть, печаль, адекватность; искренность естественность, проникновенность; мягкость; доброта, честность; романтичность</p>	<p>Речь плавная, негромкая, мелодичная Часто применяют извиняющиеся слова: «Простите, пожалуйста», «Не были бы вы столь любезны»</p>	<p>Гуманизация и гармонизация внутреннего и внешнего мира людей во всех аспектах</p>
Депрессивно-печальный / Тревожно-мнительный	<p><i>Кредо</i> Я жертва, пожалей меня! (страх в основе всего)</p> <p><i>Базовая эмоция</i> Грусть, печаль/Страх</p>	<p><i>Нервная система</i> Слабая и малоподвижная</p> <p><i>Мимика</i> Негативно оценивание себя, негативное восприятие будущего, постоянно пониженный фон настроения, неактивная, ограниченная, монотонная, процессная</p>	<p>Все опасно! Дистанцирование от всего неизвестного!</p>	<p>Стремление через состояние печали и жертвенности, получить поддержку и социальное приятие /консервация жизненных состояний, от всего, что связано с ответственностью и новизной, избежать энергозатрат</p>

Таким образом, технология «Профайлинг» заставляет более вдумчиво наблюдать и анализировать окружающую обстановку, поведение людей, в том числе детей и подростков в образовательных учреждениях, соответственно позволит обнаруживать подозрительные признаки и устанавливать причинно-следственные связи. К тому же, нестандартно подходить к решению проблемы организации профилактических

мероприятий по противодействию терроризму и экстремизму в образовательных учреждениях. В рамках профайлинга особый акцент делается на процессах межличностного взаимодействия, следовательно, на возможность человеческого восприятия к считыванию внешней и внутренней информации, на формировании и развитии таких качеств как «наблюдательность», «проницательность», «коммуникабельность».

Список использованной литературы

1. Выявление в образовательных организациях обучающихся, попавших под воздействие идеологии терроризма и религиозного экстремизма, и организация адресной работы с указанной категорией лиц: методические рекомендации/ сост.: О.В. Иерусалимцева, С.В. Морозова; под общ. редакцией А.П. Щербака. — Ярославль: ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2018.- 24 с.- (Социальное воспитание)

2. Основы профайлинга в обеспечении безопасности на транспорте. Учебно-методический комплекс. // Под общ.ред. В.А. Кудина. — СПб: СПб ун-т МВД России, 2011. — 62 с.

3. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. — П., Экман., СПб.: Питер, 2010. — 196 с.

Международный опыт профилактики экстремизма в молодежной среде

Ларин Николай Юрьевич

главный специалист Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации

«Терроризм нельзя победить только военными средствами. Никто не рождается террористом, но мы знаем, какие факторы к этому толкают — на них и нужно сосредоточиться. Необходимо сместить акцент с борьбы на профилактику — заявил Генеральный Секретарь ООН Антониу Гутерриш на конференции «Укрепление международного сотрудничества в борьбе с растущей угрозой терроризма» 28 июня 2018 года.

Центром профилактики религиозного и этнического экстремизма, который был создан на базе Московского педагогического государственного университета в 2017 году, был проведен анализ деятельности в сфере профилактики экстремизма ряда зарубежных стран.

Были рассмотрены и проанализированы основополагающие документы и проекты, реализуемые в этой сфере США, Канадой, Великобританией, Австралией и рядом европейских стран.

Для начала предлагаем ознакомиться с трактовкой понятий «экстремизм», «профилактика» и «радикализация», как их понимают зарубежные коллеги (на примере Великобритании).

Радикализация (первая стадия экстремизма) — происходит тогда, когда мышление и поведение человека существенно отличаются от большинства членов его общества и сообщества. От их взглядов на социальные вопросы и участие в политической жизни. В процессе радикализации человек начинает стремиться к существенному изменению

характера общества, его основ и власти. Если же человек принимает использование страха, террора или насилия для достижения идеологических, политических или социальных изменений — это **насильственный экстремизм. Терроризм** начинается с процесса **радикализации.**

Профилактика экстремизма — это системные меры, направленные на упреждение экстремистской деятельности, когда она еще не осуществляется. Это та стадия, когда еще можно обойтись без запретительных, карательных мер и юридических процедур. Профилактика — это не противодействие, не борьба и не преследование с последующим наказанием.

В ходе исследования было замечено, что во многих странах отмечается важность профилактической деятельности и отводится особая роль образованию, как инструменту предотвращения насильственного экстремизма.

В Европе пришли к выводу, что профилактические программы имеют существенное и важное значение. Они должны предвосхищать, а не способствовать правоохранительной деятельности. Т.е. смещается акцент, усилия направляются не на борьбу с уже состоявшимися событиями и идущими негативными процессами, а с устранением причин, приводящих к ним. Важным становится купирование самих факторов, влияющих на вовлечение молодежи в экстремистскую и противоправную деятельность.

В этой связи хотелось бы отметить факторы, которые по мнению зарубежных (британских) коллег влияют на вовлечение молодежи в радикальные и экстремистские движения:

- невозможность самореализации (в учебе, в работе, в творчестве, в социуме);

- неблагополучие (отсутствие заработка, жилья, плохие бытовые условия);
- социальная изоляция, отчуждение, сложности интеграции в новое сообщество (новая страна, школа, университет, местное сообщество);
- поиск своей идентичности и достоинства (когда теряется связь с национальными истоками, не принимаются местные традиции);
- месть за предыдущее плохое обращение (нарушение связи между авторитетными фигурами и молодежью).

В рамках исследования было отмечено, что работа сосредоточена в двух основных направлениях, а также имеет два подхода:

***Первый подход** — это общесоциальный подход к профилактике радикализации молодежи. То есть создание и предоставление возможностей для самореализации (от творческой до профессиональной).*

***Второй подход** — это привлечение к профилактике самой молодежи (работа сверстников со сверстниками).*

Работа по профилактике ведется в двух основных направлениях:

- Первичная профилактика (т.е. работа с теми, кто потенциально может быть подвергнут воздействию экстремистских и террористических идей).
- Профилактика уже подвергнутых радикализации и вербовке.

1. Первичная профилактика

Основной подход здесь — предложение альтернативы экстремистской деятельности. Заполнение вакуума и пустот в жизни подростков, которыми могут воспользоваться вербовщики. Купирование причин, по которым дети и молодежь становятся уязвимыми для радикализации.

Мероприятия в области первичной профилактики включают образование, здравоохранение, социальную вовлеченность, культурную интеграцию и программы личностного развития, направленные на решение социальных проблем.

Рассмотрим некоторые проекты, которые реализуются:

Центры Многообразия и Интеграции (Diversity&Inclusion Center) в вузах США

Для интеграции студентов в жизнь кампуса и бесконфликтного существования с другими учащимися разработаны специальные академические и творческие (созидательные) программы, которые имеют право задействовать все существующие технические, социальные и бытовые ресурсы университета. Реализуются не только тематические мероприятия, но и мультидисциплинарные учебные программы всех колледжей и факультетов. В этой связи колледжи искусств и наук являются основными площадками для междисциплинарных программ, которые служат в качестве научно-исследовательских, академических и общественных центров для студентов и преподавателей. Здесь реализуется главный принцип — учеба, созидание и работа на результат.

Следует отметить развитость института наставничества. С первого дня появления на кампусе студент выбирает себе наставников — одного из преподавателей, одного из старшекурсников. Они вводят его в университетскую жизнь, помогают составлять учебную программу, и сопровождают все годы обучения.

Также, по инициативе Центра, могут вноситься изменения в академические учебные программы. Каждый преподаватель в начале учебного года представляет учебные планы, в которые он должен заложить элементы мультикультурализма, гендерного равенства, уважения к разным религиям, основ демократии и т.д., независимо от того, какой это предмет

— биология, физика, химия или история. То есть, это не разовые лекции, а внедрение информации идеологического характера в весь учебный курс.

В профориентации студентов участвуют, в том числе, и выпускники вузов. Приглашаются успешные бизнесмены разных национальностей — чтобы показать доступность возможностей и перспектив для всех. Устраиваются ярмарки карьеры, где студенты первого курса могут пообщаться с представителями крупных компаний (например, Google, Facebook, Microsoft).

В вузах идет не только академическая подготовка. Очень развита социальная жизнь: работает большое количество различных клубов, досуговых центров и секций. Студенты всех программ и курсов в свободное время имеют возможность заниматься творчеством (особенно развиты музыкальное, теле-, кино-, художественное направления).

Для иностранных студентов в целях интеграции в сообщество разрабатываются и реализуются экскурсионные программы, которые готовятся в том числе инициативной группой студенческого совета.

Молодежные Медиа Центры (США)

В США также созданы и работают десятки молодежных медиа-центров. Их миссия — обучать цифровым и информационным технологиям, производя реальный информационный продукт. У молодежи имеются собственные СМИ, в работе которых она участвует. Особый акцент делается на привлечение к работе национальных сообществ и неблагополучной молодежи. Каждый университет и крупный колледж Америки имеет телевизионную студию, которая обеспечивает контентом собственный кабельный телеканал или даже национальные сети. Университет Майами, например, обеспечивает контентом 150 национальных и международных телевизионных каналов. Молодежным радиостанциям предоставляются FM-частоты, где ведется круглосуточное

вещание. Лучшие журналистские работы поощряются призами. Для работы с молодежью созданы и этнические СМИ — их в США более 1000. Включая 35 этнических спутниковых каналов, которые также нацелены на молодежную аудиторию.

Интерактивная онлайн игра «Не будь марионеткой» (США)

Проект был реализован в 2016 году совместными усилиями Управления ФБР по связям с общественностью и Бюро по взаимодействию с партнерами. Была разработана бесплатная образовательная интернет-программа для подростков «Don`t be a Puppet».

Это интерактивный сайт (реализованный в понятной для молодежи форме интернет-игры — квеста) который предназначен для того, чтобы проинформировать подростков о насильственном экстремизме, уметь распознавать сообщения в социальных сетях, которые призывают к насилию. Сайт подчеркивает, что, принимая радикальные экстремистские идеи, подростки по существу становятся «марионетками» экстремистов и террористов, которые просто хотят, чтобы они выполняли их волю.

С первых месяцев посещаемость ресурса, в среднем, составила 7 400 посещений в месяц.

Игра разделена на пять основных разделов (уровней), которые подросток должен пройти, чтобы успешно закончить программу. Проходя каждый из уровней, он освобождает Марионетку (отрезает удерживающие ее нити).

Каждый уровень является тематическим и раскрывает такие понятия как:

- Что такое насильственный экстремизм?
- Почему люди становятся воинствующими экстремистами?
- Что известно об экстремистских группах?
- Как насильственные экстремисты вступают в контакт?

– На кого влияют насильственные экстремисты?

Также в один из уровней интегрирована игра — «Скользкий путь к насильственному экстремизму».

Задача — провести персонаж между блоками, в каждом из которых скрыты признаки насильственного экстремизма. Ребенок должен научиться распознавать их и быстро реагировать.

Интересно, что после завершения пяти основных разделов подросткам выдается Сертификат ФБР о прохождении курса. «Поздравляем! Спасибо за завершение тренинга ФБР по противодействию насильственному экстремизму».

Проект «Комик бук» Центра профилактики экстремизма Монреаля (Канада)

Проект Comic Book — это инициатива по созданию оригинальных тематических комиксов. Он уже привлек более 250 000 учащихся в творческий процесс. В рамках проекта молодежью разрабатываются сценарии, создаются эскизы, придумываются персонажи. Студенты вовлекаются в активный творческий процесс и становятся создателями контента, а не просто его потребителями. Как отмечается в описании проекта, комиксы были выбраны в качестве средства повышения информированности по двум основным причинам. Во-первых, это эффективное средство коммуникации, которое дает большой охват аудитории. Во-вторых, такой формат облегчает понимание.

Как видим, в рамках разработки и реализации проектов, направленных на профилактику экстремизма, используются различные подходы.

Еще один интересный подход — это профилактика экстремизма через спорт.

В рамках программы «Строим сильную Великобританию вместе» (BSBT) весной 2018 года был запущен проект с футбольным клубом «Колчестер Юнайтед». Клуб получил финансирование для реализации программы по объединению местной общины.

Целями и задачами проекта являются приобщение к здоровому образу жизни и здоровому питанию, содействие развитию спорта и приобщению к нему более широкого сообщества, раскрытие юных талантов, сплочение местного сообщества. В рамках Программы обеспечиваются спортивным оборудованием школы и спортивные группы по всему городу. Проект также задействует тысячи людей из местного сообщества, объединяя их на публичных сессиях, на которых предоставляется возможность открыто обсуждать опыт взаимодействия в рамках сообщества, который, возможно, оказал негативное влияние или имел негативные последствия. Это дает возможность совместными усилиями находить пути решения межэтнических осложнений и проблем, связанных с радикализацией молодежи.

Радикализация обычно является процессом, а не событием. В ходе этого процесса поведение, а также взгляды меняются. Эти изменения могут быть очевидны для друзей, семьи, коллег по работе, сокурсников и преподавателей. На этом построен проект «Барометр поведения», разработанный канадским Центром профилактики экстремизма.

Проект «Барометр поведения» Центра профилактики экстремизма Монреаля (Канада)

Данный проект создан как инструмент, дающий возможность распознать поведение, говорящее о радикализации.

«Барометр» был разработан на основе научных исследований и фактических случаев радикализации, в которых участвовал Центр Монреаля. Признаки, которые обычно наблюдаются в случаях

радикализации, ведущей к насилию, были выявлены с использованием контекстуального анализа. «Барометр» делится на четыре категории поведения в зависимости от степени серьезности: незначительное, беспокоящее, тревожное и вызывающее опасение.

Предлагаем рассмотреть некоторые из них:

Незначительное поведение

Эта категория включает в себя ряд моделей поведения, связанных с различными формами политического, религиозного или социального участия, которые характеризуются мирными действиями и демократические средства выражения:

- Горячо отстаивает свои убеждения перед членами семьи и/или близкими друзьями.
- Принимает видимые знаки (традиционную одежду, бороду, бритую голову, религиозные символы, конкретные татуировки и т.д.) для выражения своей идентичности или чувства принадлежности.
- Активен в социальных сетях.
- Проявляет живой интерес к актуальным национальным и международным событиям.
- Проявляет желание исправить социальную несправедливость.

Беспокоящее поведение

- Выражает поляризационные взгляды на абсолютную истину, паранойю или крайнее недоверие.
- Принимает поведение, которое нарушает семейные традиции.
- Увлекается теориями заговора.
- Начинает изолировать себя от семьи и/или друзей.
- Внезапно меняет привычки.
- Испытывает чувство преследования и неприятия.

Отмечается, что «Барометр» не является инструментом клинической оценки. Он может помочь понять поведение другого человека, но не может быть использован для вынесения окончательного вердикта. Для получения достоверной картины Центр рекомендует обратиться к одному из своих работников, который сможет провести тщательную и точную оценку ситуации и определить любые возможные пути для вмешательства и исправления ситуации по мере необходимости.

2. Профилактика подвергнутых радикализации и вербовке.

Это работа с молодыми людьми, уже подвергшимися радикализации или вовлеченными в экстремистскую деятельность.

Программа «EXIT» (Германия)

В рамках программы проводится обучение учителей, полицейских, юристов, социальных работников и всех, кто нуждается в повышении уровня знаний об экстремистских группах, их идеологии и процессах радикализации. Как отмечается, с момента своего создания программа помогла примерно пятистам участникам избежать вовлечения в экстремистскую деятельность. Также интересно, что в рамках программы организуются семинары бывших экстремистов в школах и университетах по различным темам, где обучающимся рассказывается о способах вовлечения в экстремистскую деятельность. Также данная программа реализуется в Дании и Канаде.

Программа «Channel» (Великобритания)

Индивидуальная программа, разработанная правительством Великобритании, которая фокусируется на оказании поддержки людям, которые определяются как уязвимые для вовлечения в насильственный экстремизм. Программа использует межведомственный подход для выявления лиц, подвергающихся риску вовлечения в экстремистскую деятельность. Специалистами проводится оценка характера и степени

этого риска, разрабатывается план поддержки, направленный на устранение факторов риска, связанных с радикализацией и насильственным экстремизмом. Программа является полностью добровольной. Она реализуется в рамках сотрудничества между местными органами власти, полицией, образовательными организациями и местной общиной. Она преследует три цели:

- выявление лиц, подверженных риску втягивания в радикальный экстремизм;
- оценка характера и степени риска;
- разработка планов поддержки и индивидуальных программ реабилитации.

Предлагаемые виды поддержки могут включать социальную адаптацию, когнитивно-поведенческую терапию, обучение и т.д. Кроме того, если установлено, что человек нуждается в богословской или идеологической поддержке, то программа предусматривают наставничество и в этой сфере.

Следует отметить что «Канал», по признанию общественности, является несовершенной программой. Часто ее осуждают за отсутствие прозрачности и неоднозначное качество реализации, особенно в отношении ложных обращений и жалоб. Тем не менее, «Канал» рассматривается как основная модель раннего вмешательства для предотвращения радикализации и вовлечения в экстремистскую деятельность.

По данным Правительства Великобритании в Программе «Канал» в 2015-2016гг. приняли участие около 42 000 человек в 142 проектах. В результате реализации Программы только в 2015 году были сорваны 150 поездок в Сирию. Также Программа защитила 50 детей от вывоза в зону конфликта.

«ВЫХОД» (Дания)

Данная программа была разработана для работы с теми, кто уже был вовлечен в террористическую деятельность и воевал на стороне боевиков.

Она была запущена в 2013 году для дерадикализации возвращающихся в Данию бывших боевиков. Целью программы является их реинтеграция и оказание помощи. Их социализация, возвращение в общество и повседневную мирную жизнь. Для достижения этой цели группа специалистов принимает решение о том, какая помощь и услуги должны предоставляться возвращающемуся лицу и его окружению (например, семье, друзьям, образовательному учреждению и т.д.). После этого готовится письменное соглашение о «выходе», которое включает в себя определенный перечень помощи, которая может быть предложена. Например, помощь с трудоустройством, проживанием, медицинским обслуживанием, социальной адаптацией и терапией и т.д. Однако программа «Выход» доступна только для пребывающих из-за границы, которые не совершали никаких преступных действий на территории Дании. Т.е. программа ориентирована на тех возвращенцев, которые мотивированы на прекращение террористической деятельности и хотят реинтегрироваться обратно в общество и вернуться к мирной жизни.

Проекты, направленные на привлечение молодежи для работы в сфере профилактики экстремизма.

В рамках программы Erasmus+ летом 2018 года был реализован проект «Молодежь против экстремизма и радикализации».

Это международный проект молодежного обмена, целью которого было собрать 35 молодых людей из 5 стран (Венгрия, Армения, Грузия, Турция и Эстония). Проект реализовывался в два этапа. Первый этап — изучение темы, вызовов и возможностей. В промежутке между первым и вторым этапом участники проводили исследования и наблюдения в своих

местных сообществах, чтобы найти полезные идеи и возможности для борьбы с радикализацией и экстремизмом. Второй этап — сбор идей, обмен знаниями, опытом и реализацией конкретных молодежных проектов по дерадикализации и борьбе с экстремизмом.

Национальный конкурс по борьбе с экстремизмом в США

Студенческая организация Университета Небраски в Омахе (UNO) заняла третье место в Национальном конкурсе, использующем социальные сети для борьбы с экстремизмом.

Для участия в конкурсе студенты разрабатывали модели и реализовывали социальные или цифровые проекты с целью противодействия экстремизму и ненависти.

Студенты Университета Небраски представили результаты онлайн и офлайн кампании, направленной на изменение отношения людей к семьям беженцев в штате Небраска.

Вот что отметила выпускница «UNO» Вирджиния Гальнер: «Мы поделились историями местной семьи беженцев, чтобы дать людям лучше понять, откуда эти семьи и через что они прошли. В конечном счете, мы хотели помочь пробудить в людях больше сочувствия».

Студенты отслеживали эффективность своих публикаций в сравнении с воздействием негативных сообщений в социальных сетях, направленных против беженцев. Чтобы узнать, насколько эффективны сообщения различных групп, команда использовала определенные маркетинговые технологии, которые позволяют определить реакцию на информационные сообщения. Результат: оба набора сообщений вызывали сильные эмоции, но работа группы в цифровом формате в сочетании с организованными офлайн мероприятиями создала более позитивное восприятие беженцев.

Проект «OPERATION 250»

Проект был реализован командой студентов Массачусетского Университета. Это онлайн платформа для обучения детей, родителей и преподавателей вопросам безопасности в интернете, способах защиты от экстремистского контента и вовлечения в экстремистскую деятельность. Целями и задачами проекта является информирование граждан об угрозе онлайн вербовки и радикализации и разработка инновационных мер по борьбе с этой угрозой. На сайте собраны информационные материалы о том, что такое терроризм, как выявить признаки радикализации, онлайн безопасность, как террористы используют интернет и т.д. Предлагаются как онлайн тренинги, так и тематические программы семинаров, которые направлены на развитие критического мышления среди студентов, а также на повышение уровня знаний и компетенций преподавателей и родителей по темам терроризма, безопасности в Интернете и радикализации.

* * *

По результатам исследования можно отметить, что с проблемами терроризма, экстремизма и вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность сталкиваются многие страны. Реализуются различные программы и проекты, направленные на профилактику и борьбу с подобными явлениями. В рамках реализации инициатив развивается комплексный подход и межведомственное взаимодействие.

Следует также заметить, что в рамках проведенного исследования невозможно охватить и проанализировать весь мировой опыт. Одной из основных задач автора являлось определение тенденций и основных направлений деятельности, а также рассмотрение практических инициатив, которые реализуются в сфере профилактики экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде в других странах.

Можно констатировать, что для эффективной работы по профилактике экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде необходимы меры, адаптированные к данной целевой группе и воспринимаемые ею как важные и необходимые, а также учитывающие изменения в процессах радикализации и вовлечения молодежи в экстремистскую и противоправную деятельность.

Например, террористическая организация «Исламское государство» за 4 года выпустила около 50 000 релизов. Имеет собственные медиacentры и медиаресурсы. Ежедневно производится до 38 различных пропагандистских материалов высокого качества, которые распространяются в социальных сетях и ориентированы, в том числе, на молодежную аудиторию. Так, по некоторым оценкам, в Twitter насчитывается примерно 90 тысяч аккаунтов, владельцы которых разделяют взгляды ИГИЛ, либо проявляют интерес к деятельности этой террористической организации. Создаются полноформатные документальные кинопродукты высокого профессионального уровня, издаются гляцевые журналы т.д. В этой связи просто необходимо создавать альтернативные информационные потоки и усиливать работу в информационном пространстве.

Поскольку проблема экстремизма и терроризма имеет различные формы и проявления, необходимы комплексные решения, а также налаживание взаимодействия и консолидация усилий образовательного сообщества, студенческого сообщества, органов государственной власти, общественных и некоммерческих организаций, правоохранительных органов, национальных диаспор в рамках профилактики и противодействия вовлечению нашей молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность. Определенными шагами в этом направлении могло бы стать усиление международного сотрудничества в

сфере профилактики экстремизма, развитие института наставничества и разработка специализированных образовательных программ и программ повышения квалификации для преподавателей и сотрудников образовательных учреждений в сфере межнациональной и этнокультурной коммуникации. Также целесообразно было бы рассмотреть возможность создания Медиа Центра, который бы стал культурно-просветительской, образовательной и производственной площадкой для молодежи, на которой осуществлялось бы формирование и распространение информационного контента, направленного на данную целевую аудиторию (в т.ч. и по теме этнокультурных и межнациональных отношений). Используя видео- и аудиопродукцию, цифровые технологии и Интернет, молодые люди через совместное творчество могли бы участвовать в решении проблем сообщества в сфере межнационального и этнокультурного взаимодействия. Медиа Центр мог бы объединить уже существующие студенческие телестудии, создать им общий эфир и координировать разработку контента в т.ч. по молодежной и межэтнической тематике.

Психолого–педагогическая поддержка подростков — участников волонтерского движения в решении комплексных задач профилактики

**Лебедев Максим Олегович,
Соловьева Дарья Владимировна,
Нерядихина Наталья Сергеевна**

*педагоги-психологи Центра психолого-педагогической, медицинской
и социальной помощи Калининского района Санкт-Петербурга*

Организация профилактической работы является типовой задачей центра психолого-педагогической медицинской и социальной помощи. Актуальность и социальная значимость данной работы со школьниками ни у кого не вызывает сомнений. Такие сочетания как: «профилактика употребления ПАВ, противоправного поведения, экстремизма»... и т.д. — возглавляют топы отчетов и проверок всех видов. Само же положение дел в области профилактики на местах в его фактически сложившемся формате давно требует расстановки новых акцентов.

Действительно, проблема распространения и употребления наркотиков среди подростков, вовлечение их в сферу противоправных действий остается очень острой. На ранних этапах проблема имеет психологические основания.

Запретительные меры в сочетании с высоким спросом на «запретный плод» у подростков зачастую только поддерживают интерес к «формам игры со смертью». Возникновение проблемы также провоцируют организационно–педагогические (школьные средовые) факторы риска. Сегодня в любой школе существуют территории психологической безнадзорности, где царит «власть» неорганизованных коллективов — первых источников «самоутверждения через приОбщение». А собственно, Общение — человеческое, понимающее, поддерживающее — и в школе, и в семье оказывается зачастую в дефиците.

В условиях психолого-педагогического сопровождения сегодня очень важно расширить арсенал средств профилактики, переключив акценты работы с широких информационных на более глубинные, личностно-поддерживающие стратегии. Для их реализации важно обеспечить следующие условия:

- В первую очередь, это создание ситуаций совместной групповой деятельности, смыслового общения, поддерживающих психологический контакт между детьми и взрослыми.
- Во-вторых, это формирование культуры поддерживающих отношений между самими взрослыми и трансляция ценностей заботы и принятия через соответствующие модели взаимодействия. При этом само понятие «взрослый» предполагает большую психологическую компетентность, ответственность и свободу выбора деятельности.

Профессиональная традиция помогающих профессий, к которым относятся психологи, содержит значительный потенциал, отвечающий первому и второму условиям. Это — антропологический ресурс (устоявшаяся система человеко-центрированных отношений) и технологический ресурс (накопленный вариативный спектр активных методов обучения, развития, самопознания).

По сути, речь сегодня идет о сохранении жизни современному молодому поколению, передаче ему разнообразных форм жизнеутверждающих стратегий.

Это — задача поколенческого масштаба. Но реализация ее возможна в межпоколенном пространстве.

Оптимальной формой решения данной задачи является организация и поддержание пространства полилога как с подростками, так и с

педагогами, которые нуждаются в профессиональной поддержке в связи с особенной спецификой данной темы.

Ниже представлена система проектирования и реализации программ профилактической направленности, сложившаяся в ЦППМСП Калининского района Санкт–Петербурга.

Содержание и этапы технологии предложены и осуществляются специалистами (педагогами-психологами) ЦППМСП.

Система реализуется в соответствии с ценностями антропологического подхода. На всех этапах ее реализации задействованы ресурсы разновозрастного профессионального сообщества специалистов помогающих профессий (педагоги школ, психологи, врачи, социальные работники) и одновозрастных и разновозрастных сообществ сверстников. Важнейшим механизмом данной деятельности является организация и поддержка волонтерского движения из числа старшеклассников — учащихся 8–10 классов школ района.

Таким образом, в решении задач ранней комплексной профилактики воссоздается традиция межпоколенческого диалога. По сути — это полилог о ценностях жизни «устаами всех возрастов». Подобная форма исключает риск безответственного информирования (например, «о наркотиках»), актуализирует проблематику личной ответственности за перспективы собственной жизни без наркотиков.

Центральными содержательно-смысловыми линиями системы профилактики ЦППМСП являются:

- сквозная межпоколенная программа «Старший — младшему»;
- межпоколенный проект-квест: «Ключи к здоровому будущему».

Программа «Старший — младшему» реализует принципы неспецифической профилактики для учащихся младшего школьного возраста. Ядром программы являются этапы активного вовлечения

подростков в профилактику рискованного поведения посредством их активного обучения, после которого они сами выступают в качестве примера и в роли обучающихся для своих подопечных — младших школьников.

Подростки имеют возможность проявить себя в деле трансляции ценностей, получая опыт социально ответственного поведения. У них развивается желание помогать другим людям. Младшие школьники, в свою очередь, получают новый опыт неформального взаимодействия со старшими — с тем возрастом, который для них наиболее антропологически притягателен и является образцом «совершенной взрослости».

Участники программы «Старший — младшему» — это:

- учащиеся 8, 9, 10 классов — волонтеры (далее «старшие»);
- учащиеся начальной школы 3, 4 классов, с которыми будут работать старшие (далее «младшие»);
- Кураторы «старших»: классный руководитель 8 (9) класса, участвующего в программе (старший куратор), социальный педагог школы, педагог–психолог школы (завуч по ВР);
- Классные руководители начальных классов, с детьми которых работают «старшие»;
- Ведущие программы: сотрудники ЦППМСП.

Программа поддержки волонтерских команд реализуется по трем ступеням:

- Ступень 1: программа для 8-х классов.
- Ступень 2: программа для 9-х классов.
- Ступень 3: программа для 10-х классов.

Приведем краткий алгоритм «запуска» программы «Старший — младшему» **1-й ступени** силами ЦППМСП на базе школ района.

1 этап: Подготовительный.

1. Встреча с администрацией школы. Согласование следующих вопросов:
 - Возможность и желание участия школы в данном проекте.
 - Предложения учащимся 8-го класса, согласование их внешкольной нагрузки.
 - Согласование с классным руководителем или другим педагогом, имеющим возможность выполнять обязанности куратора волонтерской команды (старших),
 - определение параллели в начальной школе, с которой будут работать волонтеры (старшие),
 - Определение закрепленного времени вне основных уроков в первой четверти на обучающие занятия для волонтеров (учащихся 8-го класса),
 - Подписание договора между ГБУ ДО ЦППМСП и ГБОУ СОШ о сотрудничестве,
3. Создание годового плана мероприятий по данной программе.
4. Объявление будущим волонтерам о том, что их ждет в следующем году.
5. Определение даты и проведение первого семинара кураторов волонтерских команд, задачами которого являются:
 - ознакомить кураторов с целями и задачами программы;
 - ознакомить кураторов с годовым планом по данной программе;
 - ознакомить кураторов с их обязанностями в рамках данной программы;
 - мотивировать на сотрудничество с организаторами программы и адекватную помощь волонтерам.
6. Согласование с завучем ВР, завучем УВР и с куратором волонтерской команды расписания обучающих занятий для

волонтерской команды в каждой школе (после основных учебных часов).

II этап: Обучение волонтеров.

Обучающие занятия для волонтерских команд проводятся на базе их школ 1–2 раза в неделю продолжительностью по 1,5 часа. Формат встреч: интерактивные занятия.

Тематический план обучающих занятий

№	Тема	Часы	Краткое содержание
1	Знакомство	2 часа	Знакомство участников с программой, заключение личного договора и принятие правил занятий,
2	Здоровье.	2 часа	Здоровье как ценность. Как говорить о ценностях. Тренировка навыков публичного выступления.
3	Эмоции и чувства	2 часа	Эмоции. Принципы и особенности ведения игры.
4	Дружба и толерантность	2 часа	Дружба, толерантность, стигматизация. Как провести акцию.
5	Нормы поведения и мораль	2 часа	Нормы поведения и морали, «инфопалатка» как метод в
6	Ответственное поведение	2 часа	Жизненные цели и ценности, принятие решения, сценка.
7	Практикум	2 часа	Написание сценариев и постановка сценок-сказок. Подведение итогов, завершение обучения.

III этап: Практика.

На данном этапе волонтеры проводят мероприятия в своих школах. Практика сопровождается системой семинаров, которые для волонтеров проводят педагоги–психологи ЦППМСП. Семинары проходят один раз в месяц, их продолжительность: 1,5–2 часа.

Алгоритм проведения семинара:

- приветствие;
- обучающая часть, включая:

- обмен впечатлениями от проведенных мероприятиях, обмен опытом,
- объявление темы на следующий месяц,
- теория по теме,
- практические рекомендации по проведению мероприятий на заданную тему,
- ответы на вопросы;
- неформальное общение.

Примерный тематический план семинаров

1	Здоровье, игра по станциям	Ноябрь	2 часа
2	Эмоции и чувства акция, классный час	Декабрь	2 часа
3	Дружба и толерантность, классный час	Январь	2 часа
4	Нормы поведения и морали	Февраль	2 часа
5	Ответственное поведение	Март	2 часа
6	Постановка сказки	Апрель	2 часа

Работа на семинарах проходит по следующим правилам:

- 1) На семинар приглашают представители команды (2–3 человека). В течение года эти люди могут меняться.
- 2) Для семинаров каждой командой создается тетрадь, куда волонтеры будут записывать темы и рекомендации ведущих.
- 3) После семинара представители рассказывают остальной своей команде о новой теме. Далее они обсуждают и придумывают мероприятие для младших, пишут сценарий, готовят все необходимые материалы, распределяют роли.
- 4) Следовать советам ведущих не обязательно, творчество и самостоятельность приветствуются.
- 5) Главное — донести до младших основные идеи по теме.

Семинары для кураторов проводятся по тем же темам.

Волонтеры проводят мероприятия, придерживаясь следующих шагов:

- По теме, которую волонтеры получают на семинарах, в течение месяца команды должны придумать, написать сценарий, подготовить все необходимые материалы, распределить роли и провести минимум два мероприятия (по одному на класс). На организацию мероприятия в расписании школьников выделяются классные часы (1–2 часа в месяц).
- В проведении мероприятий желательно задействовать разных учащихся, чтобы все получили опыт.
- Сразу после мероприятия куратор обсуждает с волонтерами, проводившими мероприятие, вопросы, которые необходимо отразить в отчете, а именно: что получилось, что можно было сделать по-другому, впечатления проводивших мероприятие, информация, заносимая в отчет.
- Отчет о проведении мероприятий: отчет куратора, отчет волонтеров, анкета классных руководителей «младших», фотоотчет. Папка с полным отчетом отправляется на электронный ящик отдела профилактики ЦППМСП.
- В течение года куратором из этих отчетов создается портфолио. Портфолио хранится в папке для документов. В конце года полное портфолио проделанной работы сдается в центр, ведущие изучают его и определяют самых активных, самых добросовестных участников и награждают их на итоговом мероприятии.

Волонтерам предлагаются следующие варианты работы с младшими школьниками:

- 1) Классный час.
 - а) без заданий;
 - б) с заданиями: волонтерами дается заранее тема и задание для младших школьников и их классного руководителя. Например,

дети неделю готовятся, потом волонтеры проводят классный час.

- 2) Станционная игра.
- 3) Конкурсы (рисунков, плакатов, и т.д.)
- 4) Сценка, сказка, представление.
- 5) Тематическая игра со всем классом.
- 6) Просмотр мультфильма с обсуждением.
- 7) Проведение акций, флешмобов.

IV этап: Финал.

Кураторы классов сдают в центр портфолио в двух вариантах (электронный и печатный) и презентацию. Ведущие (они же жюри) оценивают проведенную за год работу и выделяют лучшие классы (самые активные, добросовестные), а также лично выделяют самых активных старших. Проводится финальное мероприятие, куда приглашаются старшие, участвующие в программе, и их кураторы. Подводятся итоги, награждаются лучшие.

Первой страницей в папке является «табель активности» (список команды и помесечные отметки активности ребят по десятибалльной шкале: 10 баллов — очень активный участник, участвовал в организации и в проведении мероприятия, подключал других ребят, выдвигал свои идеи; 0 баллов — совсем не участвовал, отказывался участвовать).

V. Поддерживающие мероприятия.

Волонтеры приглашаются для участия в районных профилактических акциях (8 акций по плану ЦППМСП) в течение учебного года.

Для волонтеров и кураторов проводятся консультации. Сотрудники отдела профилактики отвечают на вопросы по программе online (по электронной почте), по телефону и в режиме очных индивидуальных консультаций.

Для «старших» (волонтеров) организуется группа или публичная страница на сайте VK.COM, возможности которого позволяют создать виртуальное сообщество по интересам, где можно проводить обсуждения, обмениваться фотографиями, видео, файлами, общаться.

Цели:

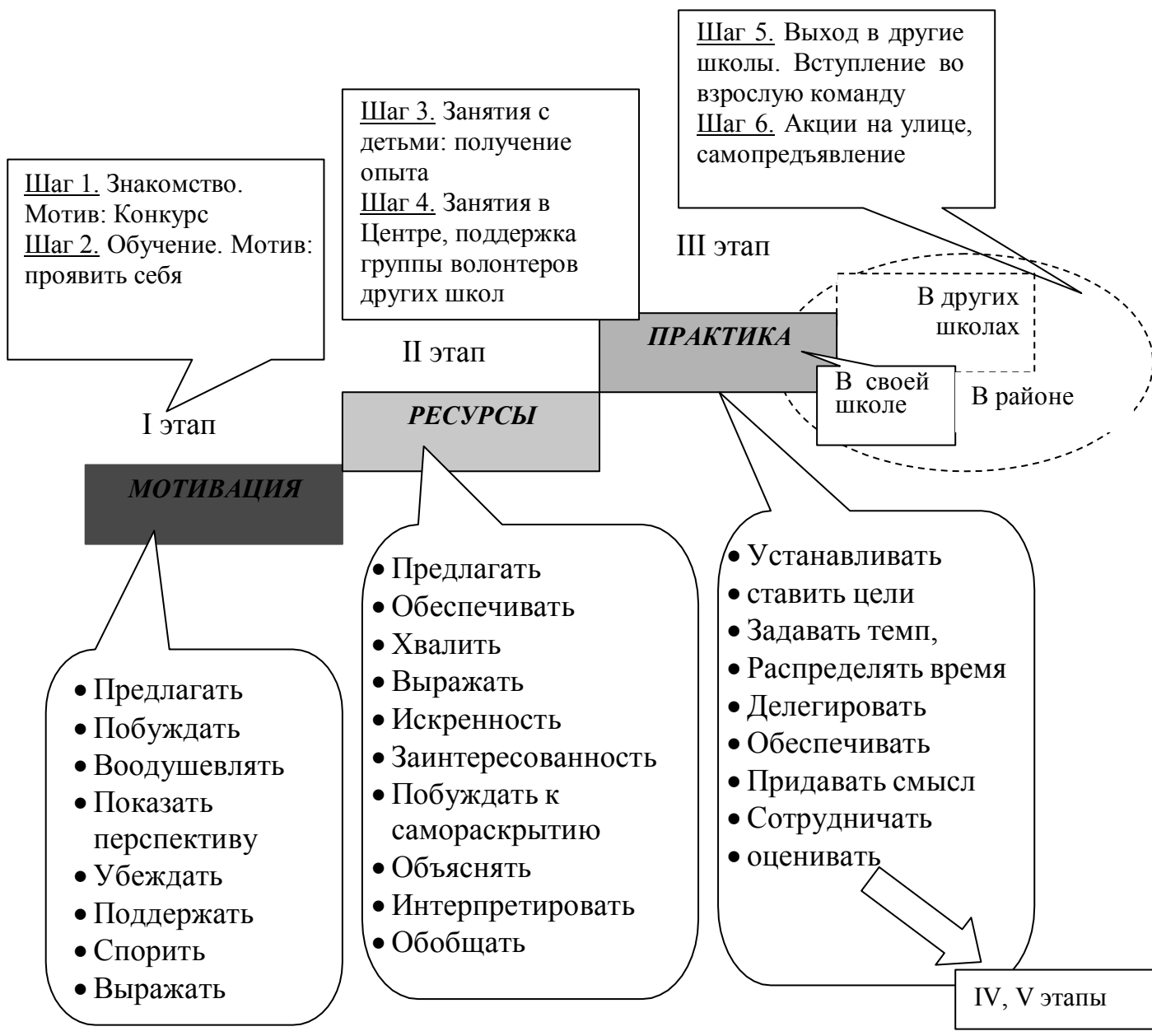
- поддержание контакта с целевой аудиторией (со «старшими»);
- реализация принципа «равный равному» — общаемся в рамках интересного подросткам пространства — социальной сети интернет Vkontakte;
- создание информационных поводов для обсуждения тем, фильмов, событий, касающихся профилактики зависимого поведения и пропаганды здорового образа жизни;
- решение организационных вопросов;
- единая информационная поддержка всех классов–участников программы;
- повышение престижности самой программы.

Таким образом, данный интернет ресурс выступает в качестве вспомогательного инструмента программы для общения участников и обмена информацией.

Поддержка волонтерских команд требует от ведущих, педагогов–психологов ЦППМСП, четкого осознания задач и своей позиции на каждом этапе. Схематично стратегии поддержки на уровне действий представлены на рисунке.

Рисунок 1.

Действия ведущих в процессе сопровождения волонтерских команд = навыки волонтеров

Ступень 2: программа для 9-х классов.

Адресаты:

- Подростки, учащиеся 9-х классов (далее в тексте — волонтеры), которые участвовали в программе, будучи в 8 классе;
- Дети, учащиеся 4–5-х классов, (далее в тексте — младшие).

Волонтеры продолжают работать с той же параллелью младших, с которыми они работали в прошлом году. В течение года волонтеры получают 3 задания (3 темы), на реализацию каждой из которых им будет отведена целая четверть.

Ступень 3: программа для 10-х классов.

Волонтеры 10-х классов, участвующие в программе третий год, самостоятельно (под руководством специалистов ЦППМСП) проводят обучающие занятия для волонтеров 8-х классов, и в дальнейшем сопровождают и помогают им в реализации программы. Обучение происходит в течение 9-го класса (когда волонтер в программе только второй год). Занятия в формате тренинга, на которых волонтеров готовят самостоятельно проводить обучающие занятия для волонтеров 8-х классов.

Межпоколенный проект-квест «Ключи к здоровому будущему» можно отнести к интерактивным технологиям, направленным на содействие личностному развитию и позитивной социализации подростков. По форме квест-технология является игровой, однако ее эффективность можно рассматривать в широком, личностно-ориентированном ключе.

Адресат. Проект направлен на учащихся старших классов ОУ, ПУ, СПО от 14 лет.

Формы работы. Технология реализуется в очном (интерактивная квест–игра, 1, 2 тур) и дистанционном (подготовительном) формате:

- 1) Дистанционный: команды выполняют домашнее задание , готовят творческий номер;
- 2) Очный, который в себя включает несколько видов работы: яркое, праздничное массовое событие и интерактивная «игра-открытие ключей здорового будущего» (квест).

Участники. К участию приглашаются учащиеся 9-10-х классов школ района. В команду входит 14 учащихся из 9–10-х классов ОУ (возможна сборная от школы), из них: 7 — девочки, 7 — мальчики. Игровая команда: 10 человек (5x5); группа поддержки: 4 человека (2x2).

Взрослые участники: сопровождающие взрослые — представители школ (например, классный руководитель, социальный педагог); разновозрастная команда ЦППМСП (специалистов помогающих профессий).

Этап/тур	Цель этапа	Формат, участники
I. Организационно–коммуникативный этап	Подготовка, подача заявок от школ. Подготовка участниками домашнего задания	Очно/дистанционно Кураторы школ.
II. Интерактивный ТУР 1. Квест: «Человек в мире ценностей»	организация и проведение квестов внутри каждого муниципального округа (МО) среди учащихся ОУ	Очно на базе одной из школ МО. Разновозрастная команда специалистов помогающих профессий
III. Интерактивный ТУР 2 (Финал). Квест: «Человек в мире людей»	Организация и проведение финального квеста, в котором участвуют команды–победители 1 этапа (от каждого МО по 1 команде)	
IV. Этап адресной поддержки потенциальным группам риска (командам, классам ОУ района) в соответствии с выявленным запросом	Избирательная социально-психологическая помощь	Очно/дистанционно. Разновозрастная команда специалистов помогающих профессий; Сверстники-волонтеры: победители финала

Проектирование содержания интерактивных туров 1 и 2 ведется в следующей логике развития ценностной рефлексии: от осознания личностных ценностей на уровне индивидуальной жизни (квест, 1 тур) — к принятию социально-значимых ценностей в соотнесении с жизнью страны, государства, мира (квест, 2 тур).

Подбор используемых интерактивных методов и приемов предполагает освоение социальных умений, обеспечивающих опыт позитивного общения и деятельности, с постепенным усложнением: от опыта социальных проб (1 тур) — к опыту проблемно-решающего поведения, решению ситуативных задач (2 тур) и преобразованию социальной среды (творческие задания 1 и 2 тура, дополнительный этап адресной поддержки).

«Ключи к здоровому будущему» «открываются» участниками квеста во всех содержательно важных сферах жизни: семья, дружба, самореализация, здоровье, гражданская позиция и другие. Так, например, «станции» первого тура, на которых происходит «открытие ключей», имеют следующие темы: «Семейная крепость» (ценности и смыслы крепких семейных отношений), «Круг доверия» (доверие в группе, групповое взаимодействие), «Мой путь» (жизненное целеполагание), «Будь в теме» (последствия наркозависимости), «Социальная реклама» (социальные и личностные ценности), «Антистресс» (приемы когнитивной и психофизиологической антистрессовой тренировки).

По результатам проведения первых игровых квест-туров выявляются группы риска. К ним мы относим школьные команды, классы, показавшие низкую активность и низкие результаты по основным трем тематическим блокам квеста:

- группа риска «Тема»: низкий уровень антинаркотического просвещения и мотивации к ЗОЖ;

- группа риска «Доверие»: отсутствие опыта доверительных отношений и ценностного диалога;
- группа риска «Цели»: слабая дифференциация мотивов и жизненных целей.

Основным механизмом, решающим задачи профилактики внутри каждой выявленной темы (соответственно, для каждой группы риска) является «внутреннее волонтерство». Внутрипоколенческий диалог со своими сверстниками относительно жизненных целей и ценностей, картины мира ведут одновозрастные молодежные сообщества, сложившиеся из команд-победителей и активных участников финала, а также волонтеры, прошедшие практику 3 ступени. Межпоколенческий доверительный диалог поддерживается разновозрастной командой специалистов помогающих профессий.

Критерии оценки результатов

Для комплексной оценки эффективности психолого–педагогического сопровождения подростков и юношей, вовлекаемых в решение задач антинаркотической профилактики, нами предложена система параметров, критериев и показателей. Результаты интерпретируются на двух уровнях: системном и личностном.

Ожидаемые (полученные) результаты в рамках реализации комплексной стратегий, использующих потенциал разновозрастных сообществ.

I. Системно–ориентированные результаты.

Определяют изменения в системе деятельности специалистов ЦППМСП на уровне образовательных учреждений района и межведомственного взаимодействия:

Критерии	Показатели
1.1. Охват участников программы	<p>Общее количество участников:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Прямое и опосредованное участие • Прямое участие в составе школьных команд волонтеров • Участие с усложнением функций • Краткосрочное/длительное участие • Участие учащихся, состоявших в ОДН, ВШК • Участие учащихся — участников программ психолого-педагогического сопровождения ЦППМСП <p>Охват ОУ</p> <ul style="list-style-type: none"> • по муниципальным округам (МО) • типам образовательных программ ОУ • фактам сетевого взаимодействия
1.2. Выявление скрытых факторов риска системного характера, потенциально способствующих возникновению аддиктивного поведения у старшеклассников	<ul style="list-style-type: none"> • Раннее выявление факторов риска в образовательной, социальной средах • Организация интерактивного мониторинга в области первичной антинаркотической профилактики • Организация и предоставление избирательной социально–психологической помощи группам риска (классам ОУ) района в соответствии с выявленным • запросом по факторам риска
1.3. Общественно-государственное партнерство в области антинаркотической профилактики	<ul style="list-style-type: none"> • Изменения в системе внутриорганизационного управления/развития ОУ • Развитие системы межорганизационного взаимодействия в районе • Изменения в системе функционирования профессиональных сообществ специалистов помогающих профессий • Формирование опыта общественной

II. Личностные результаты.

Определяют ориентиры оказания социально-психологической поддержки подросткам, юношам в области личностного развития.

Применимы для оценки индивидуально-личностного развития участников волонтерского движения и участников иных комплексных программ профилактики.

Параметр «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»	Положительное эмоционально ценностное отношение к социально-значимой деятельности
	Формирование качеств проактивности
	Мотивация достижений
	Опыт продуктивной деятельности
	Опыт целеполагания и целереализации
Параметр «ОБЩЕНИЕ»	Развитие навыков социальной компетенции
	Опыт доверительного общения, соучастия
	Опыт совладания с эмоционально напряженными ситуациями внутриличностного
	Опыт межпоколенческого взаимодействия
Параметр «ЦЕННОСТИ»	Положительное эмоционально-ценностное отношение к выбору созидательных жизненных стратегий
	Развитие ценностной рефлексии
	Осознанность целостность личностных ценностей, их аргументированная дифференциация
	Устойчивость ценностей, развитие Компонентов асертивности к негативным влияниям
	Смысловые уровни регуляции деятельности, поведения, общения

Наш опыт поддержки волонтерского движения в области профилактики актуализирует становление качеств проактивной личности: способности становиться субъектом самоизменения, готовности к преобразованиям в своей жизни. Эти качества отличают степень психологической зрелости. Ведь именно психологически взрослый способен самостоятельно принимать решения на основе ценностного выбора, отвечать за них, отстаивать свои ценности.

Стратегии поведения сообществ правых радикалов в социальной сети «ВКонтакте»

Щекотин Евгений Викторович

*доцент Новосибирского государственного университета
экономики и управления*

В последние годы исследователи довольно часто обращаются к проблеме обнаружения праворадикальных сайтов, материалов, пользователей, распространяющих экстремистский контент в Интернете (8-9; 14-18). К проблеме расизма, национализма и ксенофобии в российском Интернете в последнее десятилетие неоднократно обращались исследователи, по этой теме опубликовано несколько интересных исследований (1-3; 5-7; 10). Однако исследования по проблеме национализма и правых радикалов в российском интернете носят качественный и описательный характер, количественные исследования о количестве и динамике онлайн сообществ в российских социальных сетях практически отсутствуют. Целью исследования является определение стратегии и тактики поведения онлайн сообществ экстремистов в социальных сетях.

Для этого на первом этапе мы составили словарь лингвистических маркеров, который позволил идентифицировать внутри очень неоднородной группы правых радикалов наиболее радикализированную подгруппу праворадикальных экстремистов. Подгруппа праворадикальных экстремистов характеризуется, прежде всего, выраженными проявлениями нацизма, расизма, превосходства белой расы и унижения других рас и национальностей. При составлении словаря мы отталкивались от того тезиса, что идеология праворадикальных экстремистов является идеологией определенной субкультуры. Для того, чтобы максимально точно идентифицировать сторонников данной субкультуры, в словарь

были включены наиболее специфические маркеры, что позволяет избежать трудности интерпретации (имена собственные, названия, субкультурный сленг). Поэтому для повышения релевантности словаря мы привлекли в качестве экспертов двух представителей субкультуры правых. В роли экспертов выступили два мужчины 32 года и 28 лет, идентифицирующие себя как расисты, участники субкультуры скинхедов. Они проживают в г. Новосибирске, являются активными пользователями социальных сетей и, в частности, состоят в группах правых. Один из экспертов, 32 года, в прошлом состоял в преступной группе, которая совершила ряд нападений на мигрантов из Средней Азии по мотивам расовой ненависти, был осужден за эти преступления и отбывал наказание в заключении. Второй эксперт не имел проблем с законом в прошлом. Участие экспертов в составлении словаря заключалось в том, что они указали авторам статьи лингвистические метки, которые они сами используют для общения с другими представителями правых, а также для идентификации представителей субкультуры.

В дальнейшем словарь был протестирован, и по итогам тестирования проведена фильтрация лингвистических терминов. Из словаря были исключены ряд терминов и выражений, которые имеют также широкое общелексическое словоупотребление или активно используются в других специфических контекстах. Так, например, мы исключили такой поисковый термин как «черт/черти», которое является уничижительным обозначением представителей небелых рас в среде правых (в частности, уроженцев кавказских регионов России и закавказских республик, уроженцев Средней Азии и т.п.), в то же время, это слово активно используется в обыденном общении россиян без какого-либо расистского подтекста. Также мы исключили термины, которые не применяются в обыденном общении, но активно используются в других специфических

контекстах. Например, мы исключили из словаря термин «POV/pov» (аббревиатура устойчивого словосочетания «prisoner of war» (узник войны), которое используют правых в общении), т.к. в социальных сетях этим термином обозначается жанр видео для взрослых (Point of view). При тестировании словаря терминов мы обнаружили, что количество сообщений, содержащих этот термин в значении жанра видео для взрослых, подавляюще велико. По этой причине мы исключили этот термин из поискового словаря, т.к. он создавал слишком много нерелевантных результатов. Крайне сложно было выделить контент правых в потоке обнаруженных сообщений и названий, которые содержали эту аббревиатуру. Поэтому для поиска правых сообществ этот термин оказался мало пригодным. Таким же образом, путем тестирования и последующей фильтрации, мы исключили из словаря, предложенного экспертами, еще целый ряд поисковых терминов.

Затем, на втором этапе, мы осуществили автоматический поиск в наиболее популярной российской социальной сети ВКонтакте лингвистических маркеров. Для этого мы использовали специализированную систему анализа и мониторинга социальных медиа InfoWatch Kribrum. Kribrum — программное обеспечение, созданное компаниями Infowatch и Kribrum и являющееся поисковой системой в режиме online. Kribrum обеспечивает поиск информации по заданным лингвистическим маркерам (из них состоит поисковый объект). На основе этих маркеров Kribrum находит в Интернете соответствующие информационные поводы, сообщения в онлайн сообществах, на стенах персональных страниц пользователей в соцсетях. Все данные выгружаются в формате XLS/CSV, где помимо сообщения мы можем видеть его дату, автора, владельца (сообщество или страница, в которой опубликовано),

регион, а также охват аудитории. Данное программное обеспечение является платным.

Поиск осуществлялся с 29 мая по 04 июня 2017 г. Выбор данного периода наблюдения носит произвольный характер и не несет никакого значения. Мы наблюдали за процессами в обнаруженных сообществах на протяжении 4 месяцев (с 29 мая по 29 сентября 2017 г.). Выбор именно такого периода времени для наблюдений обусловлен соображениями здравого смысла: мы наблюдали за жизнью сообществ длительное время для того, чтобы можно было вполне точно зафиксировать изменения в поведении на длительном временном ряду. Наблюдение было прекращено, когда был получен достаточный объем данных для наших целей.

На третьем этапе мы анализировали сообщения, в которых присутствуют лингвистические маркеры, и осуществляли фильтрацию сообщений. Мы интерпретировали сообщения и принимали во внимание только те, для которых контекст сообщения однозначно свидетельствовал об одобрении авторами идеологии правых. Далее, мы тщательно анализировали личные страницы авторов выделенных сообщений, группы, в которых были размещены данные сообщения, а также сообщества, членами которых являются авторы и ссылки на которые присутствуют на странице автора. При анализе праворадикальных сообществ из-за их обилия относительно малочисленные сообщества не принимались во внимание (с количеством участников менее 1500). Также не рассматривались сообщества, объединяющие жителей иностранных государств — эти сообщества выявлялись по преобладанию контента на иностранных языках (английском, немецком и украинском) и частоте упоминания географических названий, не связанных с территорией РФ.

После такого отбора оставшиеся группы мы распределяли по уровню экстремизма медиаконтента, представленного в группе. Это довольно

сложная задача и мы осознаем, что выбранный нами подход во многом субъективен и относителен. Тем не менее, при квалификации праворадикальных групп мы старались руководствоваться общепринятыми критериями оценки (прославление вождей Третьего рейха, демонстрация символов национал-социализма, унижение и призыв к физическому насилию над представителями Африки, мигрантов из Средней Азии, уроженцев Кавказа, восхваление преступников, осужденных на преступления на почве расовой ненависти, оправдание и активное одобрение расизма, нацизма и ксенофобии). В конечном итоге, мы отбирали группы, в которых размещенные медиаматериалы (аудио- и видеозаписи, текстовые высказывания, изображения) содержали очевидные призывы к насилию, в том числе к свержению государственной власти, выражали активную поддержку нацистским лозунгам, унижали достоинство человека по расовым и национальным признакам. Также включили в нашу выборку сообщества, которые посвящены музыке и литературе правых, товарам и пр. Они также часто являются сообществами, в которых концентрируются правые.

Для классификации праворадикальных групп в качестве критериев мы использовали признаки экстремистских материалов, которые перечислены в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» (статья 1): «экстремистские материалы - предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения

военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы». К числу таких признаков мы также отнесли демонстрацию нацистской атрибутики и символики, а также демонстрацию атрибутики и символики праворадикальных организаций, признанных экстремистскими судом и внесенных в Перечень общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». Соответственно, при отборе праворадикальных групп мы фиксировали наличие указанных признаков, регулярность и повторяемость этих признаков в контенте групп, а также контекст, в котором они находятся (например, в процессе поиска мы обнаружили группы, посвященные германскому оружию времен Второй мировой войны — часть групп мы не включили в нашу выборку, т.к. они были посвящены историческим вопросам, в то же время часть таких ресурсов содержала контекст, выражающий восхищение нацизмом и фашизмом).

Для интерпретации праворадикального контента в онлайн сообществах мы использовали ряд справочных материалов (таких как, Hate Symbols Database (12), Методические рекомендации по выявлению признаков пропаганды экстремизма в образовательной среде посредством сети Интернет (4)). Для определения уровня экстремизма контента, содержащегося в онлайн сообществе, мы использовали методику ‘Extremist Media Index’ предложенную D. Holbrook для анализа медиаматериалов исламистов и правых радикалов (13). Эта методика включает два этапа — на первом этапе отобранные сообщества

распределялись по трем уровням: «умеренный», «крайний» и «экстремальный» контент. Уровень «умеренный» присваивался тем группам, в которых содержатся материалы на общие религиозные, философские, исторические и тому подобные темы, которые не выражают в явной форме одобрение насилия или ненависти. Этот контент выражает умеренное отношение к экстремистским идеям — их можно назвать «выражающими молчаливое недовольство». Уровень «крайний» получали те группы, в которых содержание политические радикально и конфронтационно, но без призывов к насилию в данный момент. Враждебность и гнев могут выражаться в этом случае просто в форме недовольства, без унижения их человеческого достоинства и оправдания насилия. И, наконец, уровень «экстремальный» присваивался тем группам, в которых оправдывается или прославляется насилие в отношении каких-то групп людей по признакам расы, нации, веры, происхождения и т.д. На втором этапе заголовки из групп уровня «экстремальный» более подробно анализировались на предмет одобрения насилия, описания деталей, способствующих реализации насилия, а также масштаба предлагаемых акций. В свою очередь, материалы из «экстремальных» групп распределялись по четырем уровням — от общих призывов к насилию без описания деталей или материалов, одобряющих насилие против участников боевых действий, и вплоть до медиаматериалов, призывающих к насилию против мирного населения и содержащих детальные описания средств насильственных действий, например, рецептов изготовления бомб.

С помощью описанного алгоритма было выделено 42 группы. Из них уровня «умеренный» — 9, «крайний» — 19, «экстремальный» — 13. Также одна группа «Белое Превосходство» является закрытой, и просмотреть контент нам не удалось, но она содержит ссылку на внешний источник — сайт с экстремистскими материалами в стиле white supremacy. Среди

«умеренных» групп — 1 группа была «заброшена» (в ней перестали появляться обновления с июля 2017 г.), еще в одной группе содержится информация, что частично контент перенесен в другую социальную сеть Telegram (речь в частности идет о музыке, которая характеризуется как «самая радикальная»). В тематике контента «умеренных» групп преобладают исторические и антропологические материалы, музыка и распространение товаров с праворадикальной символикой. Среди 19 «крайних» групп одна содержит указание, что в связи с политикой администрации социальной сети ВК группа переезжает в социальную сеть Telegram. Контент в этих группах гораздо более политизирован и содержит критику российской власти с националистических позиций. Из экстремальных групп за время наблюдения остались доступны только 3 группы — 6 было заблокировано по требованию Роскомнадзора, 4 были удалены по неизвестным нам причинам. 1 группа оказалась заброшенной — в ней отсутствовали обновления с 2013 г. Таким образом, на момент окончания наблюдения (29 сентября 2017 г.) только 2 «экстремальные» группы оставались активны.

Общее число участников выделенных сообществ на момент наблюдения составило 637645. Что касается половозрастного состава членов нашей выборки, то наиболее многочисленной возрастной категорией являются люди 18-30 лет. Также заметно подавляющее преимущество мужчин — среди тех, кто указал свой пол, 504567 мужчины (79%) и 120421 женщины (21%). Из общего числа участников только 288156 человек указали свой регион проживания (45,2%). Среди них больше всего представителей Москвы (65068 чел., 22,6% от числа указавших регион проживания) и Санкт-Петербурга (44247 чел., 15,4%). Далее следуют Краснодарский край (11458 чел., 4%), Московская область (11144 чел., 3,9%), Ростовская область (9366 чел., 3,3 %), Самарская

область (7195 чел., 2,5%), Свердловская область (6776 чел., 2,4%), Нижегородская область (5450 чел., 1,9%), Новосибирская область (5181 чел., 1,8%), Челябинская область (4975 чел., 1,7%), Волгоградская область (4657 чел., 1,6%), Воронежская область (4514 чел., 1,6%) и т.д. Здесь можно заметить три ярких региональных центра, которые вносят наибольший вклад в количество участников онлайн групп правых радикалов: 1) Москва и Московская область; 2) Санкт-Петербург и 3) южные регионы — Краснодарский край и Ростовская область.

В целом большинство групп продемонстрировали стагнацию (незначительный прирост числа участников (менее 1%) либо уменьшение их числа) — 11 групп (26,2% от общего числа групп), или слабый прирост числа участников (1-5%) — 8 групп (19%). 8 групп (19%) уверенно росли в этот период (прирост числа участников 5-15%) и 6 групп (14,3%) росли бурно (прирост свыше 15%). Отдельно нужно упомянуть группы RaNoWa и Нация|Правые (Кровь Севера), в которых прирост участников составил 70% и 74,2% соответственно.

Среди стратегий, которые используют правые радикалы для выживания в контролируемых государством социальных сетях, можно выделить следующие:

- 1) использование материалов исторической, религиозной, культурологической, географической и антропологической тематики (часто очень тенденциозные) для того, чтобы замаскировать националистическое и расистское содержание. Эту стратегию можно назвать мимикрией под «научнообразие».
- 2) создание позитивной мотивации у членов сообщества посредством пропаганды здорового образа жизни, спорта (в частности боевых искусств и навыков обращения с оружием), воздержания от алкоголя и наркотиков, моральных ценностей, порицания пороков и

распушенности и т. д. (но в качестве мотивации используются националистические аргументы — призывы к сохранению расовой чистоты, борьбе против расового геноцида и т.п.). Эту стратегию можно охарактеризовать как мимикрия под «традиционные ценности».

- 3) уход из контролируемого медиапространства в более открытое (другие социальные сети, внешние Интернет ресурсы и т.д.).

Список использованной литературы

1. Волков Д. Гражданская и националистическая мобилизация в России. <https://www.levada.ru/2011/07/13/grazhdanskaya-i-natsionalisticheskaya-mobilizatsiya-v-rossii/>;

2. Гринько И. Социальный портрет сетевого расизма в рунете (по данным социальных сетей) // Россия — не Украина: современные акценты национализма. Сост. А. Верховский. М.: Информ.-аналит. центр "Сова", 2014. С. 62-73.

3. Кошкин П. Национализм online <https://www.levada.ru/2011/12/18/natsionalizm-online/>;

4. Методические рекомендации по выявлению признаков пропаганды экстремизма в образовательной среде посредством сети Интернет https://www.tyuiu.ru/wp-content/uploads/2016/06/NTSPTI_Metodicheskie-rekomendatsii-2015.pdf

5. Никипорец-Такигава Г., Паин Э. (сост.). Интернет и идеологические движения в России. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

6. Паин Э. Современный русский национализм в зеркале рунета // Россия — не Украина: современные акценты национализма. Сост. А. Верховский. М.: Информ.-аналит. центр "Сова", 2014. С. 8-32.

7. Паин Э. А., Простаков С. А., Федюнин С. Ю., Мохов С. В., Поляков Е. И. Этнополитические процессы в зеркале Рунета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 133-160.
8. Cohen K., Johansson F., Kaati L., Mork J.C. Detecting Linguistic Markers for Radical Violence in Social Media // Terrorism and Political Violence, 2014 26(1), pp. 246-256
9. Davidson T., Warmsley D., Macy M., Weber I. Automated Hate Speech Detection and the Problem of Offensive Language. arXiv:1703.04009 [Cs], March 11, 2017. <http://arxiv.org/abs/1703.04009>
10. Etling B., Alexanyan K., Kelly J., Faris R., Palfrey J., Gasser U. Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization, 2010. https://cyber.harvard.edu/publications/2010/Public_Discourse_Russian_Blogosphere
11. Figea L., Kaati L., Scrivens R. Measuring Online Affects in a White Supremacy Forum // Conference: 2016 IEEE International Conference on Intelligence and Security Informatics (ISI), At Tuscon, Arizona USA, 2016
12. Hate Symbols Database <https://www.adl.org/education-and-resources/resource-knowledge-base/hate-symbols>
13. Holbrook D. Designing and Applying an 'Extremist Media Index' // Perspectives on Terrorism, 2015, 9 (5), pp. 57-68
14. Online Hate Index (2018) <https://www.adl.org/resources/reports/the-online-hate-index>
15. Perry B., Scrivens R. White Pride Worldwide: Constructing Global Identities Online // The Globalization of Hate: Internationalizing Hate Crime? Oxford: Oxford University Press, Eds.: J. Scheppe, M. Walters, 2016, pp. 65-78
16. Scrivens R., Frank R. Sentiment-based Classification of Radical Text on the Web // Conference: 2016 European Intelligence and Security Informatics Conference (EISIC), At Uppsala, Sweden, 2016

17. Scrivens R., Davies G., Frank R. Searching for signs of extremism on the web: an introduction to Sentiment-based Identification of Radical Authors // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression, 2017, 10(1), pp. 1-21

18. Shrestha A., Kaati L., Cohen K. A Machine Learning Approach towards Detecting Extreme Adopters in Digital Communities // Conference: 2017 28th International Workshop on Database and Expert Systems Applications (DEXA)

Подходы к эффективному контролю интернет-пространства в учебных заведениях с целью минимизации влияния негативного контента

Каберник Виталий Владимирович

*ведущий эксперт Центра научных и инновационных проектов
Московского государственного института международных отношений
(университет) МИД России*

Тимофеева Оксана Владимировна

*преподаватель департамента медиа факультета коммуникаций,
медиа и дизайна Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»*

Современное состояние интернета: деградация и фрагментация единого информационного пространства

В современном мире интернет является основной средой общения молодежи. Людям старшего поколения, привыкшим к иным способам распространения информации, зачастую сложно понять привлекательность именно интернет-источников, хотя для специалистов по медиа-коммуникации здесь нет никакого открытия. Ранее, на рубеже 20-го и 21-го веков, на волне энтузиазма в отношении гипертекстовых источников информации, всеобщей взаимосвязи интернет-ресурсов в едином информационном пространстве, было принято считать, что интернет-коммуникация полностью вытеснит коммуникацию традиционную. Тем не менее, этого не произошло. В полном соответствии с высказанной еще в начале 20-го века гипотезой Рипля, новые средства коммуникации не вытесняют старые, а лишь перетягивают на себя некоторую часть аудитории. Интернет-источники, таким образом, дополняют традиционные медиа, но не заменяют их полностью, и информационное пространство молодежи не формируется эксклюзивно интернетом.

В то же время интернет-пространство, в отличие от традиционных источников информации, в современном его состоянии формируется преимущественно контентом, генерируемым самими пользователями. В отсутствие действенных средств контроля такого контента, он будет отражать все многообразие точек зрения, включая заведомое искажение фактов, пропаганду экстремизма, вредоносных идеологий, сект и опасных увлечений и т.п.

Современное интернет-пространство характеризуется также размытой модальностью восприятия, акцентом на мультимедийную подачу информации. Вместо текста и гипертекста на первые роли выходят аудиовизуальные формы, такие как короткие видеоролики, изображения, нарративы, смайлики и другие подобные формы представления информации, которые зачастую не несут значимой смысловой нагрузки. Информационный обмен в такой среде выхолащивается, не требует приложения каких-либо когнитивных усилий и основан на распространении клиповых образов (например, мемов) без попытки их осмысления. Таким образом, из общения в интернете рефлексивное восприятие, анализ информации либо исключается полностью, либо происходит на крайне поверхностном уровне. Клиповые информационные послышки воздействуют в первую очередь на эмоциональную и подсознательную сферу, что делает задачу внедрения каких-либо вредоносных информационных паттернов сравнительно несложной.

Характерной особенностью современного интернета также является, как ни странно, снижение уровня интерактивности средств общения. В ранний период распространения мессенджеров их основным преимуществом в сравнении с более традиционными средствами, типа электронной почты, была скорость информационного обмена, повышенная интерактивность, возможность немедленно увидеть реакцию собеседника,

вступить в диалог. При этом, однако, вводилось искусственное ограничение на длину текстового сообщения, обычно увязанное с длиной СМС-сообщения, что привело к необходимости сильно сокращать тезисы, существенно упрощая и выхолащивая любые сколь-нибудь сложные послышки.

Опять же, в начале 21-го века, на волне всеобщего энтузиазма в отношении так называемого Web 2.0 — то есть информационного интернет-пространства, создаваемого преимущественно самими пользователями посредством блогов, комментариев, диалоговых форм совместного создания контента — было принято считать, что высокая интерактивность информационного пространства является совершенно необходимой. В реальности, однако, лишь очень небольшой процент пользователей способен вести конструктивный диалог и создавать контент, в то время как подавляющее большинство остальных преимущественно увлечены его воспроизведением (репостом), неинформативным псевдокомментированием, выражающим в лучшем случае поддержку или неприятие тезиса без какой-либо адекватной аргументации.

Проблема безынформативности пространства интернета дополнительно осложняется его растущей фрагментацией. На ранней стадии развития интернета как всеобщей информационной сети возможность обеспечить взаимосвязь всех информационных ресурсов считалась несомненным преимуществом. На современной стадии развития интернета можно констатировать, что единого информационного пространства он не предоставляет. С точки зрения подходов к контролю интернет-пространства это означает, что контролировать приходится несколько классов информационных пространств, не связанных между собой иначе как медиатором распространения информации и протоколами

информационного обмена. Среди этих независимых и изолированных друг от друга информационных пространств выделяются:

- Социальные сети, каждая из которых имеет собственную базу пользователей, их сообщений и комментариев, в общем случае недоступную извне, плохо индексируемую внешними поисковыми системами;
- Сообщества по интересам, форумы и блоги, которые характеризуются меньшей закрытостью;
- Мессенджеры, средства обмена сообщениями, каждый из которых оперирует в полностью изолированном информационном пространстве, часто зашифрованном, не индексируемом поисковыми системами;
- Облачные сервисы обмена информацией, сочетающие приватность хранения с возможностью оперативно предоставить публичный доступ к любой используемой информации и так же оперативно его закрыть;
- Глубокий интернет: частные информационные ресурсы, не индексируемые поисковыми системами, доступные только по приглашению от владельца;
- Полулегальный интернет: скрытые каналы доступа к информационным ресурсам, запрещенным на территории суверенных интернет-пространств, ограниченных в интересах защиты авторских прав или по иным причинам;
- «Темный» интернет, даркнет: нелегальные в большинстве юрисдикций, хорошо законспирированные системы обмена информацией, касающейся планирования и совершения противоправных действий, таких как распространение наркотиков, торговля оружием, совершение иных нелегальных сделок и т.п.

Данный список не претендует на то, чтобы использоваться в качестве универсальной классификации, но призван лишь дать представление об уровне фрагментации информационного пространства. Эффективный контроль всех классов фрагментированного информационного пространства в общем случае невозможен по причине широкого распространения средств кодирования информации уже на транспортном уровне. Дополнительная защита может быть достигнута использованием внешних средств криптографии, стеганографии и нестандартных протоколов информационного обмена. Комплексное использование таких средств наряду со средствами законспирированного информационного обмена, характерных для даркнета, делают технически невозможным контроль такого комплексно защищенного доверенного канала. К счастью, подобный уровень защиты информации для подавляющего большинства пользователей недоступен, поскольку требует квалификации в использовании соответствующих методов конспирации, хорошей подготовки и планирования.

Тем не менее, остальные «фрагменты» информационного интернет-пространства могут контролироваться с различной степенью успешности. При этом, правда, следует отметить, что чисто технические методы контроля не могут обеспечить достаточную эффективность, и должны в обязательном порядке дополняться методической работой с молодежью в интересах повышения медиа-грамотности, что будет рассмотрено ниже.

Традиционные практики контроля интернет-пространства и их недостатки

Типичный подход к контролю интернет-пространства как внутри учебного заведения, так и на более высоком уровне интернет-провайдеров — запретительный. Из основных практик контроля можно отметить:

- Блокировку отдельных ресурсов по URL или IP-адресу (диапазону адресов);
- Блокировку диапазонов портов IP-протокола с целью ограничения доступа к контенту определенного типа (торренты, видео, стриминговые сервисы и др.).

Эти базовые методы крайне просты в применении, но в целом отличаются малой эффективностью. В основе пониженной эффективности — не столько технические проблемы этих методов, сколько необходимость регулярного обновления стоп-листов запрещенных адресов и портов. В подавляющем большинстве случаев регулярного технического обслуживания оборудования с ручным пополнением списков в учебных заведениях не производится. На уровне интернет-провайдеров стоп-листы регулярно обновляются, и целесообразно делегировать задачу блокировки нежелательного контента именно провайдерам на контрактно-договорной основе. Тем более что использование продвинутых способов защиты информационного пространства информационных сетей, описанных ниже, требует использования сравнительно дорогостоящего оборудования, которое не только часто недоступно учебным учреждениям по финансовым причинам, но и требует высокой квалификации при его настройке.

Гораздо реже используются более развитые средства блокировок, основанные на автоматизированном регулярном формировании черных и белых списков нежелательных/допустимых ресурсов на уровне технологической инфраструктуры провайдера или входных маршрутизаторов информационной сети, соединяющих личные устройства с интернетом:

- Динамическое сужение канала доступа пользователю при обнаружении превышения объемов перекачиваемой информации с

целью блокирования возможности доступа к «тяжелому» контенту (аудиовизуальной информации);

- Динамическое переопределение портов IP-протокола для блокировки возможностей туннелирования информации с использованием сервисов обхода блокировок;
- Развитые средства авторизации и индивидуального мониторинга клиентов;
- Автоматическое обновление стоп-листов и перечня вредоносных адресов специальными скриптами с использованием общедоступных и специально разработанных обновляемых списков вредоносного контента;
- Использование прокси-серверов для фильтрации доступа к интернет-ресурсам;
- Использование специализированных сервисов класса Safe DNS, предоставляемых свободно коммерческими компаниями (Яндекс DNS, Sky DNS и др.) для автоматической фильтрации ресурсов по белым спискам.

Перечисленные методы технического характера при адекватной реализации могут существенно повысить уровень общей информационной безопасности информационных сетей учреждений, но имеют ограниченную эффективность в части контроля информационно-когнитивного пространства. В силу отмеченной проблемы фрагментации информационного интернет-пространства, методы фильтрации нежелательного контента по статическим стоп-листам и даже по белым спискам эффективно действуют только на контент, распространяемый с использованием незашифрованного протокола HTTP, который в современном интернете постепенно становится архаизмом. Фильтрация контента в зашифрованном канале технически осложнена необходимостью

его предварительного декодирования с использованием ключей владельцев интернет-сервисов. Практика показывает, что компании иностранной юрисдикции не склонны изменять своим правилам и передавать ключи дешифровки компетентным органам даже под угрозой блокировок на территории РФ.

Одновременно, следует отметить высокую сложность фильтрации контента в реальном времени даже при работе с открытыми каналами передачи информации. Факт распространения нежелательного контента может быть зарегистрирован, но реакция, предусматривающая блокировку источника распространения информации, будет неизбежно запоздалой. Таким образом, большинство технических мер запретительного характера не могут эффективно адаптироваться к быстро изменяющемуся информационному контексту, и используются преимущественно в правоприменительной практике в качестве доказательной базы, в задачах оперативно-розыскной деятельности, но не в задачах оперативного контроля информационного интернет-пространства.

Тем не менее при правильном применении комплекс рассмотренных методов контроля существенно повышает порог доступа к нежелательной информации, что позволяет хотя бы частично оградить молодежь от вредоносного контента. Наиболее перспективной технологией из рассмотренных является использование белых списков, которые позволяют клиенту обращаться только к явно указанным безопасным источникам, блокируя все остальные адреса по умолчанию. Современные сервисы класса Safe DNS ориентированы преимущественно на блокировку доступа к таким ресурсам как порнография, «взрослый» контент, вредоносное программное обеспечение и т.п. В интересах централизованного управления доступом к нежелательному контенту целесообразно предоставлять аналогичный сервис для учебных

учреждений, управляемый на стороне НАК, либо других органов, ответственных за противодействие пропаганде идеологий экстремизма. Задача по подготовке таких белых списков может быть передана внешним ИТ-компаниям всероссийского охвата, которые уже имеют в своем распоряжении подготовленные и регулярно обновляемые белые списки, которые могут быть оперативно дополнены с учетом рекомендаций компетентных органов.

При реализации предложенной схемы задачи технической блокировки нежелательного контента решаются одновременно для всех учебных учреждений, подключенных к соответствующим сервисам путем несложной настройки конечного сетевого оборудования локальных информационных сетей либо на стороне провайдеров. К сожалению, такой подход, несмотря на свою эффективность, не решает проблемы фильтрации доступа к нежелательному контенту, осуществляемому по сторонним каналам: через личные мобильные устройства с использованием сетей сотовой связи, из домашних сетей, сетей публичного доступа и др. Кроме того, никак не решается задача оперативной фильтрации информации во фрагментированном информационном пространстве: мессенджерах, социальных сетях, облачных сервисах.

Впрочем, эту задачу вообще крайне сложно решить чисто техническими средствами, поскольку решение потребует круглосуточного наблюдения за всеми каналами информационного обмена, анализ их содержания в реальном времени и соответствующие полномочия по мгновенному реагированию на появление нежелательной информации. Иными словами, оперативная блокировка нежелательного контента потребует развертывания громоздкой системы тотальной слежки за всеми коммуникациями, которая к тому же едва ли окажется эффективной.

Поэтому не меньшее значение имеет повышение уровня медиа-грамотности молодежи с тем, чтобы учащиеся могли самостоятельно распознавать и адекватно реагировать на попытки нежелательных информационных воздействий.

Роль медиа-грамотности

Следует признать, что отсутствие медиа-грамотности, способности по распознаванию информационных воздействий и адекватной реакции на те из них, которые идентифицированы как вредоносные, является проблемой не только современной молодежи, но и их наставников и учителей. Последние зачастую недостаточно свободно оперируют современными средствами коммуникации и не в полной мере понимают специфику интернет-общения, которая к тому же изменяется с высокой скоростью, следуя за модой, скоротечными веяниями и увлечениями аудитории. Вне информационного контекста невозможно понимание принципов его функционирования и изменения, а владение контекстом требует, в свою очередь, поддержания постоянного тесного контакта с группами по увлечениям, интернет-сообществами.

В то же время, чисто технические средства ограничения доступа к нежелательному контенту, даже если предположить абсолютную их эффективность — а выше было показано, что она недостижима — действуют только в информационном пространстве образовательного учреждения. Вне контролируемого информационного пространства: дома, в публичных заведениях с интернет-доступом, при доступе к интернет-ресурсам через сети сотовой связи и т.п. — никакого адекватного технического контроля нежелательного контента не может быть обеспечено. Таким образом, своеобразный иммунитет к воздействию нежелательного контента, достигаемый путем соответствующего

образования в области медиа-грамотности, является наиболее эффективным способом предотвращения негативных эффектов.

Современные исследования в области медиа-грамотности зачастую тяготеют к одной из двух крайностей. В первом случае предлагаются полуавтоматические и автоматические средства верификации контента, призванные выявить заведомые искажения в подаче информации. Такие средства имеют околонулевую практическую эффективность по следующим причинам:

- Использование средств верификации контента является сугубо добровольным действием, и чаще всего игнорируется потенциальными потребителями информации даже при наличии возможности;
- Восприятие информации человеком не связано только и исключительно с рациональным анализом фактической ее корректности. Важнейшим слоем восприятия является эмоциональный посыл, непосредственная реакция на подачу, которая может меняться в широких пределах в зависимости от выбранной формы ее репрезентации даже без искажения фактов;
- В силу обозначенной проблемы фрагментации современного интернет-пространства, анализу и верификации может быть подвергнута только незначительная часть информационного потока. Из фильтрации будет полностью исключена информация, циркулирующая в замкнутых информационных экосистемах: социальных сетях, мессенджерах, изолированных интернет-сообществах.

Предлагаемый подход к верификации фактической корректности в соответствующих исследованиях обозначается как метод контрпропаганды «мифы и факты», который считается неэффективным способом

опровержения фальсификаций. На эффективность негативно влияет, в частности, то, что мнение реципиента к моменту информационного воздействия в отношении повестки как правило уже в значительной степени сформировано и подкреплено эмоционально. Простое рациональное опровержение, даже при абсолютной убедительности фактуры, будет отторгаться индивидом, особенно молодым, заинтересованным в подкреплении своих воззрений. Недостатки метода опровержения наглядно продемонстрированы неудачами израильской пропаганды в зонах конфликтов, где последовательные и объективные разоблачения экстремистской пропаганды просто игнорировались населением, на которое они были направлены.

Вторая крайность, часто встречающаяся в исследованиях медиаграмотности — полное освещение проблематики в рамках обязательного курса, входящего в образовательную программу. Такой подход, возможно, может демонстрировать хорошую эффективность для зрелых индивидов, но не может быть эффективно включен в образовательную программу по следующим причинам:

- Полный курс теории информационных воздействий — это дисциплина вузовского уровня, преподаваемая на протяжении нескольких лет. Без существенного упрощения она не может быть адаптирована к уровню школьной программы;
- Адекватное восприятие преподаваемой дисциплины существенно осложнено для не вполне психологически зрелых личностей — а молодежь в большинстве случаев нельзя считать в полной мере психологически зрелой. Разбор конкретных методов воздействия подразумевает способности к самоанализу, знание основ личной и социальной психологии;

- Невозможно ожидать от молодежи и подростков эффективного использования на практике преподанных методов определения и анализа информационных воздействий. Преподаваемые дисциплины в большинстве случаев — даже если они не вызывают отторжения — воспринимаются абстрактно, как некоторое знание, не имеющее реального отношения к повседневной жизни. Особенно это справедливо для сложных, междисциплинарных курсов, которые одновременно подразумевают владение смежными дисциплинами: основами психологии, статистики, массовой коммуникации и др.

Таким образом, медиа-грамотность в учебных заведениях должна подаваться не как какой-то отдельный курс, и далеко не в полном объеме, а в формате отдельных специальных занятий. При этом рекомендовано обратить внимание на следующие факторы:

- Первичная оценка информации производится в первую очередь на эмоциональном уровне [4]. Поэтому вместо разъяснений о том, что какая-то информация несет негативную нагрузку, целесообразно прибегать к психологическим методам выработки противостоящего стимула, рефлекторного отторжения. Например, в интересах борьбы с проявлениями экстремизма может использоваться демонстрация вызывающих отвращение последствий экстремистской деятельности без дополнительных комментариев, либо с минимальным их количеством, поданным в предельно бесстрастной форме.
- Согласно исследованиям Ноэль-Нойман [3], люди — и в особенности молодежь — стремятся избегать ситуаций, когда они вынуждены поддерживать непопулярную в их среде точку зрения. Этот феномен, получивший название «спирали молчания», можно популярно разъяснять на практических примерах, связанных с методикой деятельности экстремистских группировок. Их

информационное поле практически всегда изолировано от окружающего мира, формируется авторитарными лидерами. Как правило, они не готовы к открытой дискуссии, поскольку их идеи не будут популярны среди широких масс. Молодежи необходимо показать, что отказ от обсуждения, догматизм, авторитаризм в общении является не заманчивым из-за своей «таинственности» и «скрытой силы» проявлением, а напротив, проявлением слабости позиции, обусловлен ее уязвимостью, канализацией слабостей в агрессивные формы. Возможно привить некоторые практически применимые в общении обороты речи и наводящие вопросы-детекторы, которые позволят молодежи самостоятельно выявить негативное воздействие. Вопросы такого рода в первую очередь призваны выявить закрытость и негибкость позиции собеседника, нежелание обсуждать ее в более широком кругу, что должно вызвать естественные подозрения.

- Информация, поступающая к молодому человеку, неизбежно проходит через фильтр оценки «лидерами мнений», и будет классифицирована как нежелательная, если признана таковой одним из лидеров сообществ, как было показано Лазарсфельдом [1]. Понятие фильтра может быть легко показано на практических примерах разбора популярных веяний в молодежной среде. Несмотря на то, что от молодого человека затруднительно ожидать совершенно независимых суждений, возможно закрепить в его сознании понимание фильтра информации, где безапелляционная ссылка на какой-либо авторитет — возможно, совершенно неизвестный молодому человеку — должна вызывать подозрение, особенно если точка зрения не может быть аргументирована иначе, как такой ссылкой.

- Важнейшим инструментом пропаганды вообще и целевой обработки индивида в частности является метод некорректного обобщения, либо некорректная проекция ситуации на другой контекст (другое сообщество, государство, культуру). Распознавание некорректных обобщений и проекций подростком обычно затруднено и требует анализа поступающей информации. Тем не менее, возможно привить молодому человеку выработку осторожного отношения к источнику информации, если тот слишком часто использует обобщающие приемы, апеллирует к принципиально иной культурной среде, нормам другого сообщества и т.д. Целесообразно проводить такие занятия на конкретных примерах, с разбором диалогов в социальных сетях, обращая внимание на хрупкость позиции пропагандиста, отмечая повышенную частоту «пустой» аргументации.

Предложенные методы повышения медиа-грамотности не формируют исчерпывающего иммунитета молодого человека к вредоносным информационным воздействиям. Тем не менее, при соответствующем закреплении они способны выработать привычку к осторожному отношению к определенного рода поступающей информации, стимулировать ее обсуждение со сверстниками и старшими, вырабатывать публичную оценку. Во многих случаях такое поведение само по себе демонстрирует пропагандистам негативных идеологий слабую уязвимость позиции собеседника, и попытки воздействия на него могут быть прекращены. При правильном использовании привитых подходов к анализу коммуникации, молодой человек приобретает способности распознавать целенаправленные воздействия, и противостоять им самостоятельно либо совместно со своими знакомыми, родителями, сотрудниками учебных учреждений и компетентных органов.

Заключение

Тотальный контроль интернет-пространства, который часто предлагается в качестве решения проблемы распространения экстремистских идеологий, в современном мире не может быть эффективным в силу фрагментации самого интернета, многообразия каналов коммуникации, быстротечности этой коммуникации и поверхностности, клиповости ее осуществления, особенно молодежью. Технические решения, которые позволяют ограничить доступ к отдельным ресурсам, требуют поддержки квалифицированным персоналом, регулярного обслуживания, существенных финансовых вложений, которые, как правило, недоступны отечественным образовательным учреждениям, особенно в регионах. Кроме того, даже полный запрет использования интернета в пределах отдельного учреждения не приводит к изоляции молодых людей от его воздействия и, напротив, подогревает интерес, одновременно увеличивая враждебность в отношении администрации учреждений, которые идут на такие жесткие меры. Молодежь в любом случае найдет способ получить доступ к интересующей информации, если только она не блокируется на общегосударственном уровне — это произойдет в кафе, на улице, дома.

В описанных условиях нецелесообразно поддерживать какие-либо структуры, специально занимающиеся контролем доступа к интернет-ресурсам в учебных учреждениях. Рациональнее делегировать эту задачу на уровень технических специалистов провайдера, воспользовавшись одним из бесплатно предоставляемых решений класса Safe DNS, доступных в качестве сервиса одной из крупных общероссийских ИТ-компаний. Такой подход в сочетании с общероссийскими блокировками нежелательных ресурсов, осуществляемыми Роскомнадзором, позволяет

обеспечить хороший технический уровень в части фильтрации нежелательного контента в зоне ответственности учебного учреждения.

Однако гораздо важнее обеспечение когнитивной составляющей информационной безопасности. В силу высокого уровня подвижности психики молодежи, она наиболее уязвима для информационных воздействий, осуществляемых по неконтролируемым каналам — а полностью контролировать информационное окружение едва ли представляется возможным. В таких условиях важную роль начинают играть занятия по медиа-грамотности, позволяющие выработать навык распознавания информационной агрессии, попыток вербовки, пропаганды экстремистских или иных вредоносных идей. А в дальнейшем, опираясь на этот навык, молодой человек будет способен самостоятельно выработать способы поведения, предотвращающие или нейтрализующие влияние вредоносных идеологий, вплоть до формирования устойчивого иммунитета к агрессивному информационному влиянию.

Список использованной литературы

1. Lasswell G. D. Propaganda Technique in the World War. New York: Peter Smith, 1927.
2. Berelson, B. R., Lazarsfeld, P. F., & McPhee, W. N. (1954). Voting: A study of opinion formation in a presidential campaign. Chicago: University of Chicago Press; Berelson, B. R. (1948).
3. Noelle-Neumann, E. (1974). The spiral of silence: A theory of public opinion. *Journal of Communication*
4. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Эксмо, 2003
5. Дзялошинский И. М. Проблема эффективности пропагандистской деятельности, осуществляемой с помощью СМИ [Электронный ресурс]. URL: <http://dzyalosh.ru/01-comm/statii/dzyalosh-01/manipul-psihotehn.html>

Научное издание

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ
ТЕРРОРИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ
И МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Сборник статей

Составитель **Виталий Владимирович Каберник**

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Е.П. Решетняк*
Художественное оформление *М.М. Петухова*

Подписано в печать 18.12.2018. Формат 60×84^{1/16}.
Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 7,3. Тираж 500 экз. Заказ

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76